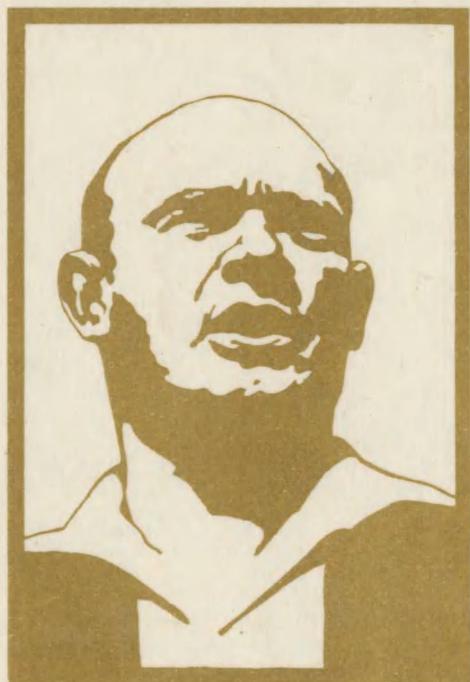

Эрнст Тельман

**Быть солдатом революции —
значит хранить
нерушимую верность делу,
пронести эту верность
через жизнь и смерть,
значит проявлять в любой
обстановке безусловную
надежность, уверенность,
мужество и энергию.**

Э. Тельман

Эрнст Тельман

**Жизнь, борьба,
бессмертие**

**Москва
«Советская Россия»
1986**

Автор-составитель

Е. И. Парнов

Художник

В. В. Андреев

Бессмертен подвиг Эрнста Тельмана — вождя немецкого рабочего класса. Его славное имя знает и помнит весь мир. Дорвавшиеся до власти нацистские погромщики арестовали Тельмана 3 марта 1933 года. Одиннадцать с половиной лет провел он в гестаповских застенках и тюремных одиночках, подвергаясь пыткам и издевательствам. В ночь с 17 на 18 августа 1944 года эсэсовцы тайно и подло убили его в концлагере Бухенвальд.

Но «секретный узник» гитлеровских камер никогда не был одинок. За стенами тюрем ни на минуту не затихала борьба. Несмотря на огромный аппарат гестапо, гитлеровцам так и не удалось пресечь связь ЦК КПГ с Тельманом. Вождя германских коммунистов переводили из одной тюрьмы в другую, его лишали свиданий и переписки, у него даже отняли имя, но связь с партией не прекращалась. Постоянно рискуя жизнью, переходили границы многих стран героические курьеры КПГ, ответственные за «мосты жизни».

Кульминационным моментом единоборства Тельмана с палачами должен был явиться политический процесс, который готовила судебная машина рейха, но который так и не состоялся. Непокколебимая стойкость Тельмана, его животворная вера в конечное торжество правого дела заставили гитлеровцев отказаться от широко разрекламированных планов. «Отыграть» за поражение в Лейпциге, где Георгий Димитров превратился на глазах у всего мира из обвиняемого в обвинителя, им так и не удалось.

Вся юридическая машина фашизма, весь его чудовищный карательный аппарат оказались бессильны перед мужеством транспортного рабочего, которого германские коммунисты избрали своим руководителем.

Гитлеровцы просчитались! Самыми зверскими и изощренными пытками они не смогли подорвать мужество и духовную силу замечательного коммуниста-ленинца. Верно поется в песне: «Нет! Тельман не погиб, он — нации голос и сила...»

Улица, известная под названием
«Райский двор» (фото конца XIX в.)

Гамбургские трущобы

Сын германского рабочего класса

Детство и отрочество Эрнста Тельмана прошли в рабочей среде, приверженной к идеям социал-демократии. Это оказало определяющее воздействие на всю его жизнь. «Я едва 16 лет от роду ушел из родительского дома и скитался в поисках работы без всякой помощи и без каких-либо средств, полагаясь во всем лишь на самого себя. Уже тогда познал я горькую необходимость самому зарабатывать свой хлеб насущный, чтобы не быть в тягость ни своим родителям, ни другим людям. Я также вел и выдержал борьбу с жестокой силой голода, и честно пробивая себе дорогу в этом мире. Моя суровая судьба рано научила меня чувствовать и понимать жизнь и образ мыслей немецкого рабочего. Сколько раз мы храбро смотрели в глаза нужде и нищете! Как мы хотели работать, когда нам выпадал тяжелый жребий безработицы! Однако мы стойко выдержали все, ибо принадлежали к такому классу, который привык к тяготам жизни, но не склонился перед ними. Чем больше была нужда, тем сильнее стремились мы одолеть ее. Все мое существо глубокими корнями срослось с трудовым народом, который я полюбил со всей страстью сердца... Гамбургские рабочие были и всегда

Эрнст Тельман — школьник

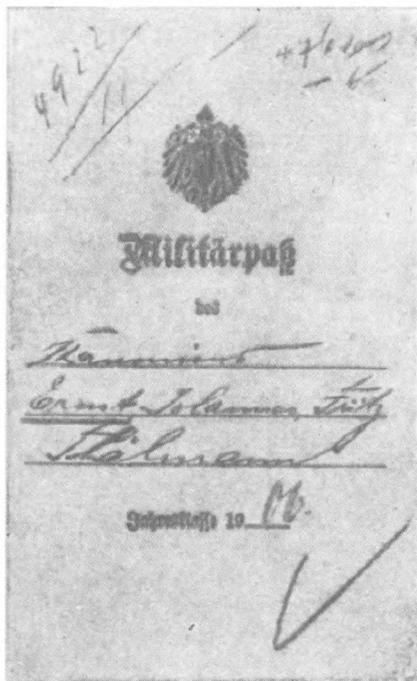
останутся моими самыми близкими братьями, они были первыми товарищами в борьбе и страданиях на моем бурном жизненном пути. Непреложным фактом останется то, что мне там часто доводилось делить с ними судьбу и испытания, что узы солидарности, выросшей на почве родины, неразрывны и все еще соединяют меня с ними и поныне».

Эрнст Тельман. Письма из тюрьмы родным и близким. М., 1968, с. 124—126

На Западном фронте

На сельскохозяйственных
работах. 1919 г.

Солдатская книжка
Э. Тельмана

Здание гамбургского
профсоюзного центра

Протокол
заседания союза
транспортных рабочих.
1922 г.

Антивоенная листовка,
обращенная к солдатам и
рабочим. Гамбург.
Август 1920 г.

Genossen! Hafenarbeiter! Matrosen!

Der neue Krieg, der größere, der grausamere, der mörderischere Krieg des Kapitals gegen die Arbeit ist im vollen Gange. Sie, die gegen den „Militarismus“ kämpften, die schicken Soldaten, die schicken Munition, die schicken Waffen gegen die Arbeiter

Kanonen und der Hunger sollen die proletarische Revolution zerschmettern.

Rußland, Sowjet-Rußland, die Arbeiterrepublik, wollen sie, müssen sie jetzt bekriegen.

Arbeiter! Matrosen!

**Ihr sollt bei diesem Nord an Euren Klassengenossen
in Rußland mitwirken.**

Jedes Schiff, das Ihr für die Gegenrevolution laden helft, jedes Schiff, auf dem Ihr für die Weißgardisten Dienst tut, bringt Tod Euren Klassengenossen.

Arbeiter! Matrosen!

Tut keine gegenrevolutionäre Arbeit, ladet keine Schiffe, die nach dem Baltikum bestimmt sind; sie sollen Arbeiter morden, Arbeiter, die seit Jahren ringen, seit Jahren kämpfen, für Euch kämpfen, für die Revolution leiden. Folgt dem Beispiel Eurer norwegischen, Eurer dänischen Kameraden! Tut keine gegenrevolutionäre Arbeit!

In diesen Tagen, schon am 8. August, sollen Schiffe vollgepackt mit Waffen, mit Kanonen, mit Handgranaten, mit Munition nach dem Baltikum abgehen.

Dieser Transport muß ver- hindert werden!

Diese Schiffe werdet Ihr nicht laden! Auf diesen
Schiffen werdet Ihr nicht Dienst tun!

Rieder mit der Gegenrevolution! Rieder mit der
weißen Garde!

В горниле классовых битв

В начале ноября 1918 года в Германии вспыхнула революция. Одним из важнейших ее итогов явилось создание Коммунистической партии Германии.

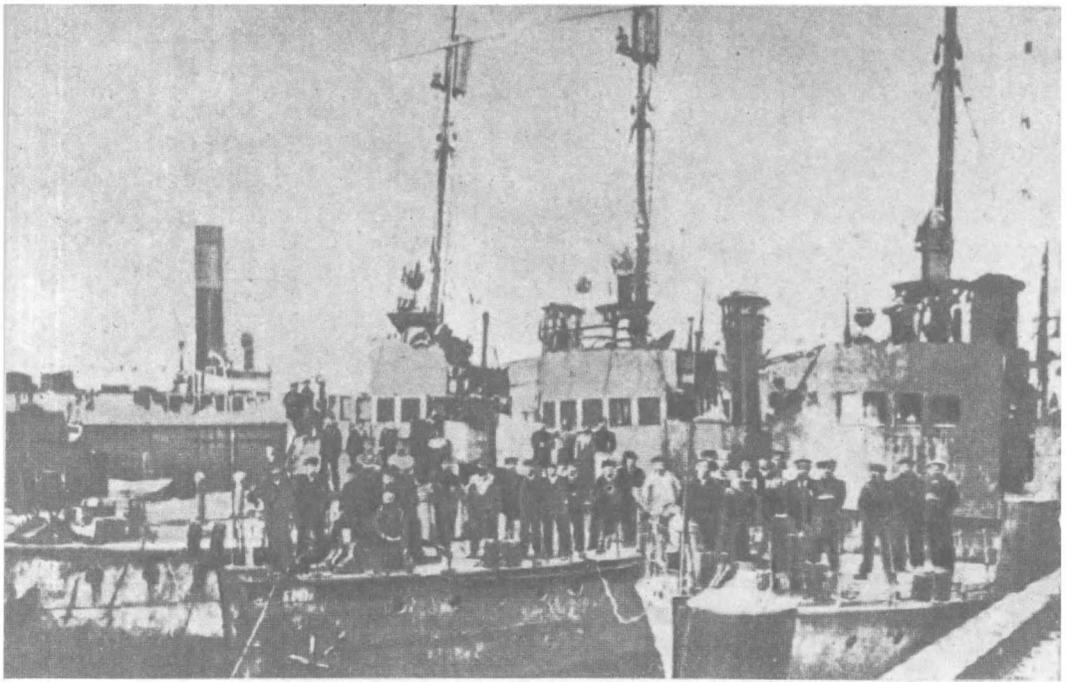
«Капитализм потрясен в своих основах, экономический кризис углубляется с каждым днем, капиталистическая анархия приводит нас к все более глубокой нищете. Тому, кто думает сейчас о дальнейшем развитии капиталистической системы хозяйства, станет ясно, что это означает новые годы капиталистического наемного рабства, новые кризисы, новую нищету, коммунистическая партия вправе, наконец, претворить в жизнь те лозунги, которые она пропагандирует вот уже многие недели и месяцы... Капиталистическое правительство беспощадно преследует рабочих. Оно стремится подавить пролетариат всеми имеющимися у него силами. И мы видим это!.. Трудно себе представить более острую борьбу классов чем в настоящий период. Доказательством этого служат забастовки рабочих на многих предприятиях, где пролетарии вынуждены были вступить в борьбу с капиталом, требуя повышения заработной платы. По всей Германии развернулась борьба. И если вам удастся подавить это движение, если вы действительно собираетесь рас-

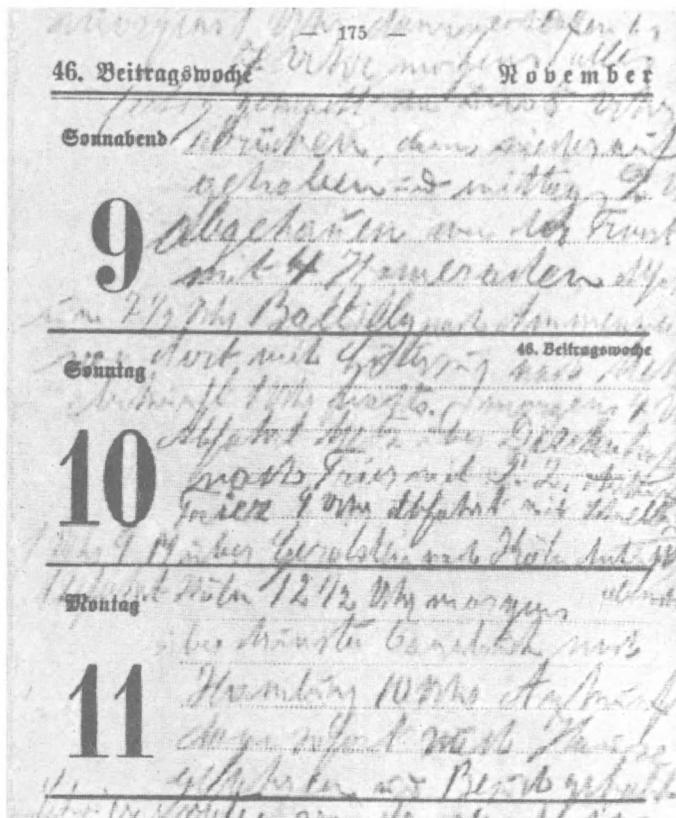

Э. Тельман — председатель
Союза транспортных
рабочих. 1920 г.

правиться с коммунизмом так, как вы об этом заявляете, ну что ж, мы преодолеем это временное поражение, ибо мы твердо уверены в том, что в один прекрасный день, когда пролетариат осознает это, он перешагнет через тех людей, которые сейчас вместе с капитализмом делают все для самого грубого подавления пролетариата».

Эрнст Тельман. Избранные речи и статьи, 1.
М., 1957, с. 20—21.

Революционные
матросы
на военных кораблях
в гамбургском порту
Восставшие рабочие
Гамбурга

Страничка
из записной книжки
Э. Тельмана

Революционные
рабочие
учатся стрелять
из пулемета

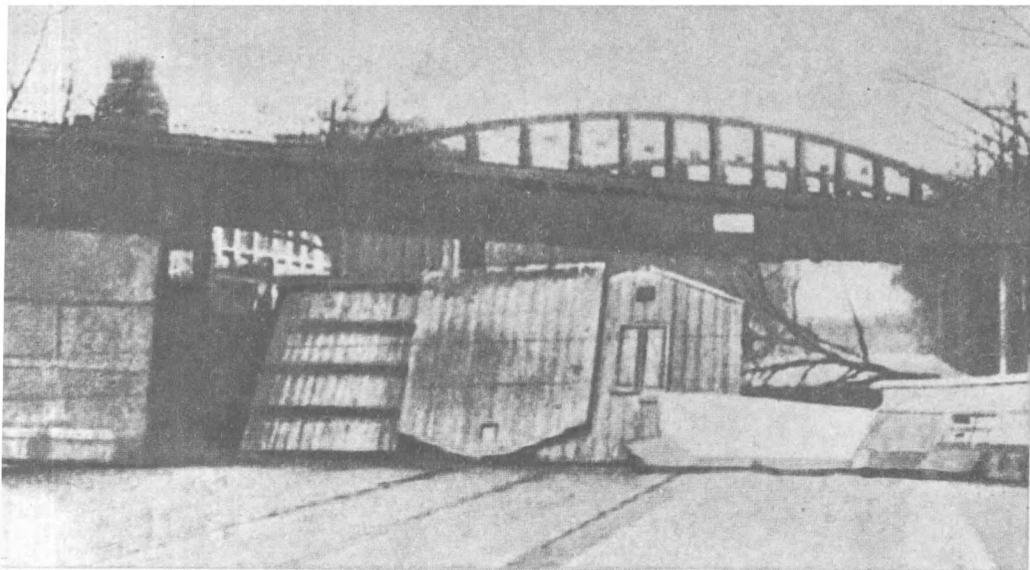
Марш безработных
в Берлине

Газета «Ди роте фане» —
центральный орган КПГ
1923 г.

Э. Тельман — член ЦК КПГ,
организатор и руководитель
Гамбургского восстания. 1923 г.

**Баррикады —
в Бармбеке —
центре вооруженного
восстания.
1923 г.**

**Газета
«Гамбургер
фольксцайтунг»
от 27 октября 1927 г.
пишет о событиях
октября 1923 г.**

брошюра Э. Тельмана
«Локарно — новый
военный пакт». 1925 г.

Вождь Коммунистической партии Германии

Избрание Эрнста Тельмана Председателем КПГ имело огромное значение как для немецкого пролетариата, так и для международного коммунистического движения. Под руководством нового ЦК партия добилась значительных успехов в идейном и организационном укреплении своих рядов, в борьбе за единство действий рабочего класса.

Будучи стойким ленинцем, Эрнст Тельман был выдающимся пролетарским интернационалистом. Он постоянно подчеркивал, что путь к светлому будущему возможен только в тесном единении с Советским Союзом — оплотом мира, демократии и социализма во всем мире.

«В те дни, когда русский пролетариат и крестьяне впервые в мире штурмовали твердыню кровавого царизма и сокрушили ее, германский рабочий класс понял, каким решающим историческим шагом для революционного рабочего движения всего мира явилась победа русской революции, создание Красной Армии и великие идеи большевизма».

Эрнст Тельман. Избранные речи и статьи, т. 1. М., 1957, с. 292, 293.

Э. Тельман —
председатель Союза
красных фронтовиков.
1925 г.

M Ä R Z
1 9 2 5
B E R L I N

Arbeiter-

P r e i s
pro Nummer
20 Pfennig

Illustrierte Zeitung

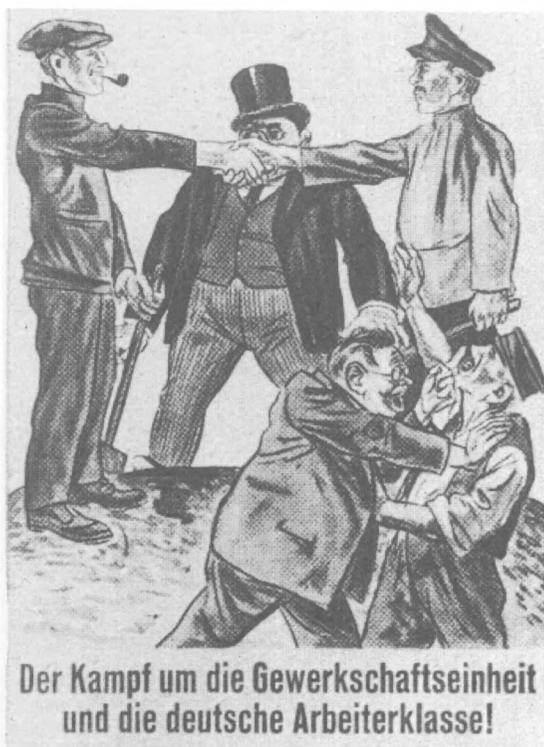
Ernst Thälmann, Transportarbeiter, Hamburg
Der Kandidat der Werktätigen in Stadt und Land

Агитационная машина КПГ. 1925 г. Шахтеры Бохума призывают голосовать за кандидатуру Эрнста Тельмана на президентских выборах

Обложка «Рабочей иллюстрированной газеты», 1925 г.

Обложка брошюры с речью Э. Тельмана, произнесенной на X съезде КПГ в июле 1925 г. в Берлине 1925 г.

Э. Тельман
во главе отряда
Красного флота
на митинге
в Гамбурге,
посвященном памяти
восставших
немецких моряков
летом 1917 г.

Выступление
Э. Тельмана
на III расширенном
plenуме ИККИ
в Москве.
1926 г.

Э. Тельман
на открытии
дома Красной Армии
им. Фрунзе в Москве
во время работы
VI Всемирного
конгресса
Коммунистического
Интернационала

1927 г. Э. Тельман произносит речь на открытии памятника рабочим, павшим в ходе мартовских боев 1921 г.

Мандат, выданный Э. Тельману Всероссийским союзом рабочих-металлистов в 1925 г.

Э. Тельман с советскими моряками и китайскими рабочими на окружной встрече Союза красных фронтовиков округа Вассерканте. Гамбург. 1926 г.

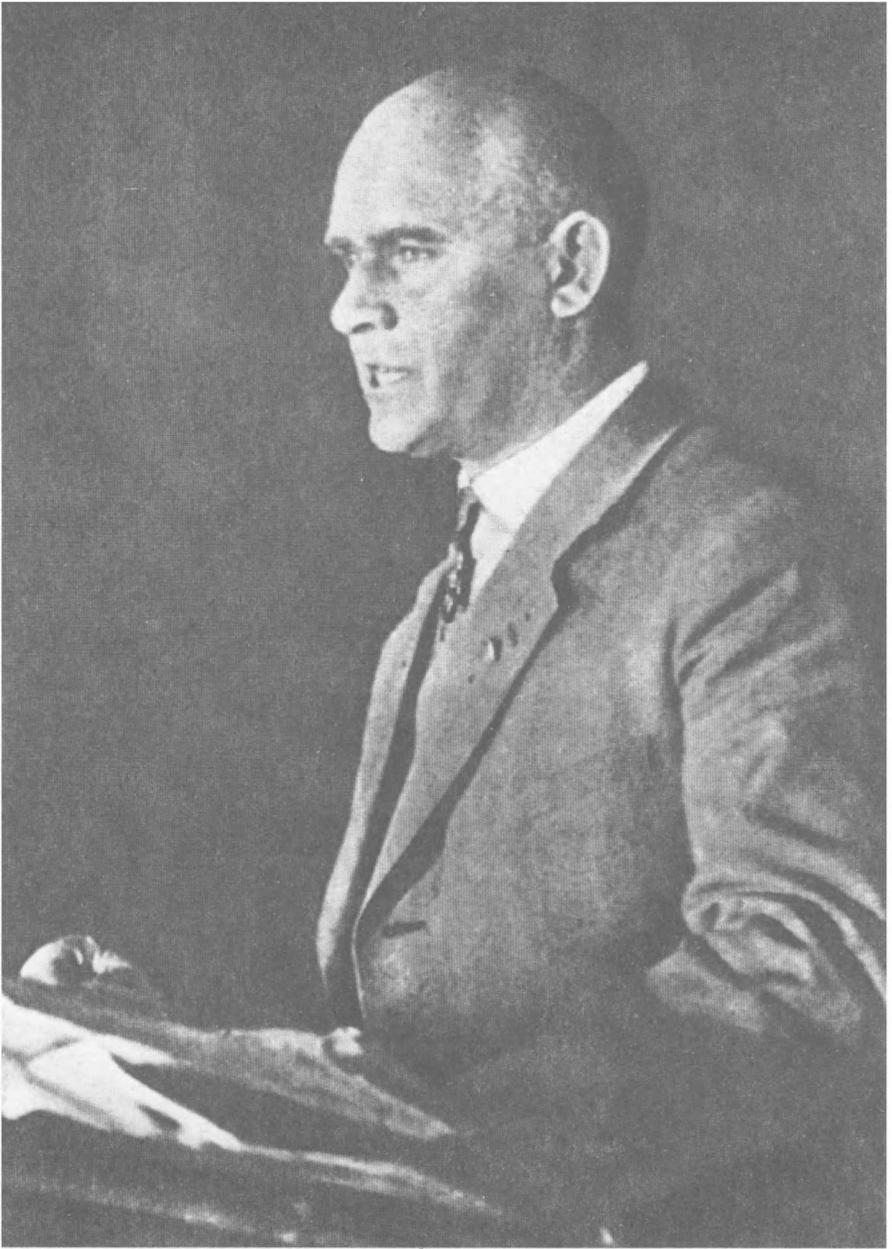

**Э. Тельман
на Кёслинской улице
в Красном Веддинге
после 1 Мая.**

**Уличная стена
с предвыборным
воззванием**

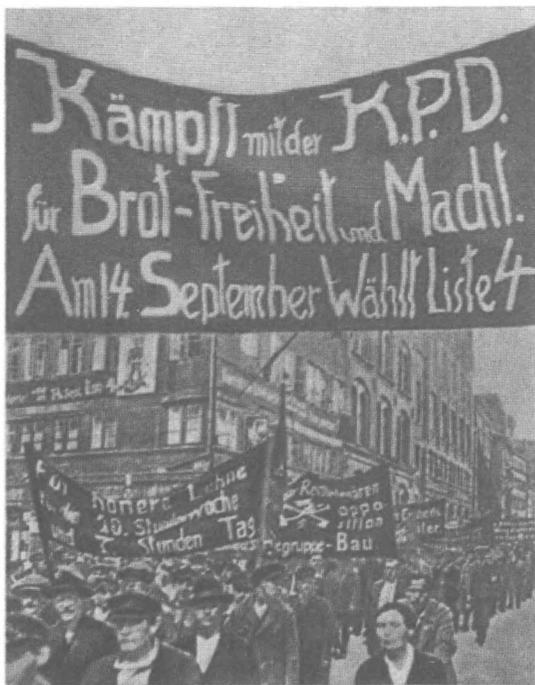
**Э. Тельман выступает
на XII съезде КПП
в Берлине.
Июнь 1929 г.**

Одна из баррикад
в Берлине — Нойкёльн.
1929 г.

Траурная процессия,
направляющаяся
к кладбищу
Гертрауден в Галле

Предвыборная демо-
страция. 1930 г.

Брошюра Э. Тельмана
«Об антифашистских
акциях»

Поединок с фашизмом

КПГ постоянно находилась в авангарде борьбы трудящихся против наступления монополий, против обнищания, против угрозы фашизма и новой войны. Когда фашистская опасность стала нарастать, КПГ по инициативе Эрнста Тельмана призвала все демократические силы страны к развертыванию классовой борьбы. Всюду стали возникать «Комитеты единого антифашистского действия» и отряды рабочей самообороны. «Мощный приток к нам трудящихся масс Германии, всех тех, кто хочет слышать нас, кто хочет воспринять наши идеи, кто покупает нашу литературу, и прежде всего тех, кто участвовал в наших последних могучих манифестациях, прокатившихся по всей стране, достиг небывалой силы и опирается на пламенное воодушевление колоссального размаха... Мы единственная антикапиталистическая, единственная антифашистская, единственная революционная марксистская партия Германии... Перед нами лежит ясный исторический путь: фашизм или коммунизм, социализм или гибель и варварство. Мы, партия трудящегося народа, обещаем бороться за социализм».

Э. Тельман. Избранные речи и статьи, т. 1. М., 1957, с 379—385.

Э. Тельман отвечает на 21 вопрос рабочих представителей СДПГ по проблемам совместной борьбы. 1932 г.

Бездомные
на ступеньках
Берлинского
народного театра.
1930 г.

**Eurer Hände Fleiß, Eurer Arbeit Preis,
raubt Euch das Junkergeschmeiß!**

Kämpft mit der revolutionären Arbeiterschaft!

Предвыборный
плакат КПГ

Bauern schreiben an Thälmann

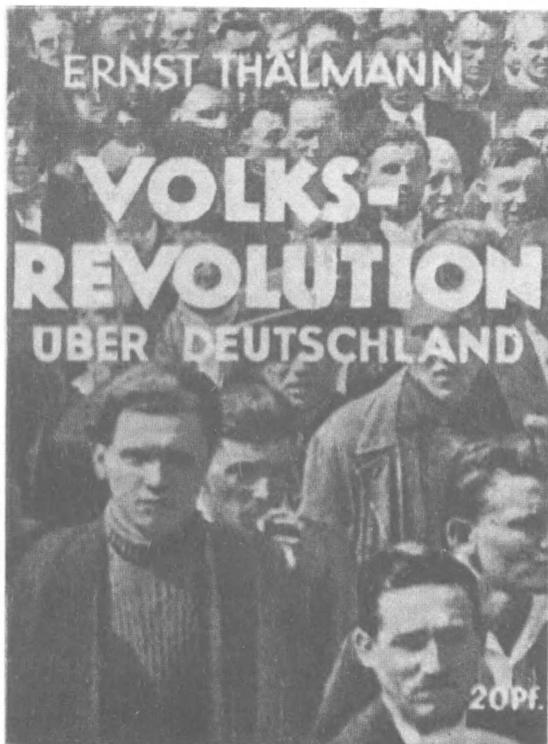
Seitdem die kommunistische Partei Deutschlands ihr Bauernhilfsprogramm veröffentlicht hat, lauten beim Zentralkomitee und den Bezirksleitungen unserer Partei täglich Hunderte von Briefen ein, in denen kleine Bauern ihrer hellen Freude über die Aktion der KPD Ausdruck geben. Einen dieser Briefe veröffentlichen wir nebenstehend im Faksimile; er beweist wie all die anderen, daß die Bauern Deutschlands die ihnen entgegengebrachte proletarische Bruderhand ergreifen und mit der kommunistischen Partei marschieren werden.

*An den Vorsitzenden des Kommunistischen Zentrums
Genosse Ernst Thälmann Berlin*

*Das Bauernhilfsprogramm des K. P. D. lesen wir mit großem
Lob. Es umfaßt alles was die unglücklichen Bauern freuen
Wir begrüßen deshalb das Bauernhilfsprogramm und
verpflichten uns, die Klagen und Leiden der Bauern in
einer Kolonne für dieses Programm zu gewinnen, damit
die Vertreibung der Hindenburg von Stettin und Land
noch schnellere Fortschritte macht. Kommt alle noch
glücklicher Arbeiter Deutschlands zum Kampf gegen
die Volkfeinde, für das nationale und soziale
Hilfsprogramm des K. P. D. !
Im Kommunistischen Zentrums mit besten Grüßen
Ernst Thälmann, revolutionäre Genosse.*

*Walter Raußky
Landskron.*

Это письмо
было опубликовано
в «Красном знамени»
4 июля 1931 г.

Обложка брошюры
с речью Э. Тельмана
на пленуме ЦК КПГ,
состоявшемся
15—17 января 1931 г.

Забастовочный пикет
у автобусного депо
Берлин-Вайсензее.
1932 г.

Последнее
заседание ЦК КПГ
с Э. Тельманом
проходило
в доме спорта
Цигенхальс
недалеко от Берлина.
7 февраля 1933 г.

Газета «Ди роте фане»,
1932 г. «Эрнст Тельман —
красный кандидат
немецких рабочих»

Э. Тельман
на майском митинге
в берлинском
Люстгартене. 1932 г.

15. Jahrg. / Nr. 10 / Wiese für Berlin
Herausgabe 15. 04. Berlin, Mittwoch, 13. Januar 1932

Die Rote Fahne

Zentralorgan der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion der Kommunistischen Internationale)

Verlegt: Berlin W 75, R.L. Wittenbergstr. 74, Tel. 1. Redaktion 3434,
Tel. Post: Rotenburger Platz, Berlin, Betriebsamtstag 3434,
Berlin W 75, R.L. Wittenbergstr. 74, Verlagsb. Berlin W 75 7734. Verlagspreis: 10 Pf. (Postzusatz 1 Pf.)
Abonnement: 10 Pf. (Postzusatz 1 Pf.)
Einzelheft: 1 Pf. (Postzusatz 1 Pf.)

Redigiert täglich außer Montage

Verantwortl. von
Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg

Ernst Thälmann - der rote Kandidat der deutschen Arbeiterklasse Beschluss zu den Präsidentschaftswahlen

Das Zentralkomitee der Kommunistischen Partei Deutschlands hat zur Frage der Präsidentschaftswahlen Stellung genommen. Die Kommunistische Partei Deutschlands, als die einzige politische Massenorganisation der deutschen Proletariat, wird durch die Unterstützung eines eigenen Kandidaten und die aktive Mobilisierung der ausgebeuteten Deutschen sich für den Wahlkampf einsetzen. Die Kommunistische Partei betrachtet die Präsidentschaftswahlen, wie alle anderen öffentlichen Wahlen und Wahlabschlüsse, nicht als parlamentarische,

sondern als Wahlkämpfe der deutschen Arbeiterklasse für den Präsidentschaftswahlkampf. Die Kommunistische Partei Deutschlands führt den Wahlkampf als außerparlamentarische Massenaktion geführt auf alle Klassenorganisationen und Arbeitervereine der Prolet-

Экстренный выпуск
«Ди роте фане»:
«Тельман в Париже»

Последний
большой митинг КПГ
в Берлине
25 января 1933 г.

Листовка,
призывающая
активизировать
антифашистскую
борьбу

Antifaschistische Aktion

in
jedem Betrieb

Reiht euch ein!

Herausgeber und für den Inhalt verantwortlich: Ernst Schneller, Berlin,
Druck: Uranus-Druckerei GmbH., Berlin SW 68, Lindenstraße 26

Открытое письмо
Э. Тельмана,
призывающее
рабочих Германии
к единой борьбе
против фашизма,
от 27 февраля 1933 г.

Ernst Thälmann

ruft zur antifaschistischen Einheitsfront

Offener Brief an die sozialdemokratischen und christlichen Arbeiter Deutschlands
An die Kollegen der freien Gewerkschaften und die Reichsbannerkameraden

Klassengenossen! Genossinnen!

Die offene faschistische Diktatur in Deutschland ausgerichtet. Der Reichspräsident von Hindenburg, für den ihr auf Erhebt erster Führer vor einem kurzen Jahr mit dem Ansehen aller eurer Kräfte des Wahlkampfes führte, weil man euch sagte, Hindenburgs Wahl sei ein Schutz vor dem Hitler-Faschismus, hat Adolf Hitler, Frick und Goering, Papen, Hugenberg und Seide die Macht übergeben. Mit Terror und Bestrafung verurteilt die Bewegung die Arbeiterklasse und ihre Organisationen überzuwerfen. Faschistische Handlanger werden eine Kette von Mordanschlägen an sozialdemokratischen, parteilosen und kommunistischen Arbeitern.

Zimmer wieder hat die kommunistische Partei ihre feste, unverbrüchliche Bereitschaft ausgedrückt, gemeinsam mit allen Arbeitern und jeder Organisation den Kampf gegen den Faschismus zu führen, die ihrerseits zum Kampf bereit sind.

Wie am 29. Juli des vergangenen Jahres, so richtete am 30. Januar dieses Jahres anlässlich der Mordanschläge Hitlers die KPD erneut ihr Angebot zum gemeinsamen Kampf an die Sozialdemokratie, an den NSGB und Mo-Bund, an die christlichen Gewerkschaften. Eure Führer sind auf diese Einheitsfrontangebote nicht eingegangen.

Im Namen der hunderttausenden Mitglieder der kommunistischen Partei, im Namen der mehr als 6 Millionen Arbeiter, Arbeiterinnen und Jungarbeiter, die bei der letzten Reichstagswahl ihr Vertrauen zur kommunistischen Partei bekundeten,

reichte ich euch, den Mitgliedern und Funktionären der SPD, der freien Gewerkschaften und darüber hinaus den Millionen-massen parteiloser Arbeiter, die Bruderhand zum gemeinsamen Kampfbündnis gegen den Faschismus.

Die faschistischen Mordmörder, die mit Dolchen, Revolvern und Bomben gegen Arbeiter wüten, machen keinen Unterschied, ob ihr das Mitgliedsbuch der KPD, der SPD oder der christlichen Gewerkschaften in der Tasche tragt. So darf auch im Freiheitskampf aller Antifaschisten die Parteizugehörigkeit kein Hindernis sein, gemeinsam zu marschieren, gemeinsam zu kämpfen.

Am Wahlsonntag oder einige Tage darauf sollen die Warden der SA und SS in das rote Berlin, das kämpferische Herz der deutschen Arbeiterklasse, einmarschieren. Marsch auf Berlin — diese Drohung der faschistischen Terrorformationen ist eine Kriegserklärung nicht nur gegen die Männer und Frauen und die Jugend des roten Berlin, sondern gegen die ganze deutsche Arbeiterklasse, gegen das ganze werktätige Volk!

Im Namen der kommunistischen Partei Deutschlands rufe ich euch Klassen-genossen und -genossinnen, die ihr noch nicht in letzterem Lager steht, die ihr aber wie wir den Faschismus haßt und die Freiheit liebt, zur gemeinsamen Arbeit auf.

Wenn wir, die Arbeiter, Arbeiterinnen und Arbeiterjugend, deren Hände alle Werte erschaffen, Schulter an Schulter zusammenstehen, wenn wir gemeinsam kämpfen, sind wir unüberwindlich. Wenn wir gemeinsam kämpfen, werden wir Millionen von armen Bauern am dem Lande, Millionen von Angestellten, Beamten, Mittelhändlern in den Städten mit uns reihen in die gemeinsame Front des antifaschistischen Freiheitskampfes!

Kehrt in euren Organisationen zu diesem Einheitsfrontangebot der kommunistischen Partei Deutschlands Stellung! Beratet gemeinsam mit euren kommunistischen Klassen-genossen die notwendigen Kampfmaßnahmen! Bildet gemeinsam mit uns Komunisten den Selbstschutz, die Kampfbrigade der Fackel und Stempelzellen. Schließt gemeinsam mit uns breite Massenorgane der proletarischen Einheitsfront, in denen hunderttausend und zehntausend Kommunisten und Sozialdemokraten, christliche Arbeiter und Freidenker, Organisierte und Unorganisierte zusammen arbeiten und gemeinsam den Kampf organisieren!

Es lebe die kämpfende proletarische Einheitsfront! Es lebe der antifaschistische Freiheitskampf!
Es lebe der gemeinsame Kampf für Arbeitermacht und Sozialismus!

Ernst Thälmann, Vorsitzender der kommunistischen Partei Deutschlands.

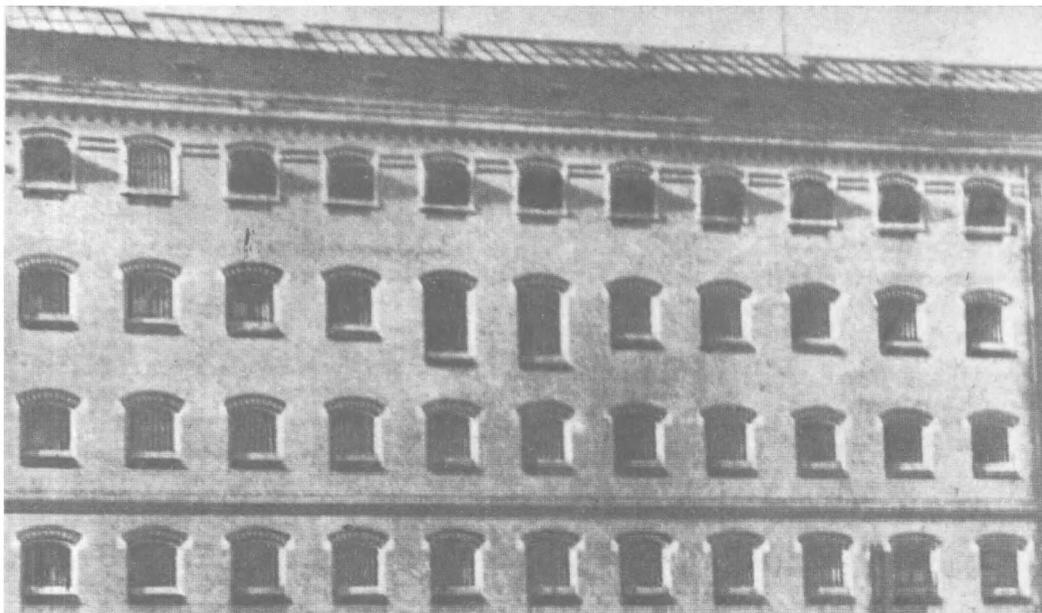
Путь в бессмертие

После поджога рейхстага по стране прокатилась волна террора. Арест Эрнста Тельмана явился тяжелым ударом для коммунистов и всего антифашистского подполья. Одиннадцать с половиной лет провел вождь германского пролетариата в нацистских тюрьмах, подвергаясь зверским пыткам и издевательствам. Негнгибаемый, стойкий боец. Таким был Эрнст Тельман! До последнего мгновения он остался убежденным марксистом-ленинцем, верным делу рабочего класса. «Тот, кто здесь безутешно и беспомощно покоряется «неизбежной» участи, тот уже погиб, он постепенно будет все больше терять силу духа и воли. А тот, кто к тому же, подобно мне, оказывается оторванным от бьющей ключом, многообразной жизни, какую я вел на протяжении десятилетий в неустанной и тяжелой борьбе и которая вошла в мою плоть и кровь,— тот только тогда сможет победно противостоять обстановке тюремной жизни и ее воздействию на психику, если он смело выступит против неотвратимого и неизбежного. Ибо и эта судьба — героическая, она также составляет жизнь, а для меня жизнь всегда была борьбой».

Э. Тельман
на прогулке
в берлинской тюрьме
в первые месяцы
после ареста

Эрнст Тельман. Письма из тюрьмы родным и близким. М., 1968, с. 10.

Тюрьма Баутцен

Сообщение
судебного
следователя
о завершении
предварительного
следствия по делу
Э. Тельмана

6

Der Untersuchungsrichter
des Volkgerichtshofes
14a/B.J.151.28

Berlin, den 27. Dezember 1934
NW.40, Turmstr. 91

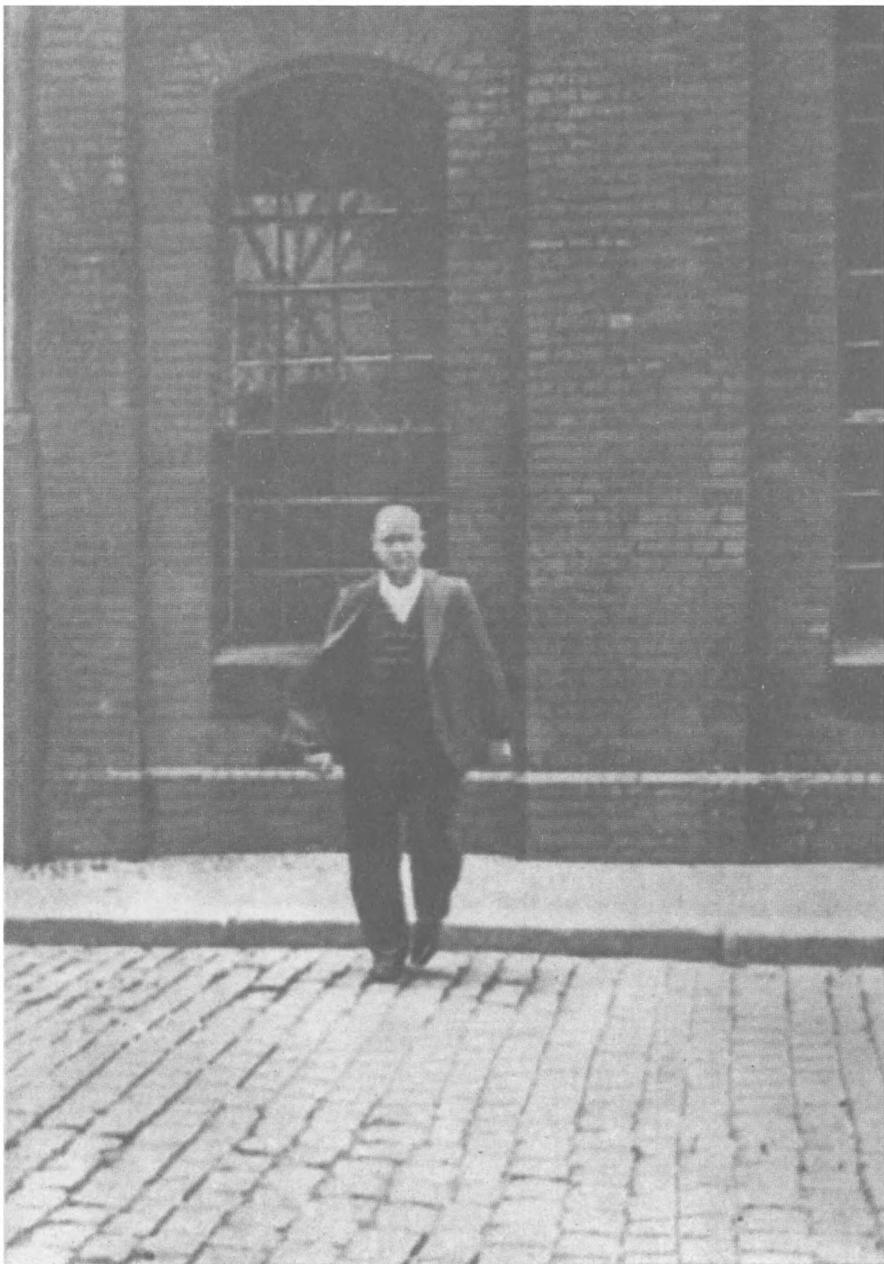
Herrn
Ernst Thälmann
z.Zt. Unters.Gef.Alt-Moabit 123

In der Strafsache gegen Sie wegen Vorbereitung
zum Hochverrat wird Ihnen mitgeteilt, daß die Vorunter-
suchung abgeschlossen ist. Die Akten sind an den Herrn
Oberreichsanwalt, Zweigstelle Berlin zurückgesandt.
(Aktenzeichen: 14a/B.J.151.28)

gez. Dr. Walter
Lendge, Richteramt,
Beauftragt:
Walter
Justizangestellter

Prüf. Sanbschlot
Berlin

80

Э. Тельман
во дворе тюрьмы
Моабит

**Батальон
им. Тельмана
в Испании**

**Пункт сбора средств
на народном гулянье
в Дании**

**Обложка брошюры
Международного
комитета борьбы
за освобождение
Э. Тельмана и всех
томящихся в тюрьмах
антифашистов**

**В тюрьме Моабит
Э. Тельман содержался
под стражей с мая 1933 г.
по август 1937 г.**

**Отрывок из письма
Тельмана судебному
следователю, в котором
он опровергает клевету
нацистов, обвиняющих
КПГ в подготовке путча**

An den Genossen Pison
- Vorsitzender des ZK KP Deutschlands

58

Mit dem Gefühl unbegrenzter Entrüstung und Erschütterung wegen des menschenmörderischen Todes unseres unvergesslichen, heldenhaften Führers, bitte ich mein tiefstempfundenes Beileid dem ZK und allen deutschen Genossen auszudrücken.

Nach den unzähligen Opfern, hat unsere deutsche Bruderpartei im entscheidendsten Moment ihrer Geschichte jetzt auch ihren erprobten, geliebten Führer Ernst Thälmann verloren, in einem Momente, wo er der Partei und dem deutschen Volk am notwendigsten wäre.

Das bestialische Mord an Thälmann ist selbstverständlich, im keinem Falle zu unvermeidliche Vernichtung der Hitler-Bande verhindern können. ^{Ein} Mord der Verbote Ernst Thälmanns ist ^{ein} überaus heftiger Schlag für die Partei und alle Antifaschisten Deutschlands und verpflichtet sie mit noch größeren Anstrengungen und Selbstopferung für die Erfüllung ihrer historischen Aufgaben im Sinne der Lenin-Stalin-Lehre arbeiten und zu kämpfen.

Der große deutsche kommunistische Führer ist gefallen. Die Kommunistische Partei Deutschlands aber soll und wird leben und ~~die~~ ihre Befreiungsmission, trotz alledem, zum Siegen Ende führen.

Kopf hoch meine deutschen Genossen.
Mut, mut und noch einmal Mut!

Mit Voll dampf voran - zur endgültigen Vernichtung des berüchtigten Hitlerismus und den vollen

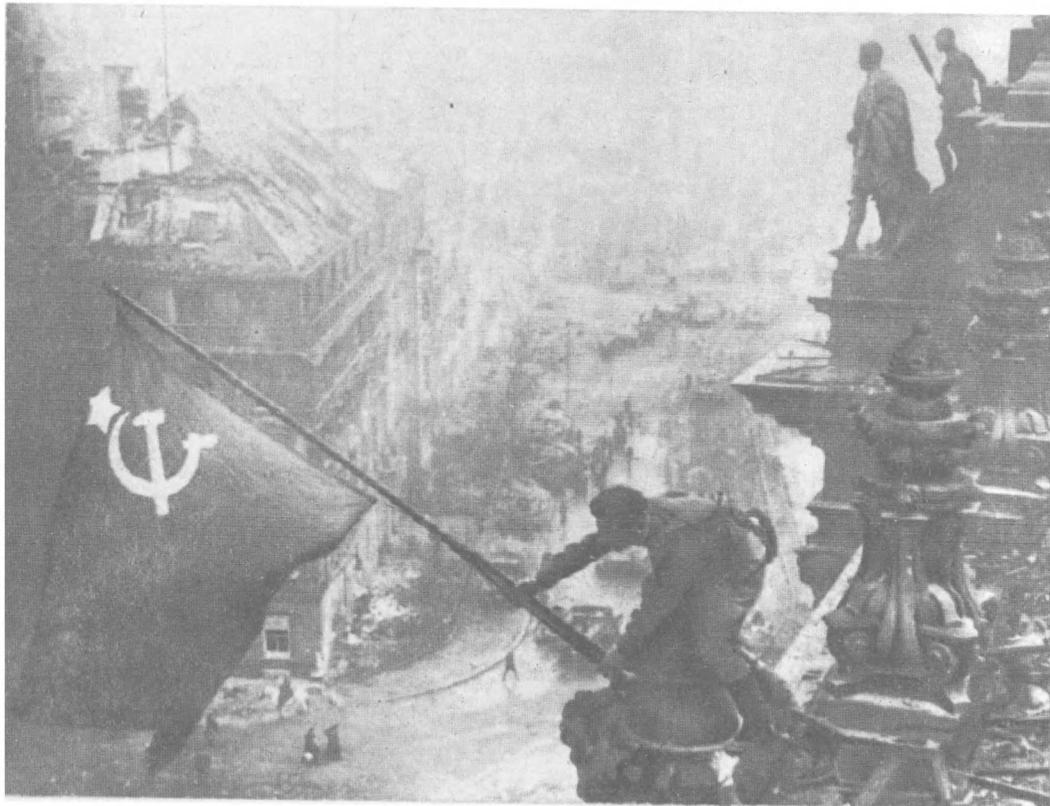
Sieg der Großen Sache für die unser Führer geliebt, gekämpft, gelitten und gestorben ist.

Moskau,
17. September 1944.

J. Dimitroff

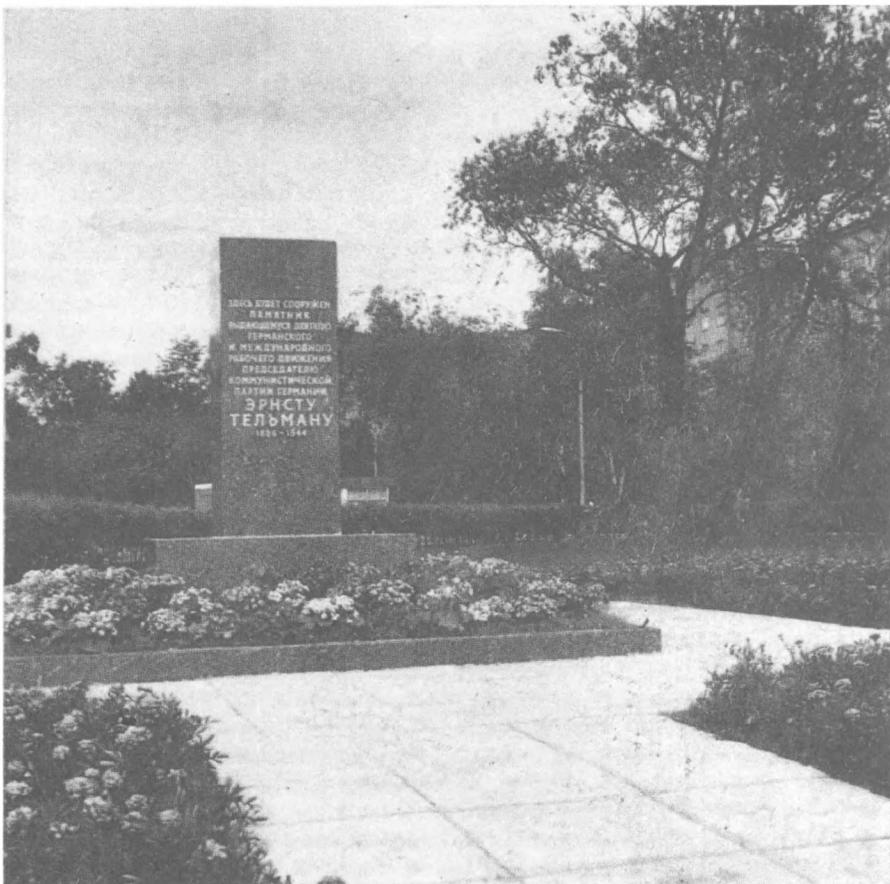
Письмо Г. Димитрова
В. Пику
(в память о Тельмане)

Советские воины
водружают
победное знамя
над рейхстагом. Май 1945 г.

Мемориальная доска
Э. Тельману
в бывшем концлагере
Бухенвальд

Одна из площадей
Москвы названа именем
Э. Тельмана, на ней будет
сооружен памятник
несгибаемому вождю
германского
пролетариата.

23 января рокового 1933 года на совместном заседании бюро ЦК КПГ и ее берлинского окружного руководства Эрнст Тельман внес предложение провести внушительную политическую демонстрацию. Оно было принято единогласно. Подготовку демонстрации взял на себя по поручению ЦК секретарь Берлин-Бранденбургского окружкома Артур Фогт. Сроки были самые сжатые, практически всего один день. Тельман разговаривал с Фогтом несколько раз. Его интересовало буквально все: состояние дел в районных комитетах, контакты с руководством местных антифашистских организаций, с представителями от безработных, лозунги и, конечно, меры по защите демонстрантов от провокаций фашистов и полиции. Тельман требовал, чтобы такая защита, не ослабевая, действовала от самого места сбора до возвращения рабочих групп по домам.

Сотни тысяч рабочих не вышли в этот день на работу, ибо шествие к дому Либкнехта началось уже в двенадцать часов дня. Воздух казался сизым от мороза. Над темными, шагающими в ногу шеренгами стлался туман. Пар от дыхания застывал колючими снежными блестками. У многих демонстрантов не было теплой одежды, подходящей обуви. Люди часто кашляли, задыхаясь во время пения «Интернационала» от морозной влаги, пританцовывали, оттирали побагровевшими кулаками уши.

На трибуне, где стояли Тельман, Вальтер Ульбрихт, Ион Шеер и Франц Далем, кто-то предложил немного погреться. Но люди шли сплошным потоком. Они приветствовали вождей партии частоколом поднятых рук, знаменами, лозунгами.

Шли рабочие районы: Веддинг, Нойкёльн, Моабит. Только единство рабочего класса могло преградить дорогу фашизму.

— Мы вновь должны обратиться с предложениями о совместной борьбе с СДПГ¹ и Всеобщему объединению немецких профсоюзов,— обращаясь к товарищам, тихо сказал Тельман. И, приветствуя все новые и новые колонны, выкрикнул: — Да здравствует боевое единство пролетариата!

Фашизм стоял на пороге. Воздух Германии был отравлен его тлетворным дыханием, а ее государственная машина напоминала источенный червями трухлявый пень. И в этот час смертельной опасности берлинцы воочию увидели ту единственную силу, которая способна преградить Гитлеру путь к власти. Казалось, это внезапное, ломающее льды зимнее половодье вышло из тесных русел

¹ Социал-демократическая партия Германии.

сиюминутных политических интересов, интриг и честолюбивых чаяний партийных вождей. Рабочая Германия шла единым человеческим потоком, в котором уже нельзя было различить социал-демократа, бойца Рот-Фронта, рейхсбаннеровца¹ или коммуниста. Решительный час требовал от всех одного: будь антифашистом!

Тельман помолодел от счастья. Казалось, он никогда не знал ни сомнений, ни колебаний. И это передавалось другим. Совсем еще молодой партийный функционер Фогт подумал тогда, что дело почти сделано. Демонстрация всколыхнет не только Берлин, но и всю страну. Руководители СДПГ узнают теперь волю рабочего класса.

Такая демонстрация могла стать поворотным пунктом в судьбе Германии! Могла... Но не стала. Так, даже сильный пожар в мокрую осеннюю пору не воспламенит торфяное болото, хотя в сухь и зной оно могло бы загореться от одной лишь спички и полыхать открытым огнем или подспудно гореть, передавая все дальше и дальше нестерпимый подпочвенный жар.

Руководство СДПГ медлило с организацией единого фронта... На другой день после демонстрации редактор независимой «Берлинер тагеблатт» Бернгард писал: «А «Интернационал» все же сильная песня!». Социал-демократический «Форвертс» тоже не скрывал своего восхищения мощью рабочих колонн. Люди, пославшие в рейхстаг своих рабочих депутатов, видели в фашизме самую страшную угрозу. Но их гневная вспышка не долетела до рейхстага. Оборвалась и угасла где-то на полпути. Впрочем, нет, не угасла. Скорее, воспламенила классовую ненависть к пролетариату. Склонила чашу весов на сторону наци. Недаром ровно через четыре дня престарелый рейхспрезидент Гинденбург поручил Гитлеру возглавить кабинет.

В этот день, 30 января 1933 года, когда воротили из «Клуба господ» сделали Адольфа Гитлера канцлером, Коммунистическая партия выпустила воззвание.

«В Германии устанавливается кровавый варварский режим фашизма. Массы, не допустите, чтобы смертельные враги немецкого народа, смертельные враги рабочих и бедных крестьян, трудящихся города и деревни осуществили преступление!.. Все на улицы! Прекращайте работу! Немедленно отвечайте на наступление фашистских кровавых собак забастовкой, массовой забастовкой, всеобщей забастовкой!»²

Нужно было срочно пустить в ход сложный невидимый механизм явок, конспиративных квартир, подпольных типографий, секретных складов нелегальной литературы, подпольных документов. На границах Чехословакии, Дании и Швейцарии были организованы надежные переправочные пункты — «коридоры». Вся структура партии подверглась коренной реорганизации. Низовые ячейки

¹ Военизированные формирования СДПГ.

² Бланк А. С. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1964.

насчитывали теперь не свыше пяти человек. Между собой ячейки никак не соприкасались. Связь осуществлялась только через инструкторов и уполномоченных вышестоящей организации. Провал одного человека мог привести к провалу ячейки, но не далее. Тут сеть обрывалась.

Казалось, все было предусмотрено: германские и зарубежные центры нелегального издания «Роте фане», коммунистических бюршюр и листовок, пути доставки и распространения.

Ганса и Марту Ключинских Тельман знал еще по Гамбургу. Когда понадобилась конспиративная квартира, он сразу же подумал о Лютцверштрассе, где обычно останавливался, приезжая в Берлин из Гамбурга.

Узнав, что у них опять будет жить Тедди, Марта первым делом вымыла полы. Потом освободила письменный стол и этажерку, перестелила постель. Некоторое время размышляла над тем, что бы еще такое сделать. Наконец, придумала и сменила на окнах занавески. Повесила тюлевые, чтобы, не дай бог, не заметили с улицы. Тедди человек приметный. В Шарлоттенбурге его каждый знает. Да и во всей Германии тоже. Марта сама наклеивала на стены агитационные плакаты с его портретом на президентских выборах. Поэтому ему и на улице теперь показаться нельзя — сразу схватят. Придется подолгу сидеть в комнате. А он такой подвижный, общительный. Трудно ему будет. Надо придумать что-то, хоть как-то облегчить Тедди вынужденное заточение... Марта перенесла в его комнату приемник, купила пакет хорошего кофе. Конечно, в зернах. Она их поджарит и смелет потом на кухонной мельничке. И, как раньше, сама станет поить по утрам Тедди на кухне.

Но вышло иначе...

Первое время Тельман редко бывал дома. По ночам за ним приезжали, и он дворами перебегал на соседнюю улицу, где его ожидала машина. Чтобы не привлекать внимания к дому, на Лютцверштрассе старались не заезжать.

Все эти дни у Тельмана был постоянный контакт с Димитровым. Последний раз он виделся с руководителем Западноевропейского бюро Коминтерна на конспиративной квартире в Шёнеберге. Кажется, что это было 10 февраля. Они обсуждали возможность установления фашистской диктатуры. Георгий не сомневался, что нацисты попытаются взять в свои руки всю полноту власти. Тогда казалось, что это случится не так скоро. Но все произошло быстро и очень просто. Почти примитивно. «Кровь, земля и меч» — это зов наглой силы, это вопль во тьму инстинкта.

2

В ночь на 28 февраля точно в 21.00 вахмистр Лендциан заступил на пост. Теплый воздух с Атлантики принес в город дыхание близкой весны. Тусклый свет фонарей расплывчатыми кругами лоснился на мостовых. Отчетливо и долго звучали шаги одиноких прохожих. Лучшей ночи для дежурства Лендциан и пожелать для себя

не мог. Он чуть ослабил лакированный ремешок каскетки у подбородка и расстегнул верхнюю пуговицу черно-синей шинели. Глянув на лунный циферблат электрических часов, подумал, что не мешает выкурить еще одну сигару. На это уйдет минут двадцать, не меньше, а там, глядишь, недалеко и до десяти. Вторая же половина дежурства пролетит быстро — это Лендциан знал по опыту.

Слева, со стороны рейхстага, слышались торопливые шаги. Кто-то спешил, сбиваясь то и дело на бег. Вахмистр повернулся на звук, присанился и застегнул верхнюю пуговицу. В самом конце тусклой Фридрих-Эбертштрассе показалась темная сгорбленная фигура. Изломанная тень ее то удлинялась, то укорачивалась в промежутках от фонаря к фонарю или вдруг растворялась в ослепительном квадрате витрины.

Увидев шупо, человечек — теперь стало видно, что был он в куртке с поднятым воротником и кепке — сильнее заторопился и еще издали крикнул, задыхаясь от бега:

— Господин полицейский! Рейхстаг горит!

Лендциан, не задумываясь, покинул пост и бросился к зданию парламента.

Караульное помещение находилось в низенькой пристройке у самых Бранденбургских ворот. По инструкции Лендциану следовало бы доложить о происшествии лично, но случай был как раз такой, когда устав требовал от полицейского инициативы и немедленных, решительных действий. Обогнув юго-восточный угол рейхстага, Лендциан, придерживая рукой раздувающуюся полу шинели, побежал прямо ко второму подъезду на южном крыле. По обе стороны главного подъезда были двери. Лендциан рванул на себя бронзовую, отполированную миллионами прикосновений ручку. Но дверь оказалась запертой. Он метнулся к другой — левой, лихорадочно соображая, как и чем ее сподручнее будет взломать. Но по счастливой и странной случайности она оказалась не на запоре.

В гулком и темном вестибюле он задержался, чтобы достать электрический фонарик, и принялся. Дымом, однако, не пахло. Гремя подкованными сапогами, Лендциан взбежал на четыре каменные ступеньки. На площадке ему померещилась чья-то внезапно отделившаяся от стены тень.

— Кто здесь? — хрипло спросил Лендциан, включая фонарик.

Жиденький пыльный луч метнулся по стенам, дрожащим эллипсом лег на вощный паркет.

— Полиция? — удивленно спросили из темноты. И сразу же вспыхнул свет.

Лендциан схватился за кобуру, но медленно отвел руку от пояса. У самого входа в главный зал стояли двое мужчин в серой форме государственных чиновников.

— У вас пожар! — крикнул Лендциан.

— В самом деле? — удивленно спросил один из тех, молодой и подтянутый, с безукоризненным пробором в набриолиненных волосах.

Второй только махнул рукой и направился к выходу.

Дверь за ними захлопнулась с тяжелым вздохом.

«Без пальто? Без головных уборов?» — мелькнула мысль, но Лендциан не прислушался к ней. Бросив взгляд на деревянную дверь зала, он заметил, что верх ее застеклен. Отвернув лицо, он резко ударил в стекло локтем. Оно противно треснуло, и звонкие осколки посыпались вниз. Аккуратно вытащив из пазов наиболее острые куски, Лендциан попытался протиснуться в узкое отверстие. Но толстая шинель сковывала движения. Тогда вахмистр снял ее, бережно свернул и положил на перила. Потом принес стоявший под лестницей стул и, сняв со стены огнетушитель, вернулся к двери. Тут ему в голову пришла мысль, что хорошо бы глянуть, не подоспела ли помощь. Те двое, наверное, все же пошли за охраной.

Но наружная дверь оказалась запертой. «Они закрыли меня здесь,— подумал Лендциан,— наверное, мне следовало сразу арестовать их...»

На втором этаже в коридоре, окружавшем зал заседаний, Лендциан увидел первые следы пожара. Смердно тлела ковровая дорожка. Мохнатая черная гарь лениво кружилась в воздухе. На паркете медленно расползались темные островки. С минуты на минуту могли вспыхнуть и затрещать языки пламени. Вот уже шаткая и неустойчивая голубоватая искра лизнула стену в нескольких шагах впереди. И тут же в разных местах оранжево заискрились, как спирали электроплиток, темные пятна на полу. Эти начинающиеся очаги Лендциан затоптал сапогами. Но коридор уже заполнялся едким, удушливым дымом. Пахло серой, фосфором и еще чем-то пронзительно угарным, от чего першило в горле и больно стучало в висках.

Вахмистр толкнул дверь и оказался в огромном зале, в котором полыхал пожар. Было светло, как днем. Трибуна президиума превратилась в исполинский костер. Гудящие языки пламени вздымались на высоту человеческого роста. Дерево и кожа трещали и корчились в огне, взрываясь вдруг сотнями пронзительных красных искр. Лендциан бросил свой жалкий огнетушитель и выбежал из зала, захлопнув за собой дверь.

Он побежал вдоль дымного коридора, смутно надеясь обнаружить где-нибудь телефон. Внезапно в красноватом бьющем из приоткрытых дверей свете он увидел, как в нескольких шагах впереди мелькнула и тут же исчезла какая-то фигура.

— Стой! Руки вверх! — крикнул вахмистр и в два прыжка оказался перед портьерой, за которой, он успел заметить, и скрылся неведомый злоумышленник. Лендциан резко рванул портьеру в сторону и увидел прижавшегося к стене человека с всклокоченными, как у дикаря, волосами. Человек медленно поднял руки.

В эту минуту вспыхнул свет и послышался топот сапог.

— Лицом к стене! — скомандовал Лендциан и, схватив задержанного за шиворот, резко обернулся и поднял пистолет. По ко-

ридору бежал незнакомый полицейский. Он был в том же, что и Лендциан, вахмистрском чине.

— Надо доставить его в караульное помещение! — кивнул незнакомец на задержанного и приложил два пальца к козырьку.

— Хорошо, — кивнул Лендциан, ощупывая карманы поджигателя, лохматого и какого-то ошалелого. В заднем кармане брюк он наткнулся на паспорт и, передав его коллеге, продолжил обыск.

— Голландский, — сказал незнакомый вахмистр и медленно, словно по складам, прочел: — Маринус Ван дер Люббе...

Лендциан и его коллега вахмистр Хельмут Пёшель доставили задержанного в участок у Бранденбургских ворот уже глубокой ночью.

Рейхстаг и прилегающие улицы к тому времени были оцеплены полицией и штурмовыми отрядами СА. Несколько пожарных команд прилагали героические усилия погасить бушующий в здании огонь. В отведенном месте толпились представители немецкой и зарубежной прессы, получившие на то специальные разрешения. Все чего-то ждали, ревниво следя друг за другом: не поспешил ли кто на телеграф передать в свою газету сенсацию ночи.

Человека в полицейской форме, естественно, никто не задерживал, и Лендциан, отконвоировав Ван дер Люббе, беспрепятственно возвратился к пылающему рейхстагу. Первый, кого он увидел там, был Геринг. Окруженный толпой приближенных, министр, не повышая голоса, отдавал приказания. Стоя в толпе штурмовиков и шупо, Лендциан хорошо слышал все, что он говорил.

— Надо усилить охрану восточных границ, — втолковывал Геринг какому-то высокому, туго перетянтому ремнями штурмовику. — Это раз! Немедленно арестуйте Тельмана и других террористов! Это два! И смотрите у меня, чтобы они не удрали в Москву!

Штурмовик ответил коротким кивком. Потом снял фуражку и, достав из бокового кармана платок, вытер шею. Он стоял спиной к Лендциану, и вахмистр видел только хорошо подстриженный затылок и белую полосу воротничка. В темных набриолиненных волосах офицера мелькали кровавые отблески пожара.

К Герингу приблизились корреспонденты. Он широко улыбнулся и, подбоченясь, дал им заснять себя на фоне горящего здания. Свита подалась в стороны, и Лендциан успел увидеть, как в дымном свете подоженного магния мелькнула безукоризненная ниточка пробора и шитье группенфюрера СА. Это был Карл Эрнст, лидер берлинских штурмовиков.

Завыли сирены, и коричневорубашечники, выстроившись цепью, стали теснить толпу. Медленно, притушив фары, к рейхстагу подъезжали черные бронированные автомобили. Ловкие, подтянутые офицеры выпрыгивали с передних сидений и бросались к задним дверцам. Резкое движение руки, четкий шаг в сторону, и они каменели, пропуская высокое начальство.

Из первой машины вылез низенький худощавый Геббельс. Спереди его волосы были прилизаны, а на макушке непослушно то-

порщились. Со шляпой в руке, в плаще, застегнутом на все пуговицы, он прошел, волоча ногу, прямо к Герингу. Обменявшись партийным приветствием, они пожали друг другу руки. Но отнесенный в задние ряды Лендциан уже не мог слышать, о чем они говорили. Да он и не прислушивался, стараясь припомнить, где и когда в последний раз видел молодое и красивое лицо вождя берлинских штурмовиков. И вдруг вспомнил молодого чиновника в коридоре рейхстага. «Неужели!» — молнией пронеслась мысль.

Но тут вновь пронзительно завывала сирена. В сопровождении эскорта мотоциклистов СС к месту пожара подъехала, наконец, машина Гитлера.

Выйдя из машины, фюрер прежде всего направился к вице-канцлеру Францу фон Папену. Судорожно потряс протянутую руку и принялся возбужденно расхаживать взад и вперед. Неожиданно он остановился и, сцепив руки в низу живота, обернулся и кивнул на горящий рейхстаг:

— Предзнаменование дано нам богом, господин вице-канцлер! Если пожар — дело рук коммунистов, а я в этом уверен, то мы должны уничтожить красную заразу железным кулаком. — И он сжал кулаки.

Геринг и Геббельс, как по сигналу, тут же приблизились к фюреру.

— Это ваш Берлин! — не отвечая на приветствия, Гитлер погрозил пальцем Геббельсу, который был, кроме того, еще и гауляйтером Берлина. — А где ваша полиция, Геринг? — он чуть повысил голос. — Где бургомистр Зам? — еще громче спросил он и, наконец, глядя куда-то поверх голов своей свиты, крикнул: — Почему пожар до сих пор не потушен?

— Я уже отдал приказ о немедленном аресте виновных, мой фюрер! — заверил его Геринг.

— Вы знаете его имена? — Гитлер почти кричал, жестикулируя, словно на митинге. — Вы уже знаете все имена, Геринг?

— Эти имена назовет нам агент Коминтерна, мой фюрер. — Геринг рассмеялся и торжествующе посмотрел на всех.

— А где Тельман? — неожиданно тихо спросил Гитлер.

— Сбежал, мой фюрер! — легким неуловимым движением Геббельс вылез на передний план. — Сбежал! По моим сведениям, перешел голландскую границу.

Геринг пренебрежительно пожал плечами и отошел к стоящему в отдалении эсэсовцу с генеральскими дубовыми листьями на воротнике.

— Откуда у Геббельса эти сведения, дорогой Гейдрих? — тихо спросил Геринг. — Тельман в самом деле сбежал?

— Тельман в Берлине. — Прямо не отвечая на вопрос, заметил Гейдрих. — Он скрывается где-то в Шарлоттенбурге. Как вам нравятся наши друзья? — Гейдрих глазами указал на главаря берлинских штурмовиков Карла Эрнста, который беседовал в этот момент с двумя другими высшими офицерами СА. — Эрнст, Хайнес, Хель-

дорф! Вся тройца — герои дня. Право, хох экселенц, это похоже на демонстрацию. Зачем они здесь?

— Ну, в конце-то концов это их право, — самодовольно улыбнулся Геринг и громко позвал: — Зоммерфельд!

Пресс-референт Мартин Зоммерфельд отделился от свиты и, почтительно склонив голову, подошел к шефу.

— Сообщение для газет! — Геринг нетерпеливо протянул руку.

— Сию минуту! — Зоммерфельд расстегнул толстый бювар и мгновенно извлек оттуда машинописный листок.

— Это полицейское сообщение, а не политический документ. — Геринг пробежал листок глазами, скомкал его и отшвырнул.

Гейдрих глянул на часы и неторопливо пошел к своей машине. Гитлер и Геббельс уже уехали. Перед тем как сесть в автомобиль, фюрер сделал короткое заявление:

— Как гиена неотделима от падали, так марксист неотделим от государственной измены, — и театральным жестом указал на рейхстаг.

— Кто написал, что вес обнаруженного горючего определен в один центнер? — возмущенно спросил Геринг и, не дав Зоммерфельду ответить, выкрикнул: — Чепуха! Десять, сто центнеров!

Так и запишите: сто центнеров.

Зоммерфельд сделал пометку в блокноте.

— Ваша бумажка никуда не годится, Зоммерфельд, слышите? Нужно вот как — записывайте! — Широко расставив ноги и подбоченясь, Геринг прищурился и начал диктовать: «Этот поджог — самый чудовищный террористический акт большевизма в Германии. После него должны были быть подожжены все правительственные здания, замки, музеи и другие жизненно необходимые помещения. Рейхсминистр Геринг принял чрезвычайные меры против этой страшной опасности...» Записали? Так будет гораздо лучше. Как вам кажется?

— Разумеется, господин рейхсминистр.

— Прочитайте заявление шайке, — Геринг двинул перчаткой в сторону журналистов. — И гоните всех в шею. Пора кончать.

На следующее утро посол Французской Республики Франсуа Понсе составил депешу, которая начиналась словами: «Нацисты инсценировали поджог, чтобы еще до выборов захватить власть». Он сам отнес ее в шифровальную комнату и, пока шифровальщик возился с таблицами, Франсуа Понсе решил добавить в свое сообщение еще одну фразу, последнюю: «Эти люди способны на все»¹.

ДЕКРЕТ²

На основании абзаца 2 статьи 48 имперской конституции в целях противодействия коммунистическим актам насилия, представляющим угрозу для государства, постановляется следующее:

¹ Цит. по кн.: Braun. Von Weimar zu Hitler. 1946.

² См.: СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1969.

§ 1

Статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 имперской конституции впредь до дальнейших распоряжений отменяются. Поэтому ограничения свободы личности, свободы выражений мнений, включая сюда свободу печати, право союзов и собраний, нарушение тайны почтотелеграфной корреспонденции и телефонных разговоров, производство обысков и конфискации, а также ограничения права собственности допускаются независимо от пределов, обычно установленных законом...

Настоящий декрет вступает в силу со дня его опубликования.
Берлин, 28 февраля 1933 года.

Президент Германской Республики фон Гинденбург
Рейхсканцлер Адольф Гитлер
Имперский министр внутренних дел Фрик
Имперский министр юстиции д-р Гюртнер

РАДИОГРАММА ПОЛИЦИИ¹ 28.02.33.

«Арестовать нижепоименованных членов Центрального Комитета коммунистической партии Германии: 1) председателя партии, транспортного рабочего Эрнста Тельмана, род. 16.4.86, Гамбург, прож. Берлин-Шарлоттенбург, Бисмаркштрассе, 24, прописан у г-на Ковальского; 2) редактора Франца Далема, род. 14.1.92, Рорбах, прож. Берлин, Грейсвальдерштрассе, 147...

11) секретаря ЦК партии Вильгельма Пика, род. 3.1.76, Губен, прож. Штеглиц, Шаденруте, 2; 12) рабочего-металлиста Вильгельма Флорина, род. 16.3.94, Кёльн-Полль, прож. Берлин, Вернейхенерштрассе, 17, в качестве квартиросъемщика...»

3

Геринг вызвал к себе исполняющего обязанности заместителя начальника прусского гестапо Рейнгарда Гейдриха, шефа берлинского гестапо Дилса и генерала СА Шилля. Первым он принял в своем кабинете Гейдриха.

От бессонных ночей и без того одутловатое лицо Геринга еще более обрюзгло, четче обозначились темные круги вокруг глаз. Но зрачки были расширены и лихорадочно блестели. Взбодренный порцией наркотика, Геринг, казалось, не чувствовал усталости. Движения были четки, даже несколько лихорадочны, в голосе проскальзывали бархатистые нотки.

— Кажется, вы в ту ночь выражали некоторые опасения, дорогой Гейдрих? — министр откинулся в кресле и, сцепив пухлые, неестественно белые пальцы, вытянул руки. — Только вперед! Только вперед! Чем грандиознее спектакль, тем менее заметны

¹ См.: СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1969.

ошибки статистов. Главное — это гениальный замысел режиссера. Мир — это воля и представление. Не помню, кто это сказал... Ну, да вы, наверное, знаете, Гейдрих.

— Шопенгауэр, хох экселенц...

— Фюрер вручил мне меч против врагов национал-социализма,— после некоторой паузы продолжил Геринг и, повернувшись в кресле, довольным взглядом окинул недавно приобретенный антик: прикованный к стене топор средневекового палача из города Регенсбурга.— Поэтому я и говорю своей полиции: стреляйте, стреляйте, стреляйте! Врагов мы будем искоренять без пощады,— министр-президент сделал отстраняющий жест.— Моя полиция действует расторопно! А, Гейдрих? Так где Димитров?

— Кельнер одного из ресторанов, член партии с 1929 года, Гельмер, увидев в газете портрет голландского коммуниста Ван дер Люббе, пришел в полицию дать показания, что видел означенного субъекта в обществе человека с эффектной запоминающейся внешностью. Нарисованный Гельмером словесный портрет совпадает с приметам Димитрова, он же Рудольф Гедигер. Приняты меры к задержанию.

— Прошу вас задержаться и принять участие в обсуждении вопроса о Тельмане.— Геринг нажал кнопку на телефонном столике.

В кабинет вошли Дилс и Шиль. Отдали нацистский салют.

— Хайль Гитлер! Садитесь, господа,— пригласил Геринг.

— Разрешите доложить, хох экселенц? — сидя, согнулся в полупоклоне Дилс.

— Начинайте,— кивнул Геринг и начал ковырять в зубах серебряной зубочисткой.

— В качестве отвлекающей меры мы послали 28 февраля ряд полиции на Бисмаркштрассе, 24 — официальную квартиру Эрнста Тельмана в Берлин-Шарлоттенбурге. Хозяйка квартиры заявила капитану полицейского участка, что (цитирую) «господин Тельман две недели назад уехал по своим делам и с тех пор не дает о себе знать». Во время обыска на письменном столе Тельмана были обнаружены и конфискованы брошюры: «Долой Гитлера!» и «Церковь и коммунизм». Хозяйка квартиры арестована. За домом ведется наблюдение. У меня все, экселенц.

— Теперь вы, Шиль,— Геринг демонстративно повернулся к нему боком, спрятал зубочистку и, выдвинув ящик, начал сосредоточенно копаться в бумагах.

— Агент гестапо Пауль Шнейдер доносит,— монотонно бубнил Шиль,— что ему удалось напасть на след Тельмана. Тельман (цитирую, хох экселенц) «днем и ночью находится в районе Шарлоттенбург, Лютцверштрассе, девять, в квартире членов КПГ Ключинских, которые ранее также прятали у себя коммунистов, перешедших на нелегальное положение. Хозяин квартиры (Ганс Ключинский), инвалид мировой войны, находится почти постоянно в Гатове под Берлином, на своей даче, где помещается склад оружия и коммунистической нелегальной литературы».

— Это все? — любуясь холеными ногтями, спросил Геринг. Голос его упал, взгляд делался все более тусклым. Давала знать о себе усталость последних горячих деньков и лихорадочных ночей.

— Сегодня утром, то есть второго марта, в одиннадцать часов сорок минут в полицейский участок явился некий Герман Хилигес и сообщил, где скрывается Тельман. Адрес тот же: Лютцверштрассе, девять, квартира Ключинского.

— Хорошо! — подытожил Геринг. — Только действуйте в полном контакте и товариществе с моей полицией. И помните: операция строго засекречена!

— Настолько засекречена, — заметил Дилс, — что гестапо рекомендует не выписывать ордера на арест. Достаточно приказа.

— Правильно, — одобрил Геринг. — Мы посоветуем прокурору Миттельбаху признать арест законным задним числом.

Генералы откланялись и пошли к дверям. Но на полпути Гейдрих сошел с голубой ковровой дорожки и возвратился к столу рейхсминистра. Подождав, пока за дверью скрылась черная фигура Дилса, предупредительно пропустившего Шилия вперед, он доверительно спросил:

— Как быть с недавним сообщением рейхслейтера Геббельса, экссленц? Боюсь, что своими действиями мы дезавуируем его. Факт задержания на конспиративной квартире Тельмана опровергнет сообщение о его бегстве в Голландию. Может быть, стоит уведомить доктора Геббельса о предстоящей операции?

— Рейхслейтер опытный пропагандист. Он найдет что сказать. Поэтому воздержитесь.

Гейдрих еще раз резко, по-прусски, дернул головой и, повернувшись четко, как на параде, широким, уверенным шагом пошел к белым дверям с позолоченными амбирными ручками.

— Погодите, группенфюрер, — остановил его Геринг. — Еще один момент... Попрошу вас лично проследить вот за чем. Мне нужен живой Тельман. — Он сделал на слове «живой» ударение. — На процессах должны быть обвиняемые, а не их тени. Вам ясно?

РАДИОГРАММА¹

«Всем управлениям государственной полиции:

1. На основании § 7 распоряжения от 4.2.23 полиции надлежит наложить арест на все листовки, плакаты, местные газеты и тому подобные печатные издания КПГ и конфисковать их.

2. Всех коммунистов — депутатов ландтага Тюрингии и всех функционеров КПГ в соответствии с § 22 распоряжения от 4.2.33 и № 86 уголовного кодекса в интересах общественной безопасности арестовать.

3. Произвести тщательные обыски у всех функционеров коммунистической партии, так как они подозреваются в подготовке к совершению изменнических действий».

¹ См.: СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1969.

Холодное и солнечное утро 3 марта. Небо светится весной, и тротуар, еще грязный и пыльный, по-весеннему светел. Черные длинные тени строго ломаются на нем. Люди спешат, особенно женщины в тонких чулочках от Бемберга. И ветер стремительно гонит их все дальше. Морозец пощипывает, а ветер порывисто задувает, и колючая пыль летит по площади от универмага Тица, мимо Вертгейма, на Кёнигштрассе, где потише. Но колдовское невероятное утро гонит людей из темных улиц к яростному свету и распаханному простору площадей. И пути их пересекаются на Александерплац, на Алексе.

Из восточных районов Берлина сбегаются сюда трамваи. На дугах, как на мачтах, трепещут голубые огни. Из фешенебельного Вестена — автобусы. Машины — с юга и с севера, из Панкова и Штеглица.

Автобусы и трамваи везут передачу. Машины везут арестантов. Это — сердце Берлина, Алекс: Полицайпрезидиум и следственная тюрьма. Нынче за счастье считают попасть в Алекс. Это не казармы СА — жуткий, леденящий кровь «Колумбиахауз», где, заглушая вопли людские, днем и ночью орет патефон. Алекс — это воспоминание, это призраки кайзера и Веймара. Сюда доставляли на зеленом «гейнрихе» тех, кого до суда формально считали вполне порядочными людьми.

Петь, свистеть и шуметь запрещается. По сигналу к подъему немедленно встать, убрать койки, умыться, причесаться, вычистить платье и одеться. Мыла отпускают достаточно. 5.30 — подъем! 6.00 — отпирают камеру. Проверка. Завтрак. Работа. Обед... В 18.00 комоку запирают — до следующего утра. До следующего удара колокола. И человек может быть уверен, если только не отдаст ночью душу творцу, что утром услышит колокол. Ровно в 5.30.

Германия — олицетворение порядка, Алекс — оплот Германии.

Отряд из двадцати полицейских под командованием лейтенанта ворвался в то утро в квартиру Ключинских. Тельману сразу же надели наручники. Но и после этого полицейские не убрали оружие. Все так же с пистолетами в напряженных руках отконвоировали они его к машине. Втолкнули внутрь, а два шупо крепко зажали его с обеих сторон, и машина тронулась. Сначала повезли в участок, потом — в Алекс.

Когда Тельмана выводили из подъезда, утро только разгоралось. В улицах еще плавал синеватый сумрак. Сухо поблескивали глазурированные льдом сточные решетки. Занавешенные окна были слепы. Только в одном узком оконце на четвертом этаже чуть дрогнула синяя штора. Легкое движение руки, пугливый и жадный взгляд. Неуловимый взгляд предателя.

О чем думал Хилигес в то раннее утро? О награде? Или призраки грядущей смертной тоски все же коснулись его? Нет, он не мог знать, что по прошествии лет сунет голову в самодельную петлю и спрыгнет, поджав ноги, с тюремного табурета.

Хилигес, как был, в носках и кальсонах, крадучись, отошел от окна и сел на постель.

А Тельман думал о своей большой ошибке. Он недооценил угрожавшую опасность и не согласился с решением товарищей переправить его в Букков на старую виллу «Охотничий домик Хорридо». Это была ошибка, теперь, очевидно, непоправимая.

— Я буду руководить борьбой только из Берлина,— сказал он тогда товарищам.— К тому же в городе человека труднее выследить. Находясь в Берлине, я смогу быть везде. В Букков же придется посылать ко мне много людей.

Во дворе Полицайпрезидиума выгружаются партии арестованных. Приезжают и уезжают машины. По узкой железной лестнице людей гонят наверх, в широкий и длинный коридор, женщин — направо, мужчин — налево. Потом обыск. Натренированные агенты ощупывают каждый шов в белье, заглядывают в рот, между пальцами. Толкотня, давка, ругань, полицейские орут, угрожают, увещивают...

В канцелярии за длинными столами сидят чиновники в штатском. Здесь придирчиво изучают документы, отсюда звонят в полицейские участки и наводят справки. Здесь взволнованные обыском, ошарашенные заключенные должны ответить, кто они и зачем живут на земле. Здесь человек приобретает сомнительные права арестанта...

Но этот арестант одинок. Пуст нахмуренный двор, куда не проникает солнце, где нет ветра, а только холод. Пусты лестницы и коридор.

Зверски избитый, весь в крови и грязи, лежал Тельман на каменном полу следственной тюрьмы, где-то в подвалах, самый воздух которых пропитался вонючей влагой пропущенного сквозь мясорубку человеческого естества.

Чем измерить и какими словами передать унижение и боль этих первых часов заключения, которые разрывают циферблаты и коречат стрелки отсчета времени? Мера — это удары сердца. Частые, как паровой молот. Это задыхающиеся от боли легкие. Мера — это количество крови: светлой, артериальной и темной, венозной, но одинаково густой и соленой, застывающей ржавыми корками на лице. Бешеной вспененной крови, бьющей в виски, разрывающей мозг. Мера — это запас ненависти. Мера — это сила любви.

А слов нет, ибо тюремная цензура черной тушью заливает такие слова. Останутся короткие точные фразы. Без эмоций. Без соленого металлического вкуса во рту. Без тошнотворного запаха. Без осклизлой сырости выщербленного каменного пола:

«На меня надели наручники. Затем — в машину и в ближайший полицейский участок, а оттуда под охраной особой полицейской команды — в берлинский Полицайпрезидиум на Александерплац. Краткий допрос. Никаких показаний. 5 часов ожидания. Наконец, я был водворен в камеру тамошней полицейской тюрьмы».

Значит, «это» тянулось пять часов. И назвать «это» можно ожи-

данием. Здесь есть и мера, и слова. Мера? Обычная мера времени — часы, всего пять часов, триста минут, от восемнадцати до тридцати пяти тысяч ударов сердца. Слова? Но что может быть проще и обыденнее скучного слова «ожидание»? К тому же, это и впрямь было ожиданием. И самое страшное ждало его впереди. И он это знал.

Странное утро, странный день для Алекса — огромной свобододробильной мельницы, муравейника человеческих мук и грехов. Ветер выдул с жуткого в своей нежной голубизне неба все облака, и солнце беспощадно сверкает над медленно оттаивающим после ледяной ночи Алексом. Люди с рабочего Остена поворачивают назад. Кордоны полиции. Сегодня Алекс не принимает посылок и передач, сегодня он не дает свиданий. Проходите мимо и по Клостерштрассе возвращайтесь в свой Остен. Даже арестантов не принимает сегодня Алекс. Великий пожиратель свободы замер и притаился.

Вся полицейская машина рейха работала сегодня только ради одного человека. Ради одного узника, которого, согласно приказу, не должен был видеть никто. Кроме участников операции, разумеется... О его задержании было немедленно сообщено по телеграфу всем органам полиции: «Тельман арестован». К сему присовокуплялось: «Необходимо продолжать контроль за всеми прибывающими из-за границы пассажирами».

5

Ветры принесли на побережье теплый воздух с Гольфстрима, дышащий влагой и электричеством далеких океанических гроз. Набухли почки буков и лип. Отчетливей ощущался запах рыбацких причалов. Портовые чайки залетали далеко в город.

Таких домов, как этот, в районе Эппендорф много. Серый, массивный, он смотрит большими окнами на две улицы. Внизу магазины, на остальных четырех этажах живет трудовой гамбургский люд. Ничем не отличается этот дом от других — ни крохотными окошками на лицевых скатах черепичной крыши, ни балкончиками, на которых стоят ящики с белыми и розовыми азалиями. Но нет в городе человека, который бы не знал, что здесь живут Тельманы.

У входа в подъезд эмалированная табличка: «Тарпенбекштрассе, 66». Узкая винтовая лесенка, гулкая, полутемная, круто уходит вверх. На каждом этаже три квартиры. Третий этаж, правая дверь. За дверь — тесный коридорчик, две смежные комнаты с балконом слева, кухня и комната — справа. Здесь уже знают, что Тельман арестован. Что-то горькое носится в воздухе, душит, царапает горло. Нависшее над домом ощущение беды. Ожидание. Форточка на кухне открыта, и черный пепел разметался по всей квартире. Это испытывают новую печь. Старая вконец развалилась.

Она и так была капризна. Последние же дни Роза Тельман не давала ей отдыха. Набивала бумагой и жгла. Кладка не выдержала

и дала трещину. Вниз заструился тяжелый синий дым. Роза и маленькая Ирма вынесли ее по кирпичику, тайком. Хозяин дома, конечно, ничего не должен знать. Теперь вот друзья сложили новую. Неизвестно, даст ли она много тепла зимой, но пока греет, и бумага прогорает в ней быстро. А это сейчас главное. Пачка за пачкой сгорает в огне, но когда Роза открывает дверцу, чтобы подбросить еще, в красных раскаленных глубинах вдруг что-то стреляет, вспыхивают голубые огни, и черные хлопья вылетают наружу. Роза едва успевает захлопнуть чугунную дверцу. Подхваченная сырым ветром гарь несется по комнате, как черный снег.

Нет, видимо, придется подождать, пока все прогорит,— решает Роза,— потом еще положу. Она тщательно отмывает руки от сажи и выходит на балкон. Город встречает ее смутным гулом.

Площадь... Гамбургцы между собой называли ее «Красной». Может быть, в честь Эрнста, может быть, потому, что здесь так часто собирались коммунисты. Впрочем, разве это не одно и то же? Ведь так или иначе название связано с Эрнстом. В день его рождения сюда уже спозаранку стекались со всего города люди с подарками. Эрнст сетовал, что не может пригласить всех в дом, смеялся и, крепко обняв Розу, тащил ее на улицу, поближе к гостям. Это был их Тедди.

Став в 1925 году Председателем партии, он переехал в Берлин и редко бывал дома. Но, несмотря на всю занятость, не пропустил ни одного крупного мероприятия гамбургского окружкома. Комитет собирался по субботам, после обеда. Поэтому Тельман приезжал в Гамбург в пятницу, вечерним поездом Берлин—Гамбург—Альтона, отходящим в 21.05 с Штеттинского вокзала.

Но редко кому удавалось застать Тедди в субботнее утро дома. С рассветом он уходил в гавань. Бродил по докам и эллингам, складам угля, досок, бидонов с горючим и бочек, забредал в крохотные кабачки, в освещенные керосиновой лампой таверны, где так любят посидеть портовые рабочие. Он и сам остался таким же портовиком, знающим каждый закоулок в городе из досок и мешков. Брал, как все, «Большую Лизу»—кружку на добрых два литра, или, если задувал норд-ост, стаканчик крепкого грога и, присев за чей-нибудь столик, тут же включался в разговор. Он был здесь свой, его приходу радовались, но не удивлялись, как не удивляются люди нормальному течению жизни. Городские новости он узнавал из первых рук. А то, что происходило в Берлине, Москве, во всем мире, портовики узнавали от него.

Из гавани портовый рабочий Тельман направлялся в Винтерхуде, в квартал, где были прачечные. Ему пришлось когда-то поработать и там. Возчиком. Поэтому и в Винтерхуде он знал каждого. Когда же подходило время обедать, он шел в трактир неподалеку от драгунских казарм. С незапамятных времен этот трактирчик на пять-шесть столиков был резиденцией возчиков. Такое же заведение содержал когда-то и его отец. Роза никогда не ходила туда вместе с ним. Но она очень ясно видит, как это происходило.

Он заходит, приподнимает за козырек свою рабочую фуражку

с черным витым жгутом, здороваются за руку с хозяином Максом, обходит столики, каждого называет по имени, хлопает по плечу, по пузу — у кого есть, вышучивает, хохочет.

Это не забегаловка, это серьезное место, трактир возчиков. Сюда не заскакивают на минуту опрокинуть рюмку пшеничной водки. Рабочему человеку ведь надо и плотно поесть! Макс это понимает. Недаром стоит он за стойкой вот уже третий десяток лет. Ну и время бежит! Но разве так уж всевластно время? Слава богу, все живы, и дела как будто идут неплохо.

Как-то сам собой забывается берлинский диалект, и Тедди говорит, как и все здесь, только на гамбургском — соленом, пронзительном. Он садится в углу и, хлопнув ладонью, широкой и крепкой, кричит: «Бульон и жаркое с яйцом!» — и Макс тут же встает из-за стойки, но не суетится, а как-то плавно, хоть он и грузен, скрывается в кухне. Так пропадает из глаз, заходя за мол, большой сухогруз. А потом он выносит жаркое по-гамбургски, с пылу, с огня! Тедди спешит обмакнуть хлеб, пока пузырится белок и скворчат кубики сала. И все уважительно ждут: пусть поест человек.

Но постепенно его берут в окружение. Подсаживаются за столик, придвигают стулья, и начинается неторопливая мужская беседа. Ровно в два он встает, пожимает собеседникам руки и с кружкой в руке идет к стойке. Допивает пиво, ставит кружку и, достав кошелек, рассчитывается с Максом.

Теперь он пойдет, отдохнувший и сытый, жадно вдыхая морской воздух, на Валентинскамп, где находится окружком. Над входом часы со звездой и красное полотнище свисает с окон.

Роза знает все его излюбленные маршруты. Сколько раз она мысленно следила за ним, когда он уходил. Вот и сейчас, стоя на балконе, она не видит серых клубящихся туч над зубчатыми крышами. Небо словно распахнулось. В этом сила воспоминаний, цепкая, сладкая власть. Они раздвигают тесные стены, небо, улицы, само время.

Все эти дни она просыпалась по утрам с ясным, физическим ощущением беды. Как предчувствовала, так и случилось. Пятого марта, в день выборов в рейхстаг, к ней подошел товарищ по партии. Даже мысленно она старалась не называть имен. Да, к ней подошел товарищ и предложил проводить. Немного отойдя от избирательного пункта, он сказал: «Роза, в «Гамбургер Фремденблат» напечатано, что Эрнст арестован. Если это правда, то мы получили страшный удар».

Она прибежала домой и тут же, пока могла еще сдерживать слезы, рассказала дочери. «Не горюй, мама,—Ирма прижалась к ней.— Не горюй. Я этому просто не верю. Ты же знаешь, что папа скрывается, и им его так просто не взять. Как можно верить какой-то газете? Если бы это была правда, мы бы сразу об этом узнали. Берлинские товарищи нам бы сообщили. Разве не так?» — «Так, девочка, так!» — она поцеловала ее и вышла на улицу, чтобы побыть одной. Уже тогда она знала, что это правда. Сча-

стливая Ирма, что может так спокойно и твердо не верить.

И вот сегодня утром приехал из Берлина связной, которого она знала по кличке Герберт. «Товарищ Роза Тельман,— сказал он, взяв ее за руку,— поедем вместе со мной в Берлин. Эрнст арестован. Ты должна его разыскать и установить с ним связь».

«Потсдам, 11 марта 1933 г.

Секретно!

Всем прусским регирунгспрезидентам:

По окончании выборов арестовать всех коммунистов — депутатов рейхстага и ландтага. Немедленно препроводить их в Полиципрезидиум в Берлин. Срочно запросить их имена у председателей окружных избирательных комиссий. Принять меры для неукоснительного исполнения распоряжения. Список депутатов, которые предположительно будут избраны, будет доставлен курьером».

6

Ордер № 208 о немедленном аресте депутата рейхстага Эрнста Тельмана был выдан только 6 марта. Отныне Тельман превращался в «законного» жильца камеры № 32 в доме печали Алекс. Бесконечные ночи этого дома, его изломанные, бредовые дни! Вдруг наступает тишина, наполненная неясными шорохами и гулом. Он словно тонет в ней. Она вливается в уши, давит на барабанные перепонки, как темная забортная вода. Далеко впереди, а может быть, и совсем близко, высвечиваются тусклые расплывчатые пятна. Что это — память о свете в глазах? Отпечаток выключенной на ночь электролампы? Огни города, просочившиеся сквозь стены? Огни и шумы города?

Грохот железной двери не дает Тельману забытья. Опять эта банда штурмовиков! Это они оцепили улицы в день ареста, набившись в кузов, поехали вслед за полицейской машиной. Они не оставляют его и здесь, в Алексе. Барабанят кулаками в дверь. Грозятся выволочь из камеры и убить. Но он не даст им лишиться себя сна! Портовый рабочий любит подремать, когда выдается свободная минутка, под рев гудков и лягг цепей. Пусть себе беснуются. Будем лучше думать о деле!

«Вы находитесь под крайним подозрением в совершении действия, караемого на основании § 81—86 уголовного кодекса... в интересах общественной безопасности Вы подлежите заключению под полицейский арест впредь до особого распоряжения»².

Итак, «вы находитесь под крайним подозрением». Если сохранилась прежняя процедура, превратить подозрение в доказательство может лишь суд. Надо исходить из этого. Тогда немедленно адвоката, перо и бумагу. Прежде всего нельзя допустить, чтобы они перевели его в лагерь. Там уже не будет железной двери,

¹ См.: СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1969.

² Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким. М., 1968.

в которую колотят эти выродки, но которая все-таки их удерживает. Нужно отправить письменное заявление на имя генерального прокурора имперского суда. Заключение, не совершивший ничего противозаконного, должен требовать ускоренного следствия по своему делу. Только так.

Необходимо дать знать Розе. Тельман вытягивается на узкой койке. Каждое движение все еще отдается тупой болью, унылой ломотой в костях. Ничего, это скоро пройдет, если, конечно, они не вздумают повторить сеанс... Было бы хорошо, если бы она поставила в известность адвоката Хегевиша и поговорила с ним.

То, что случилось, лишь закономерный эпизод в борьбе. Разве он не был готов к аресту? К долгому заточению? Даже к смерти? Ему казалось, что готов. Но арест — это всегда внезапность. Нет, он не готовил себя ни к этой железной камере, ни к зверскому избиению в подвале. Он недооценил стремительную подлость врага. Товарищи были правы. Ему следовало уехать сразу же, как начался террор. Это непростительно, что он дал им себя схватить. Но запоздалые сожаления не должны размагничивать волю. Кто борется за идею, за великую и могучую идею, тот сумеет перенести все. Спокойно, сознательно и с величайшим упорством. Это экзамен на право считать себя революционером.

Тюрьма не отменяет революционной борьбы. Напротив, обостряет ее. Значит, нужно разработать тактику и стратегию в новых условиях. Итак, стратегическая задача — во что бы то ни стало сорвать все планы нацистов. А это значит: выжить, победить, выйти на свободу.

Вагоны. Вагоны. И рельсы, как горячие натруженные клинки. Рассеченное тело Европы. Ее истерзанные, загаженные поля. Веер взрыва. Лопнувший раскаленный воздух. Осыпающаяся земля. Блиндрованные окопы. Обожженные лозы Шампани, вздувшаяся вода Соммы, кровавое месиво Шмен-де-Дамма, Меца и Вердена. Но спадает прилив, и вода возвращается вспять. Забытые госпиталей, заскорузлые бинты. Бессилие, изнеможение. Запах лизола и йодоформа, неизбывный, как тошнота, как режущий свет фитиля в бесконечные, наполненные стоном и скрежетом ночи.

Вот он поднимает голову, полузасыпанный, оглушенный разрывом бомбардир первого батальона двадцатого артиллерийского полка. Серая, пропахшая дымом и вечной сыростью шинель залеплена вязкой глиной.

Он закуривает. Достает из кармана бумажку — потертую на сгибах, запачканную землей. Несколько недель переходила она из рук в руки, пока не попала к нему. Здесь, в раскисшей воронке, где тихо шуршит осыпающаяся при каждом движении земля и хлюпает в воде ошалелая крыса, самое подходящее место для чтения. Воззвание Карла Либкнехта «Главный враг — в собственной стране». Это дойдет до солдат, зарывшихся среди мертвого поля в мокрую, проросшую мохнатыми корешками глину.

Он выглядывает из воронки, согнувшись, быстро перебегает в окоп. Надо передать листовку другому.

Грохот и треск разрывов. Французские гаубицы возобновили обстрел?

Нет, это опять «запсиховали» штурмовики в стальном и каменном коридоре берлинского Алекса.

На войне, как в тюрьме, в тюрьме, как там, под Верденом. Разве начальство не установило тогда строжайшую цензуру? Тельману запретили читать газеты, все его письма просматривались. Но разве это помогло тем, кто отправил на Западный фронт красного агитатора? Разве, получив мобилизационную «красную повестку», он перестал быть собой, гамбургским портовиком, сыном своего класса?

Он вернулся, он вернулся тогда домой с этой белой земли, полной крыс и ужей, опаленной, горячей земли. Не дал себя убить и не дал поймать себя за распространением спартаковских листовок. Борьба продолжается. Перед ним все те же смертельные классовые враги. Это они создавали «черный рейхсвер», в добровольческих корпусах шатались по болотам, стреляли из-за угла. Убийцы из тайных средневековых судилищ, палачи Карла Либкнехта и Розы Люксембург, герои генеральских мятежей и пивных путчей, сегодня они взяли власть над всей Германией.

В ход пущена невиданная машина одурачивания! Политические паяцы, вчерашние уголовники и маньяки не скупятся на обещания — здесь хлеб голодным и кров бездомным, работа для безработных и война коррупции, обновление духа и возрождение нации. Капитализм вовлек Германию в войну и привел ее к поражению. И вот сегодня его же прислужники взывают к национальной гордости: «Воспряньте, немцы! Разорвите грабительский Версальский договор. Довольно кормить империалистов Антанты!» Голодным, задавленным нуждой людям говорят, что отныне они хозяева своей судьбы, хозяева своей страны, завтрашние хозяева мира. «Германия вновь создаст армию и продиктует свою железную волю потрясенному человечеству!» Преступный бред, наглый обман... Наци кричат о свободе, о революции, о социализме. Вот она, их свобода — тюрьмы для тысяч и тысяч! Железный ошейник на горло рабочего класса! Вот она, их революция — пьяный дебош, погромы, разнузданный вой на площадях, где сжигаются книги. Они смеют говорить о социализме! Марионетки магнатов угля и стали, цепные псы биржевых воротил из «Клуба господ»...

Но наступит, неизбежно наступит час прозрения. И тогда немецкому рабочему особенно остро будут нужны слова правды. Горькой, беспощадной, всеочистительной. Нужно дожить до этого часа, нужно дожить...

Он засыпает под грохот кулаков по железу и вопли штурмовиков.

«Как стало известно, в связи с предстоящим в г. Лейпциге 14 и 15 июня 1933 г. процессом над Тельманом коммунисты собираются провести в эти дни кампанию протеста, а также саботаж органов юстиции. Просьба принять соответствующие контрмеры. Особенно обращаем внимание Саксонского правительства. Про-

сим принять необходимые меры по охране Имперского суда в г. Лейпциге»¹.

(Из секретного циркулярного письма министра внутренних дел от 7 июня 1933 года)

Ирма поймала себя на том, что прислушивается к тишине, словно ждет чего-то. Но чего? Знакомых шагов у двери? Нет, так больше нельзя. Так она больше не может. Конечно, о ней заботятся. Приходят друзья-пионеры, товарищи отца. Но разве этого достаточно человеку? Вот и сейчас она совершенно одна в пустой квартире. Не с кем слова сказать. Вчера пришла из Берлина открытка от мамы. Пишет, что в квартире на Бисмаркштрассе орудует гестапо. Она уже знает, в какой тюрьме находится отец, но все еще не получила с ним свидания. Ей постоянно отказывают, и она не знает, когда сможет возвратиться домой.

Ирма закрыла учебник, походила немного по комнате, потом решительно тряхнула коротко стриженной головой и пошла к двери. Решила пойти к дедушке Тельману.

— Что у тебя с лицом, Ирма? — нахмурился старик, увидев красные полосы на ее щеке. — Ах, Ирма, Ирма! Ты же мне обещала.

— Я не виновата, дедушка. Она первая задела меня. Я была очень осторожна, но она первая.

— Как это произошло?

— Помнишь, я рассказывала тебе, что нам велели явиться в школу на фашистский праздник?

Дедушка Тельман кивнул и зашуршал пергаментной бумагой с пастилой.

— Ну вот... Не пойти было нельзя. Только мы, пионеры и «Красные соколы», сели все вместе, в последнем ряду. И когда они внесли свое знамя, когда запели гимн, мы не встали. Учителя приказали нам встать, подталкивали в спину, но я сидела, как каменная. Девочки испугались и встали, а я нет. Я одна во всем зале сидела и молчала, когда все стояли и пели. Понимаешь?

— Ну, а это откуда? — дедушка бережно погладил ее по щеке. — Смотри-ка, припухло! — нахмурился он.

— Это? — небрежно отмахнулась Ирма. Ей стало жалко деда. Она вдруг увидела, какой он старенький в этой лоснящейся от глажки жилетке, застиранной рубашке без воротничка. — Понимаешь, комсомольцы и «Красные соколы» решили устроить нелегальный митинг. За городом, на Борстлерском болоте. Мы с одной девочкой пошли туда вдвоем. Было так хорошо и весело идти, дедушка! Солнце светит, птички поют, сосны — ну, прямо благоухают! Как вдруг навстречу нам дылда в коричневой блузе «Союза немецких девушек», — Ирма перекосила рот, словно передразнивая кого-то. — Взрослая такая. Идет и небрежно себя арапником по сапогам похлопывает, пыль сбивает, а впереди нее овчарка бежит с черной спиной, большая, страшная. Когда мы поравнялись, она вдруг как

¹ Сражающаяся Германия. Сборник. М., 1966.

толкнет меня, но я не поддаюсь на провокацию, и мы с подружкой прошли мимо.

— И правильно сделали.

— Как видишь, не очень-то правильно,— усмехнулась Ирма.— Эта фашистка вдруг как закричит: «Эй, ты, Тельман, ты коммунистка!» Конечно, коммунистка, а ты гестаповская сволочь, думаю, но не оборачиваюсь и тихо говорю подружке: «Спокойно. Товарищи близко, митинг нельзя ставить под удар. Кто знает, чего она хочет». Как видишь, дедушка, я в драку не лезла. Но эта стерва, увидев, что мы молчим, бегом догнала нас и стала хлестать меня по лицу. Понимаешь? И свою собаку науськивала. Только собака, видно, оказалась умнее ее. И знаешь, что мне особенно обидно? — она отодвинула чашку и отвернулась к окну, где стояли горшки с резедой.— Там было много взрослых, дедушка! Сидели на полянке, закусывали, пили пиво. Они все видели, но никто не вступился, не отнял у нее плетку. Как же! Она была в форме!

— Да, девочка,— кивнул старик.— В форме. Эсэсовские бандиты тоже носят форму. Кушай пастилку, деточка... А что было на вашем митинге? Он состоялся?

— А то нет? Конечно, состоялся. Скоро весь Гамбург узнает, что мы решили на нашем митинге. Знаешь, какой у нас теперь лозунг? «Все на улицу. Протестуйте против ареста вождей рабочего класса! Украшайте дома Гамбурга красным!» Вот! Увидишь, первого мая весь город будет красным. Мы не дадим сделать наш пролетарский Первомай фашистским праздником.

— Береги себя. Отцу будет еще труднее, если с тобой беда какая случится.

— Ничего не случится, дедушка. Ты не смотри, что я молодая. Отец тоже молодым начал. Расскажи про него еще что-нибудь, дедушка.

— Знаешь, Ирма,— старик снял очки, собрал в ладонь крошки с клеенки.— У твоего отца не было детства. Ему только-только исполнилось четыре года, а я уже водил его с собой на базар, будил в четыре часа утра. Он быстро одевался и помогал мне запрягать лошадь. И никогда я не видел, чтобы он плакал. Я грузил овощи, а он сторожил лошадь... Брал я его с собой и в трактир. Там мы все завтракали. Эрнст, как постарше стал, внимательно так ко всему прислушивался. А когда он сам вмешивался в разговор, я часто становился в тупик. Про что он только не спрашивал... И про богатых, и про бедных, и про кайзера, и про бога.

— Он верил в бога?

— Нет, он не верил. Он очень любил свою мать, твою покойную бабушку, но часто с нею спорил. Она была набожная. Однажды она хотела взять Эрнста в церковь, а он спросил: «Разве это справедливо, что у нас в школе так много детей ходят зимой без пальто? Разве это справедливо, что дети голодают? Сколько детей у нас в школе едят сухой хлеб! Они страдают от голода и холода. А вот дети богатых не голодают, не мерзнут. Разве бог не понимает, что это несправедливо?» — Дедушка Тельман улыбнулся и

покачал головой.— Как-то однажды утром я спросил его: «Зачем ты берешь с собой так много хлеба?» И, как ты думаешь, что он мне ответил? «Я этот хлеб ношу школьным товарищам, которые голодны, папа!» А когда в порту разгружали уголь, он всегда бывал там с несколькими приятелями — он помогал им заработать немного угля для их родителей. Такой он и сейчас... Да ты и сама знаешь.

— Потому он и политикой рано занялся! — кивнула Ирма.

— Вся наша жизнь была политикой, внучка. Понимаешь? Эрнсту было десять лет, когда произошла массовая забастовка портовых рабочих. Это было большое событие в его жизни. Часами он где-то пропадал. Потом оказалось, был у бастующих рабочих. Когда я его за это наказал, он обиделся: «За что ты меня бьешь? Портовые рабочие говорят, что мы должны им помогать. И еще они говорят, чтоб угольщики перестали торговать углем. Тогда жители Гамбурга поддержат забастовку». Его, как магнитом, тянуло в порт. Так это в нем и осталось. Он сам выбрал свою судьбу.

7

Однажды Тельман вдруг с удивлением понял, что мелкие тюремные новости почти так же интересуют его, как и большие события в большом мире за каменной стеной.

Это была незаметная подтачивающая работа привычки. Так растут гигантские сталактиты в пещерах, так день за днем море подмывает берега. Привычка грозила перерасти в тупое равнодушие. Правда, до этого было еще далеко, очень и очень далеко. Но Тельман умел различать корни явлений. В тюрьме нет мелочей, твердил он себе, зная, что из крохотных зерен привычки произрастают плевелы, а мелкие тюремные новости, которые хоть как-то выбиваются из монотонного и беспощадного течения дней, могут неожиданно стать жизненно важными. Здесь было извечное единство противоборствующих начал. Он должен был его разрешить для себя. От этого в конечном счете зависело все. Нельзя дать сломить себя, но нельзя и сломаться самому. Страшно упустить даже маленький шанс на победу. Поэтому — жесткий контроль надо всем.

Он попытался подвести итог своим маленьким победам. Прежде всего он открыл себе путь в библиотеку. Это значило, что изнурительной изоляции ума пришел конец. Память — не бездонный колодец. Без живительного потока новых сведений, впечатлений она может и оскудеть. Книги! Как нужны ему книги! Они важнее лекарств, важнее гимнастики. Гимнастика — для тела, чтобы оно внезапно не отказало, не предало, а книги — это окна для души, без них она может захлебнуться в темноте.

Он получил письма от Розы и отца. И сам написал им. Ему стали приносить кое-какие газеты. Тонкие шелковинки, скудные ручейки, бегущие с воли. Но если вдруг оборвутся его связи с волей,

он, как маленький, гонимый ветром паучок, вновь примется плести паутину. Даже твердо зная о неизбежности смерти, настоящие люди живут с ощущением вечности. Бессмертие дела — вот источник этого ощущения.

Он постарался выжать все, что возможно, прежде всего из газет. Жаль, что не хватает некоторых номеров — затерялись при пересылке. Тут он подумал, что пересылка стоит Розе слишком дорого. Надо посоветовать ей отправлять открытыми бандеролями, это дешевле. Хорошо, что ему удалось настоять, чтобы ей перевели хотя бы 30 марок из конфискованных у него денег; еще 20 марок советник прокуратуры Миттельбах обещал положить на его счет в тюремную кассу. Этого вполне хватит на почтовые расходы. Без табака можно и обойтись. Письма и газеты — вот что важно, как сама жизнь.

Из газет он составил себе хотя и отрывочную, но довольно ясную картину тех насильственных изменений, которые произошли в Германии за эти несколько недель. Фашизация страны шла полным ходом. Отмена гражданских свобод, запрет оппозиционных газет и политических партий, аресты, ограничения, заметный крен в сторону войны. Он достаточно ясно видел завтрашний день. Люди, которые сегодня восторженно приветствуют победный топот нацистских колонн, еще не раз задумаются над тем, как их одурачили. Тяжек будет этот миг просветления...

Роза шешет, что была у «отца» ишла его не совсем здоровым. «Значит, партия все еще теряет своих сынов. Сколько еще недосчитаемся мы, пока пройдем сквозь эти темные годы!»

Тельман придвинулся к забранному двойной решеткой оконцу и попытался в косом луче света прочесть зачеркнутые цензурой слова. Но не смог, черная тушь залила все намертво.

О чем же Роза хотела рассказать ему? Скорее всего, о связи. Иначе она написала бы не «дочь», а «Ирма»: Роза знает, что теперь для него самое главное — связь. Очевидно, Эзопов язык оказался слишком прозрачным для цензуры. Пусть попробует написать еще раз, надо обратить ее внимание.

Он садится за стол и обдумывает фразу, чтобы без нажима, медленно, экономя карандаш и бумагу, написать: «На второй странице твоего письма зачеркнули некоторые места, которые я уже не могу прочесть. Особенно приятно, что Ирма перешла в последний класс. Из ее строк видно, что она начинает становиться все более самостоятельной и спокойно, трезво оценивает создавшееся положение...».

Он вспомнил своих связных. Спокойного, невозмутимого, вероятно изобретательного Герберта. Рихарда Зорге¹ — быстрого, как ртуть, способного на самые отчаянные поступки. Пылкий, рис-

¹ Рихард Зорге (1895—1944) — советский разведчик, Герой Советского Союза. Член КПГ с 1919 г., член КПСС с 1925 г. Как установлено по архивным документам, в бурном 1923 г. Зорге был связным между Тельманом и КПГ (Давидович Д. С. Эрнст Тельман. Страницы жизни и борьбы. М., 1971).

ковый парень, с исключительно ясным аналитическим умом.

Как ему нужен сейчас такой связной! Он должен, он обязан все знать. Удалось ли переправить за границу нужных людей, выходит ли «Роте фане», кто арестован, кто продолжает борьбу. И о себе, о своем положении он должен рассказать. Только тогда помощь с воли будет действенной.

Газеты разносят о нем по всему миру самые невероятные слухи. Несклько корреспондентов, среди них даже один иностранный, сумели пробраться в Алекс и переговорить с ним лично. Посмотрим, как это отразится на потоке ежедневной лжи, которая стекает с газетных полос, на водопаде фальсификаций и слухов. Впрочем, это не ново. Враги всегда старались исказить истину, правдоподобной подделкой отравить общественное мнение. Сам он лишен возможности сказать свое слово. Чисто физическое отвращение, которое он всегда испытывал, сталкиваясь с клеветой, вспыхивает в нем с особенной силой. Это мешает ему бороться с одиночеством, отвлекает, лишает столь необходимого спокойствия. Он не имеет права поддаваться эмоциям. Они не для заключенных. В последних газетах говорится и о его самоубийстве, и о том, будто его сместило с поста Председателя партии московское руководство. Что ж, сам он не может выступить в свою защиту.

Но пока нет надежной связи, об этом лучше не думать.

Привычные заботы на миг вырывают его из тюремных стен. Он думает о подпольной типографии на Ландкирхенштрассе, о тайных переходах на голландской и польской границах, о тех, кто успел уйти в подполье еще до той роковой ночи.

В памяти всплывают лица товарищей, тысячи, тысячи лиц. Бре-мен, Нюрнберг, Вупперталь, Гессен, Франкфурт, Дортмунд, Эссен и, конечно же, Гамбург, конечно, Берлин. Вот она, трудовая Германия металлистов, портовиков, железнодорожников, типографских рабочих. Эти люди не поверят, что Тельман повесился в камере! Они знают его!

Уже здесь, в Алексе, он получил телеграмму от руководителя двадцать третьего избирательного округа Дюссельдорфа. Телеграмма, адресованная в Берлин, Полицияпрезидиум, 1-й отдел, извещала транспортного рабочего Эрнста Тельмана, что он вновь избран депутатом рейхстага! Вот ответ немецкого рабочего класса. 4 800 000 голосов за находящихся в тюрьмах и лагерях, за ушедших в подполье коммунистов. И это в условиях фашистской диктатуры, политической травли, полицейских репрессий и убийств. Такие люди не поверят нацистской пропаганде, гнусной клевете, состряпанной по геббельсовским рецептам.

Тельман еще и еще раз перечитывал открытки и письма, пришедшие к нему из Гамбурга. Писем из других городов ему не вручили. Сотни людей, наверное, поздравляли его с избранием, с днем рождения. Ведь из одного только Гамбурга пришло свыше шестидесяти открыток. У него были все основания для веры, для непоколебимой веры. Пусть Германия кричит сегодня: «Хайль Гит-

лер!» Это еще не вся Германия! Поэтому так жизненно необходимо установить связь с партией, которая возглавила сопротивление миллионов честных людей. Как намекнуть Розе на Герберта, не называя его по имени, не называя партийной клички? Что, если так: «Может быть, наш друг, с которым мы однажды на троицу совершили четырехдневное путешествие, сможет прислать сюда небольшую сумму денег?»

Это должны пропустить. Они привыкли, что он постоянно пишет о деньгах. И не удивительно, потому что обещанные доктором Миттельбахом 20 марок все еще не пришли. С деньгами вообще худо. Роза, дочь-школьница, два старика (отец Розы совсем плох)... Розе, наверное, снова придется пойти работать, а со здоровьем у нее не все ладно. Будет тяжело. Всем им будет очень тяжело...

Он знает, что родные постоянно думают о нем. Понимает, что никакие заверения не избавят их от изнурительного беспокойства за него и ожидания беды. И все же он ищет такие слова, спокойные, но не успокоительные, а, главное, правдивые. Да, правдивые, хотя и не внушающие подозрения тюремному цензору.

Не считая коротких бесед с адвокатами, разговаривать здесь не с кем. Тем сильнее в нем чувство написанного слова. Особое, обостренное тюремной чувство, когда фальшь и неискренность сразу бросаются в глаза, царапают сердце. Долой успокоительную ложь! Но умолчать, о многом умолчать, он может. Пусть все же думают, что ему здесь лучше, чем на самом деле. Да и нельзя писать на волю о жизни в полицейской тюрьме.

«Свое предварительное заключение,— он находит, кажется, нужную формулировку,— переносу с величайшим хладнокровием и наряду с само собой разумеющимися обязанностями, которые у меня здесь имеются, занимаюсь чтением книг».

Каждое слово должно быть точным, единственно необходимым. Нельзя дать цензуре повод для придинок, но необходимо и сказать все, что нужно сказать. К тому же, он не может позволить себе перечеркивать написанное. Каждый клочок бумаги — драгоценность, а каждое письмо может стать последним.

Итак, «чувствую себя хорошо, поскольку всегда был очень крепким». Это чистая правда, и дома все поймут как надо. Но чтобы они не толковали это его «поскольку» чересчур расширительно, не придавали этому слову смысл «несмотря на все мучения», придется приписать в конце: «Но подчеркиваю, что для какого-либо беспокойства с твоей стороны пока нет никаких оснований».

Итак, подготовительная работа закончена! Можно приниматься за письмо. Это приятная минута. Он пишет и мысленно переносится домой. У Розы, он тихо улыбается, 27 марта был день рождения. Ей уже 43 года. 11 апреля — день рождения отца... Уж так случилось, что они родились приблизительно в одно и то же время.

Сначала он пишет письмо жене, потом — отцу. Он уже знает, что Роза в Берлине и добивается свидания. Сначала весть об этом

обожгла его радостью, взволновала мучительным нетерпением ожидания. Это чуть не выбило его из колеи. И он понял, что еще не готов к встрече с родными. Трудная школа подготовки к долговому одиночеству еще не была пройдена. Он заставил себя временно подавить чувство и, насколько мог, трезво взвесил все «за» и «против». Потом принял тяжелое решение отговорить Розу от поездки. Но писать Розе об этом не следовало. С отцом он уже вел такую переписку.

«Дорогой отец!»¹

Я полностью разделяю твое мнение о поездке Розы в Берлин. Неопишуемая радость встречи омрачится прощанием, которое будет и для меня нелегким. Неизбежное расставание для нас обоих будет очень тяжелым. Для меня особенно, поскольку я сижу здесь один и буду бесконечно вспоминать о том счастливом мгновении. Пока мое здоровье вне опасности, острой необходимости в свидании нет. Попытайся утешить и успокоить Розу, используй и те веские аргументы, которые ты привел в своем последнем письме. Поживем — увидим. Человек без надежды — все равно что корабль без якоря...

С самым горячим сердечным приветом твой любящий сын Эрнст».

8

Вот уже несколько недель почти каждый день Роза Тельман ходила в страшное здание государственной тайной полиции на Принц-Альбрехтштрассе, 8 и требовала немедленно свидания с мужем. В первый раз с ней даже не хотели разговаривать. С большим трудом удалось узнать, в какой хоть тюрьме содержится Тельман. И это было все. Просьбы и письменные заявления о свидании с ним встречали отказ. Сначала о них еще докладывали Карлу Гирингу, который вел дело Тельмана, потом перестали. В конце концов она была обыкновенной просительницей, каких много, и Гиринг сказал, чтобы с ней особенно не церемонились. В последний раз какой-то младший эсэсовский чин пригрозил ей арестом и принудительной высылкой из Берлина.

Тогда она через посредство друзей встретилась с несколькими иностранными журналистами.

— Боюсь, — заявила она им, — что Эрнст Тельман подвергается в тюрьме тяжелейшим лишениям, может быть, даже пыткам. Иначе трудно объяснить, почему они боятся показать его мне.

Минуя гитлеровскую цензуру, это сообщение в тот же день было переправлено за границу. На другое утро оно появилось на страницах влиятельных европейских газет.

Ночи Алекса были полны тайных переговоров. Они превращали тюремные стены в телеграфные провода.

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким. М., 1968.

Нет тишины в тюремной ночи. Она полна перестуков, в такт которым бьются сердца. Необходимо знать, что ты не один в этом каменном склепе, что где-то за стеной, под полом, над потолком томятся такие же несчастные. Но кто они? Быть может, друзья? Это откроет перестук. Тюремная азбука, в которой каждая буква зашифрована определенным числом ударов. Столько-то по горизонтали, столько-то по вертикали. Магический квадрат. Азбука обреченных. Удар за ударом, буква за буквой, слово за словом. И если камера товарища далеко и он не слышит зова, его все же найдут, и твоя весть долетит к нему по длинной эстафете.

Так от одного телеграфиста к другому летят телеграммы в самый дальний, заброшенный на край света угол.

Прислушайтесь!

Это каменная глыба Алекса дрожит и поет в ночи: ...Тельман здесь... Тельман здесь... Тельман здесь... Тельман в тридцать второй... Тельман в тридцать второй... Передайте Тельману... Передайте Тельману... Здесь Димитров... Здесь Димитров... Передайте Тельману — здесь Артур Фогт...

Лязгнул замок, и с противным скрежетом отворилась дверь. В тридцать вторую вошел надзиратель — худой сутуловатый служака с ленточкой Железного креста первого класса и сивыми усами тюремной крысы.

Тельман удивился. Он мылся не далее как вчера. Или в банном расписании ошибка? Что же, в однообразии тюремных будней такая ошибка — улыбка судьбы.

— Торопитесь,— пробурчал надзиратель,— времени у вас мало.

Скорым, широким шагом, ибо даже эта внеплановая прогулка была для него подарком, шел Тельман впереди надзирателя.

Уже на лестнице, ведущей в подвал, он услышал шаги и обернулся. Вели Димитрова. В чахломе и мутном, как сыворотка, свете Тельман узнал его только по глазам. И еще по осанке — голова его была как-то особенно гордо поднята, словно вверху сияло чистое голубое небо.

Сжав кулаки в салюте Рот-Фронта, они молча приветствовали друг друга и улыбались. Эта безотчетная улыбка не оставляла Тельмана весь день.

Секундой раньше или позже, и мы бы не увиделись, подумал он. Какой удачный сегодня день. И еще он подумал, что Димитров сильно исхудал, но отнюдь не подурнел от этого. Высокий, с пышной шевелюрой, он стал похож на итальянского карбонария. Пусть они виделись только короткий миг. Но походка и четкое порывистое движение, которым Димитров приветствовал его, сказали Тельману больше, чем долгие часы откровенных разговоров. Тельман словно в грозу попал. Он всем своим существом ощутил, какая энергия сконденсирована в этом человеке. Меньше всего нужно радоваться встрече, встрече в тюрьме, но все-таки это радость, даже трудно передать, какая радость!

Тельман не знал, что это была не первая их встреча в коридо-

рах Алекса. Димитров уже дважды видел Тедди. Как хотелось, чтобы Тельман хоть обернулся, но он не почувствовал тогда горячего нетерпеливого взгляда Димитрова. Зато сегодня они действительно увиделись, даже улыбнулись друг другу.

В душевой никого не было. Тельман чуть отвернул отшлифованный прикосновением тысяч рук медный вентиль и, запрокинув голову, ждал, когда из проржавелых дырочек польется вода. Хлопнула дверь, и кто-то зашлепал по каменному полу.

Тельман медленно обернулся и увидел, как к соседнему крану идет Фогт. Артур Фогт! Поистине щедрость судьбы не знала сегодня предела. Не успев поздороваться, не успев даже улыбнуться товарищу, Тельман рванул вентиль на полную мощность, чтобы шум воды заглушил слова.

Последний раз они виделись незадолго до фашистского переворота. В этот незабываемый день, 25 января, компартия организовала беспорядочную по размаху антифашистскую демонстрацию. Рабочий Берлин впервые выступил тогда единым фронтом, и не было в Германии силы, которая могла бы ему противостоять. Быть может, именно эта монолитная демонстрация и ускорила решение реакционных кругов передать власть Гитлеру.

Два узника молча сжимали друг другу руки под конусом шумящих водяных струй. Да, они не встречались больше с того дня, когда над улицами поднимался сизый туман, а шаги тысяч и тысяч людей сливались в грозный победный рокот, который долго не затихал в морозном воздухе. Сколь многое случилось с ним и с теми, кто шагал тогда мимо трибуны, за это, в сущности, очень короткое, даже в масштабах человеческой жизни, время. Неправимо много...

— Это случайная встреча? — Тельман быстро огляделся, но, кроме них, в душевой никого не было. — Пусти воду.

— Нет, Тедди, не случайная, хотя я тоже не знал, что увижу тебя. — Фогт отвернул свой кран и, зажмурившись, стал под душ.

— Надзиратель? — спросил Тельман, утверждая, скорее чем спрашивая.

— Пусть тебя не смущает его Железный крест. Это надежный человек и старый член СДПГ. Он носит побрякушки из-за нацистов. Бойтся, чтобы не докопались до его прошлого. А чего бояться? Рядовой социал-демократ, герой войны. Таких не преследуют. Но он честный человек и очень сочувствует. Товарищи сказали, что на него можно положиться, к тому же он участвовал тогда в демонстрации...

— Ладно, не будем терять времени! Поскорее расскажи, что произошло после моего ареста. Я же почти ничего не знаю. Кого еще взяли?

— Многих, товарищ Тельман. Почти все депутаты-коммунисты были арестованы сразу же после выборов. Большинство руководителей работников партии...

— Но подполье функционирует?

— Да. Еще при мне была распространена листовка «Наша

борьба за революционное свержение фашистской диктатуры и за новую Советскую социалистическую Германию». Налаживается работа в эмиграции...

— Связь у тебя есть?

— Подо мной сидит наш товарищ, он уже кое-что наладил, думаем привлечь надзирателя.

— Я только что встретил Димитрова, его куда-то ввели.

— Да, я знаю, что он здесь. Нацисты готовят показательный процесс против компартии.

— В связи с рейхстагом?

— Да. Димитров, очевидно, будет первым.

— Это понятно. «Рука Москвы»!.. Сначала они попытаются продемонстрировать перед мировым общественным мнением, что агенты Коминтерна подожгли рейхстаг, потом обрушат судебное преследование на партию. Это наступление на коммунизм в мировом масштабе, товарищ Фогт... Но они не знают Димитрова, не знают нас! Мы, коммунисты, сами должны быть заинтересованы в открытых процессах, чтобы во всеуслышание заявить о нашей правоте, сорвать маску с фашистов.

Тельман как будто не замечал, где они находятся. Он рассуждал спокойно, но с необычайным подъемом, словно не было скользкого каменного пола, желтых тоскливых стен и льющейся воды. Фогт видел перед собой человека, которого хорошо знал по выступлениям на митингах, заседаниям в Доме Либкнехта. И говорил он все так же просто, без полутонов, как будто никогда не знал сомнений и не делал ошибок. Тельман говорил с ним, как с товарищем, с которым продолжает борьбу, как с близким, которого видит в последний раз. Тедди слишком хорошо создавал свое положение. Именно поэтому могло показаться, что в радости неожиданной встречи он забыл, где находится.

Время встречи пролетело слишком быстро. Каждый из них припоминал потом с досадой, как много упустил, забыл спросить или рассказать.

Открылась дверь и вошел надзиратель.

— Выходи! — крикнул он и, нацелив палец на Фогта, сказал: — Ты первый.

Когда дверь за Фогтом закрылась, Тельман слышал удаляющуюся ругань усатого надзирателя:

— Вы и так пробыли в душевой вдвое больше положенного. Уж не шушукался ли ты там со своим соучастником? Смотри! Проводить заключенного, — уже спокойно и четко скомандовал он кому-то.

Тельман улыбнулся этой примитивной хитрости и посочувствовал усатому надзирателю с Железным крестом, который ради этой их короткой встречи рисковал жизнью.

9

Роза Тельман не придавала значения попыткам дедушки Тельмана и самого Эрнста уговорить ее возвратиться в Гамбург. Они,

конечно, догадываются, думала она, насколько изнурительны эти бесконечные хлопоты. Но если мне действительно удастся увидеть его, то все, все будет тогда оправдано.

Но иногда ее охватывало сомнение. Может быть, Эрнста действительно уже нет в живых, или он в таком ужасном состоянии, что они ни за что не покажут его? С неизгладимой тоской осознавала она всю тщету своих надежд и глубокое свое одиночество. Зная, вернее, догадываясь о том, что гестапо постоянно следит за ней, она старалась как можно меньше встречаться с друзьями и знакомыми.

Но в тот день, когда ей сообщили, что завтра наконец-то будет дано свидание, ее переполнила такая шальная сумасшедшая радость, которую просто нельзя было пережить одной. Она выбежала на улицу и, сдерживая нетерпение, влетела в четвертый или даже пятый по счету автомат. Здесь, если ее даже подслушивают, не будет известно, кто звонит. Опустив монету, она набрала номер, который дал на этот случай тот самый товарищ, что привез ее из Гамбурга.

Нет, дело, конечно, не в избытке радости. С этим она уж как-нибудь сама справится. Каждый бы день такое. Нет, она звонила сейчас незнакомому другу не за тем, чтобы сказать, как она сегодня счастлива. Ей ли не знать, какое значение придавала партия этому свиданию! И сейчас она выполняла задание, которое лишь чисто случайно переплелось с ее личной жизнью. Относиться к этому иначе она себе не позволяла.

Лишь только в сердце своем они будут в те короткие минуты встречи мужем и женой, в улыбке, в глазах. И конечно, в глазах тюремщиков, которые позволяют им говорить только о семейных делах. Не это главное, не это. Товарищ Роза идет связной к товарищу Эрнсту. И сейчас она узнает, что должна передать ему под видом семейной беседы. Она не жалеет, что даже в такой час им нельзя говорить о себе. Именно такой час! Потому что нет для Эрнста ничего важнее тех слов, которые она должна будет скрытно ему передать. И если есть у них надежда хоть когда-нибудь быть снова вместе, то и она зиждется на этих словах. Не может быть, чтобы партия не придумала, как вызволить из тюрьмы своего Тедди!

О чем ей было сожалеть, даже просто раздумывать, если дело Тельмана давно стало для нее неотделимой частью его существа. А значит, и ее тоже. Как редко, в сущности, они были вдвоем. Эрнста всегда окружали люди. Сколько она помнит, в квартире постоянно кто-нибудь был. Приходили перед собраниями, митингами, маевками и, уж конечно, после, чтобы подвести итоги. Да и сами они сблизились на митинге. Она даже не помнит на каком. Но сам Эрнст, она словно увидела его тогда впервые, хотя они вместе работали в одной прачечной, ей хорошо запомнился, на всю жизнь. Потом она привыкла к его ораторской манере, а тогда была поражена. Как непривычно просто, как удивительно просто он говорил.словно ножом вспарывал нутро вещей. Он не убеж-

дал, не доказывал, он открывал людям глаза. Нет, даже не открывал, ибо глаза людей и без того раскрыты. Он заставлял людей видеть. Он делал это так, что проблемы, на которые он обращал внимание, казались простыми и ясными. В тот, самый первый раз он призывал рабочих объединиться в профсоюзы, которые будут стоять на страже их интересов. О чем еще мог говорить молодой профсоюзный руководитель, как не об этом? И казалось удивительным, как это еще находятся рабочие, которые не идут в профсоюз. Но, честно говоря, она не очень-то прислушивалась к его словам. Ей просто нравилось смотреть на этого тощего паренька с такой удивительно доброй улыбкой. Наверное, тогда она в него и влюбилась. А поженились они за несколько часов до его призыва в действующую армию. И молодая фрау Роза Тельман, урожденная Кох, пережила первую большую разлуку. Да, именно тогда она и научилась ждать. И еще как ждать!

За все два года ее Эрнст не получил ни одного отпуска. Все солдаты, кого пощадила пуля, хоть ненадолго приезжали домой. Лишь худощавого усатого артиллериста не отпускали. В наказание за антивоенную агитацию его после очередного госпиталя сразу же бросали в окопы. Он не перевоспитался, но ведь и не погиб! Может быть, и теперь он сумеет обмануть смерть, этот упрямый-упрямый Тельман? Сегодня это казалось ей очень возможным.

Да, недолго, очень недолго были они вдвоем. Даже их маленькая квартирка — они жили тогда на Сименсштрассе — им не принадлежала. Сразу после войны, после ноябрьской революции, она превратилась в партийный центр, в настоящий военный штаб. Каждый, кто только хотел, мог в любое время дня и ночи прийти на Сименс, привести с собой друзей. И постоянно гостили у них приезжие, иногда по месяцам. И все же она готова была со всем мириться, лишь бы он сам почаще бывал с ней. Но их судьбами распорядилась революция, и этим все было сказано. Он постоянно задерживался на собраниях, а когда возвращался, его ждали товарищи. Потом, далеко за полночь, сидел за книгами.

Однажды она не выдержала. Один раз за все эти суматошные дни, бессонные ночи и за два года империалистической войны. Ни слова не говоря, он дал ей выплакать все до капельки, до последней слезинки. И когда, уже облегченная, она успокоилась и могла только всхлипывать, он сказал ей те самые слова. Спокойно, как всегда, просто, с улыбкой, и она запомнила их на всю жизнь. «Роза! — сказал она, привлекая ее к себе. — Ты же знаешь, как я тебя люблю. Никакая другая женщина мне не нужна. Если же я иногда поздно возвращаюсь домой, значит, так надо. У меня есть партийные дела, их я никогда не оставлю».

Он заставил ее взглянуть на все его глазами, и она поняла, что выбора для нее нет. Ах, не так это было легко, как кажется теперь, спустя много лет. Она не спала и всю ночь шмыгала носом. Но и он тоже не спал, хоть и делал вид, что спит крепко. Не таким уж он оказался железным в этих делах. И ему было не слишком спокойно на душе, не очень-то безмятежно.

Она вспомнила ту страшную зиму, когда им пришлось особенно тяжело. Курс доллара поднялся до нескольких миллионов марок. Зарплату выдавали ежедневно, и люди спешили хоть что-нибудь купить на нее, пока не установится новый курс. За ночь деньги обесценивались еще больше. В этом неустойчивом, лихорадочном мире у них не было даже такой призрачной опоры, как ежедневная скачущая зарплата. Только пособие по безработице. На него нельзя было купить даже угля для отопления. Она сидела, укачивая маленькую Ирму в холодной кухне, где тусклый синеватый огонь газового рожка угрюмо и бессмысленно боролся с холодом и темнотой. Завернутая в теплое одеяльце, Ирма, может быть, одна во всем Гамбурге не чувствовала, как неумолимо набирает бег «чертового колеса», выбрасывающее из жизни тысячи и тысячи оглушенных, изверившихся людей.

Но и до маленькой Ирмы докатывался приглушенный рокот за туманным кухонным окном, рокот тревоги и неуверенности. Мучительно искажая в крике мокрый ротик, она вдруг заливалась слезами и долго не могла потом успокоиться. Может быть, ей просто не хватало молока, или же с материнским молоком и в нее вливалась внезапная горечь.

Эрнст ходил по кухне, стиснув кулаки. От плиты к двери, от двери к столу с облупившейся краской. За окном задувал норд-ост, скрипели под ногами расшатанные половицы. Даже он не находил выхода. Мир раскололся на тысячи кусков и катился в пропасть. Эрнст, конечно, понимал, какие силы управляют этой внешне хаотической катастрофой. Но глобальные схемы политэкономии не могли подсказать ему, где достать хлеб, уголь и деньги на квартплату. «Так дальше жить невозможно, Роза! — сказал он, прислонившись к дверной притолоке. Она испугалась. Если даже он отчаялся, то выхода действительно нет и нечего надеяться на что-то. — Да, так больше продолжаться не может. Все должно измениться! Сейчас миллионы детей мерзнут так же, как наша Ирма и ты. У многих портювиков давно нет работы! Надо бороться, Роза, за лучшую жизнь!» Это она уже слышала, конечно, не один раз. Тельман оставался верен себе. И ей стало легче оттого, что среди мрака и холода умирающего мира было хоть какое-то постоянство. Слова Тельмана, как всегда, были предельно просты. Но сколько силы должно было быть в человеке, чтобы все еще верить в них. И поддерживать веру в других. Она-то уж во всяком случае ему верила. В их квартире по-прежнему толпился народ. Иногда кто-нибудь приносил с собой пакет угля или несколько поленьев. Становилось теплее. Веселое пламя уютно гудело за раскаленной дверцей печи...

Она поспела немного раньше назначенного срока. Став в створке, смотрела, как приходят и уходят городские электрички. Она не знала того, с кем должна была встретиться, и потому не всматривалась в мелькающие лица, никого не искала в толпе. Просто ждала.

Она не видела, как он подошел к ней, и едва заметно вздрогнула, когда ее тихо окликнули:

— Мария.

Она обернулась. Перед ней стоял худощавый молодой человек. Каштановые волосы гладко зачесаны назад, черные внимательные, без улыбки, глаза.

— Меня зовут Герберт,— представился он.

— Здравствуйте, товарищ Герберт,— она медленно пошла рядом с ним по перрону.— Я не знаю, что за этим кроется, но они согласились дать свидание.— Роза коротко пересказала Герберту свой разговор в гестапо.

— Вынуждены были, товарищ Роза. Борьба за его освобождение приобретает все более широкие масштабы. Организован международный комитет. На борту каждого немецкого судна в зарубежных портах рабочие пишут: «Свободу Тельману!» Эти же слова на заводских трубах пограничных городов Чехословакии, Австрии. Германские посольства забрасываются письмами и петициями. Самые знаменитые люди мира требуют освободить Тельмана. Нацистам просто не оставалось ничего другого... Партия решила как можно скорее освободить товарища Тельмана из тюрьмы. Вы понимаете?

Она только кивнула в ответ, потому что не смогла говорить, так сильно вдруг заколотилось сердце.

— Нацисты явно в затруднении,— продолжал Герберт.— Мы не должны дать им опомниться, придумаю новую подлость, переменить тактику. Понимаете?.. Постарайтесь передать Тельману, что мы разрабатываем план побега. Я — связной. Первое время мы будем держать связь с ним через своих людей в тюрьме, потом, надеюсь, сможем установить непосредственное общение. Это вы ему передайте. Пусть ждет и готовится. И еще передайте, что, несмотря на всю тяжесть ударов, партия живет и работает.

Регирунгспрезидент¹

Секретно! Строго конфиденциально!

«Лигниц, 2 июня 1933 г.

ЦИРКУЛЯРНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

О коммунистической деятельности.

Уже почти в течение месяца наблюдается чрезвычайная активизация нелегальной организованной деятельности коммунистических функционеров. Для оценки коммунистического движения, несколько месяцев тому назад целиком перешедшего на нелегальное положение, совершенно не важно, хотя это часто упускается из виду, различие между КПГ, Межрабпом, Революционной профсоюзной оппозицией и другими вспомогательными и примыкающими к партии организациями. Полиции следует всегда иметь в виду, что эти организации в то время, когда они существовали легально, служили лишь для того, чтобы маскировать под-

¹ См.: СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1969.

рывную деятельность коммунизма, и что все эти организации, поскольку они еще существуют, в настоящее время служат той же цели, что и нелегальный партийный аппарат.

...После того как нам удалось путем ареста большей части функционеров парализовать основной руководящий аппарат КПП, внимание полиции должно быть постоянно направлено на то, чтобы следить за появлением новых руководителей и своевременно арестовывать их».

10

Они стояли друг против друга, разделенные узким зарешеченным коридором, по которому, заложив руки за спину, ходил надзиратель. Их руки могли пролезть сквозь прутья, но не могли встретиться. Им разрешалось только смотреть и, если они хотели,— говорить, но не о тюремном режиме, политике, обстоятельствах дела и прочих связанных с его заключением вещах.

Она вышла на свою зарешеченную половину первой и приготовилась к долгому ожиданию. Но не прошло и двух минут, как там, на недостижимой стороне, открылась дверь. Он вошел в комнату, как всегда, уверенный и спокойный, может быть, только несколько осунувшийся, усталый. Улыбнулся, ласково подмигнул ей и, широко расставив ноги, остановился у решетки. А ее руки сами собой отчаянно вцепились в черные толстые прутья от пола до потолка, словно это она, а не он пребывала в заключении. Она что-то шептала, беспомощно шевеля губами, не находя слов, может быть, не понимая, или забыв все, что готовилась сказать.

— Здравствуй, Роза! — он уже забыл, что хотел отговорить ее от встречи.

Она пришла, и вот он видит ее, может тихо сказать ей: «Здравствуй, Роза!» Казалось, он заставил себя привыкнуть к мысли, что, если они и увидятся когда-нибудь, то очень не скоро. Эта насильственная привычка должна была успокоить его. Но облегчения она не принесла. Не потому ли весть о свидании с Розой отозвалась всеоблегчающей радостью, в которой потонули все сомнения и тревоги, тяжелые мысли о том, как он будет справляться со своим сердцем и памятью, когда вновь останется в долгом одиночестве.

Когда он увидел ее, то почти успокоился, словно все случившееся за эти несколько недель было сном.

— Мне так много надо сказать тебе. А времени у нас...— она беспомощно пожала плечами.

Надзиратель все так же ходил туда и обратно по коридору, глядя прямо перед собой, словно не было по обе стороны ни этих людей, ни самих решеток, словно дефилировал он между непроходимыми стенами.

— Как отец? — пришел ей на помощь Тельман.

— Отец? — она взяла себя в руки, как растерявшаяся ученица, вытянувшая счастливый экзаменационный билет.— Отец все еще

болен.— Нужные слова являлись как бы сами собой. Она хорошо знала, что слово «отец» значило «партия».— Состояние очень тяжелое, он обессилел за эти дни. Очень волнуется за тебя. Но держится. Он просил передать тебе, чтобы ты не беспокоился о нем, он переборет болезнь.

— Но он уже выходит на улицу?

— Д-да,— будто преодолевая сопротивление, кивнула она.— В последние дни. Немного оправился и стал выходить, но, конечно, еще не очень далеко, вблизи дома.

— Хорошо бы вывезти его за город. Ведь уже весна, Роза, весна!..

— Мы так и хотим, Эрнст. Вот только с врачом посоветуемся. Он ведь должен быть под постоянным наблюдением. Некоторые из его врачей уже выехали на море, но кое-кто остается в городе. Одним словом, он не окажется без медицинского присмотра. Не беспокойся...

— Да? Меня это очень волнует, очень. Как Ирма? Она все такая же маленькая или немного подросла?

— Немного подросла. Особенно в последнее время.

— Я так и думал,— улыбнулся он.

— У нее очень хорошие друзья. Если бы ты мог видеть их, они бы тебе понравились.

— Может, когда и увижу.

— Надеюсь, что скоро. Так что не беспокойся, у нас все более или менее благополучно. Да! Чуть не забыла самое главное... Отец видел тебя во сне. Ему снилось, что ты вез фургон с пивом. Он долго был под впечатлением этого сна. Все рассказывал нам, как видел тебя нагруженным ящиками с пустыми бутылками.

— Странный сон.

— Я думаю, это к добру.

— Свидание заканчивается.— Надзиратель так и не взглянул на них.— Заканчивается. Прощайтесь. Свидание заканчивается.

«Значит, они готовят побег,— думал Тельман по пути в камеру.— Но это же очень трудно, почти невозможно. Придется преодолеть колоссальные трудности... Но может быть, я неправильно ее понял? Нет, правильно. Иначе, зачем тогда сон о пивном фургоне».

Он хорошо помнил тот случай с фургоном...

Зимний застывший Гамбург. Закрыты двери, спущены жалюзи. Вымерший город, вымерший порт. Черные силуэты запрокинутых в дымное небо кранов. Луна несется сквозь пепельные облака. Норд, завывая, летит по пустым улицам. Дождь со снегом пополам летит мимо раскачивающегося фонаря. Пятна света и тени колышутся на мокрой брусчатке. Вымерший город, пустые пристани тридцатого года, года всемирного кризиса, когда недолгое благополучие «ржаной» марки лопнуло, и все полетело к чертям.

Толпы безработных стекались к городу. Голодные, изверившиеся люди, подгоняемые зимой, подобно волкам, сбивались в стаи. В последнем отчаянном броске, в безмолвном марше собирались

пройти они по гамбургским улицам. Подобно снежному кому, собирал голодный марш рабочих, батраков и разоренных экономическим кризисом крестьян — всех отчаявшихся и обездоленных Киля, Любека, Люнебурга, Гамбурга и Бремена. Полиция вначале бездействовала, быть может, надеясь на то, что сильные морозы разгонят ослабевших от голода людей по домам. Но в домах не осталось ни еды, ни тепла, а у многих и дома не осталось. Была только страшная память в сосредоточенных и отрешенных глазах. Память о крови и нечистотах, о газовых атаках войны, густое похмелье после калейдоскопических перемен. Тут было все: недолгая революция, которую они не посмели довести до конца и незаметно отдали в опытные палаческие руки вчерашних врагов, генеральские путчи, мыльные пузыри биржевых курсов, чудовищная, навязанная нуждой и отчаянием инфляция моральных устоев, простых человеческих чувств. Страшная накипь кризиса, которая, застывая, могла принять любые формы. Нужда разъедает душу, как ржавчина.

Послевоенные вокзалы, пакгаузы, ночлежки, гороховый суп Армии спасения, пособие по безработице, города, деревушки и фольварки Германии, эмиграция и возвращение, подобное краху.

Эти люди могли пойти за красным флагом с серпом и молотом и за красным флагом со свастикой в белом кругу. Мороз их не остановит, ибо пришли они из мрака и холода. Эту простую истину хорошо понимали и в Доме Карла Либкнехта, и в «коричневом» доме. Наконец она дошла и до Полицийпрезидиума. «Голодный марш» был задним делом запрещен вместе с заранее объявленными демонстрациями и митингами на гамбургских улицах. Шупо заняли помещение гамбургского окружкома на Валентинскамп, редакцию коммунистической газеты, под теми или иными предложениями арестовали многих партийных активистов. По отношению к НСДАП — национал-социалистической рабочей партии Германии — никаких репрессий не последовало. Страна шла своим неизбежным путем к выборам тридцать третьего года.

Полиция знала, что Тельман находится в Гамбурге. Но арестовать депутата рейхстага, находившегося под охраной парламентской неприкосновенности, можно было только на месте преступления: на нелегальном собрании, например, во время запрещенного полицией «голодного марша». Но это была скорее чисто теоретическая возможность. Полиция хорошо понимала, что рабочие не дадут арестовать Тедди у них на глазах. Идти же на серьезный инцидент с новыми жертвами — гамбургская полиция за последнее время несколько раз открывала огонь — было рискованно. Город и без того наполнялся «взрывоопасным элементом» Приморья. Безработные, пусть один из десяти, дошли до Гамбурга, и толпы людей устремились в район порта, где легче стрельнуть хоть что-нибудь съедобное. Ресторан Затебиля, в котором компартия собиралась устроить митинг, был заблаговременно занят полицией.

Через подставных лиц сняли помещение в самом аристократи-

ческом районе, где полиция меньше всего могла ожидать рабочей сходки. Хозяину сказали, что его ресторан арендует союз животноводов из Люнебурга. Но это была лишняя предосторожность — хозяйина интересовала только плата.

Задолго до срока рабочие поодиночке устремились в аристократические кварталы. Подозрений это не вызвало, к началу митинга зал был полон. Пришли все, кто был оповещен. Но полиция могла нагряться в любой момент, и действовать приходилось быстро и четко. Каждому оратору давалось не больше десяти минут. На сцену поднимались посланцы рабочих Приморья. Проблема у всех одна: хлеб.

Он появился из-за кулис после пятого оратора. Под гул приглушенных голосов: «Тедди!» — подошел к самому краю сцены, могучий тяжеловес в синей морской фуражке, и приветливо помахал рукой. «Тедди!» — новым вздохом ответил зал. Но секретарь окружка тихо сказал: «Не приветствовать. Не аплодировать». Гул, медленно спадая, как рокот отхлынувшего прибора, стих. Взошел на трибуну и еще раз приветливо поднял руку. В настороженной тишине взметнулся ему навстречу лес рук. Он привык говорить громко, быстро, иногда повышая голос до крика, звонкого, резкого. Ему с трудом удавалось приглушить свой зычный, темпераментный голос портовика. Поэтому теперь он говорил медленно, мучительно подбирая подходящие слова. Казалось, он нарочно разучился произносить речи. Но зал был спаян с ним какой-то неведомой электрической связью, тем напряженным взаимопониманием, когда все кажется понятным с полуслова. И если бы не секретарь с его предостерегающе поднятой рукой, оратору отвечали бы возгласами одобрения. Но когда он, закончив выступление, вновь поднял сжатую в кулак руку, люди не выдержали и дружно зааплодировали. «Тише, товарищи! Тише! — в отчаянии закричал секретарь. — Вы же понимаете, чего это нам может стоить!»

Но он уже скрылся за кулисами. Зал затих. Митинг посланцев рабочего класса приморских городов продолжался.

В полутемном коридоре, пропахшем кухней и табаком, его ждал человек. Зачем-то вытерев руки о потертый передник из облупленной синей клеенки, он, словно нехотя, отвалился от стены и ногтями отлепил с губы докуренную до исчезающего кончика сигарету. «Кто вы?» — спросил сопровождавший Тельмана секретарь окружка. «Я не к вам, я вон к нему, — он вздернул обросший к вечеру подбородок. — Я тут пиво вожу, возчик я... Помнишь, мы еще сидели с тобой в трактире у Макса? А тебе лучше на улицу не выходить. Понял? С минуты на минуту нагрянет полиция». — «Откуда ты знаешь?» — «Случайно, Тедди! Я стоял тут возле телефонной будки и слышал, как один мерзкий шпик докладывал, что ты здесь. Понял? На всякий случай я хорошо запомнил его мерзкую рожу. Рыжий такой, на висках волосенки кудрявятся, а над левой ноздрей нарост такой, вроде розовой шишки. Имей в виду». — «Спасибо тебе, товарищ, но мне необходимо немедлен-

но ехать на вокзал. Через полчаса отходит берлинский скорый, а завтра на семь вечера назначено заседание Центрального комитета партии...» — «Да нельзя тебе выходить, Тедди! О чем я тебе и толкую! Ты думаешь, тот рыжий ушел? Черта с два! Слушай, Тедди, если ты выйдешь на улицу, то, пусть меня съедят черти, в Берлин ты сегодня не попадешь. Понял? И не суйся в таком виде...» — «Что значит, «в таком виде»?»

Возчик только хмыкнул и, наклонившись, поднял с пола сверток. Развернув газетную бумагу, достал такой же, как был на нем, синий фартук и кожаный картуз. «Бери, Тедди. Это вещи моего грузчика. Сам-то он болен и сидит дома, а его спецовка осталась в фургоне. Понял? Я, Тедди, как только услышал разговор того рыжего гада, сразу смекнул, что эти вещички очень даже могут нам пригодиться. Я уже все как следует обмозговал. Ты давай переодевайся и берись за ящики с бутылками. Понял? — и, одобрительно следя за тем, как Тельман без лишних слов стал снимать куртку, добавил, кивнув на секретаря райкома: — А куртку свою и фуражку отдай ему. Вот так. Ящики не тяжелые, не бойся. Давай, берись! Бутылки пустые». — «Ну, ну! — усмехнулся Тельман. — Когда я работал в порту, приходилось таскать и потяжелее».

Когда Тельман поднял поставленные один на другой три ящика и, прижав их к животу, двинулся к заднему выходу, рабочая охрана подняла тревогу: у ресторана остановились машины с полицией. Шупо прыгивали с грузовиков и, придерживая полы шинели, бежали оцеплять ресторан. Не обращая внимания на перепуганного хозяина, в помещение влетел молодой вахмистр. Его пальцы нетерпеливо скребли сверкающую кожу кобуры.

«Всем присутствующим оставаться на месте! — крикнул он, обернувшись к полицейским, махнул рукой. — Давайте!»

Шупо тремя темно-синими цепочками устремились к рампе. Возчик и новый его подручный со звоном опустили тяжелые ящики на пол. Половчье примерились, и Тельман взвалил ношу на спину. Так было куда удобнее идти с опущенной головой. Миновав темную кладовую, они вышли на задний двор. Там уже стояли полицейские цепи. Возчик приветливо кивнул унтер-офицеру и проворчал: «Добрый вечер! Здесь, кажется, того и гляди начнется потасовка? Надо спасать бутылки, пока не поздно. А то и осколков не соберешь». Но полицейский не посторонился и не дал им пройти. «Дорогу, господа! — гаркнул возчик. — Поберегись!»

Да, ящики с пивом — бутылки, кстати, были из-под «гамбургского» — это неожиданная помощь, это неизвестный друг, это дерзкий побег из-под самого носа полиции. Только так он и понимает слова Розы. Иначе зачем вдруг надо было вспоминать ей этот эпизод, пусть памятный, но всего лишь эпизод, один из многих в многотрудной жизни его, когда на свидании столько осталось недосказанного, необходимого, важного, а время неумолимо летело. Значит, это было важнее всего того, что она не успела ему сообщить. Только так он и понимает это.

Значит, он должен готовиться к побегу. Готовиться и ждать. Предприятие, безусловно, трудное, но не безнадежное, нет, далеко не безнадежное. Алекс совсем не то место, из которого нельзя убежать. При хорошей организации дела побег должен удасться... Неужели это возможно? Снова свобода, борьба, терпкий ветер лесов и полей, соленый ветер с моря. Товарищи, заполненные людьми улицы, черт возьми, даже просто какая-нибудь портовая таверна с холодным пивом, и чтоб пена была густая и вязкая, с горьковатым привкусом хмеля, вкусным духом хорошего ячменного солода.

Надо подумать, надо продумать все сто раз, все хорошо надо продумать. Алекс можно перехитрить.

«Моя дорогая Роза!

Посланное мною 20.111 письмо с особой просьбой к господину верховному прокурору в Лейпциг, вероятно, ускорило этот перевод в следственную тюрьму. Теперь по крайней мере сделан шаг вперед в судебном расследовании моего дела.

Перевели меня очень быстро, в течение одного часа. Здесь опять-таки совершенно иные правила и предписания, чем в Полицайпрезидиуме... Только что узнал, что со стиркой белья здесь дело обстоит гораздо хуже. Если мне откроют частный кредит, то белье будут стирать здесь же, в тюрьме... Пока что чистого белья у меня здесь еще на несколько недель. Для выполнения всех этих необходимых мелких дел мне было бы желательно твое содействие. Если господин адвокат, которому я тоже сразу же сообщил о моем переводе, получит разрешение на свидание, то ты будешь избавлена от многих хлопот.

...К сожалению, за все это время я так и не увидел нашу Ирму, хотя мы и договаривались, что я ее увижу в том случае, если мое предварительное заключение затянется на некоторое время. Шлю ей этим письмом особенно сердечный привет.

Мой отец определенно будет поражен тем, что меня неожиданно перевели сюда. Камера у меня чистая, но опять одиночная.

Твой любящий Эрнст»¹

11

Моабит... Тельман хорошо знал этот район Берлина. Пожалуй, столь же хорошо, как и соседние с ним Шарлоттенбург или рабочий Веддинг. Колонна инвалидов на Инвалиденштрассе, кладбище, уголовный суд, фешенебельная Шарнгорстштрассе, а на другом берегу канала — верфи. Серая чешуйчатая крыша музея, закатное небо над ней, острый шпиль. Сказочный дракон, пораженный рыцарским копьём. Кровь облаков, уносимая быстрой водой.

Отсюда совсем недалеко было до центра... Было.

Теперь Моабит-Берлин сузился для него до стен старой тюрьмы — Альт-Моабит. Чудовищно съежился в каменный мешок, зате-

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким. М., 1968.

рянный в полуподвале корпуса С для «особо важных государственных преступников». Захлопнулся со звоном и скрежетом двух нестандартных замков бронированной двери. И ветер сорвал паутину...

Внезапно оборвались уже начинавшие налаживаться связи. В туманное далеко отодвигался побег. Надо было все начинать сначала. Вживаться в новый режим, нащупывать новые связи и ежечасно бороться за те жалкие мелочи, которые так быстро вырастают в тесноте камеры до проблем поистине жизненной важности.

Тельман грудью прижался к холодной стене и запрокинул голову. Он ловил легкое дуновение свежего ветра, далекий отблеск синевы. Как мал был этот осколочек неба за черными — в три ряда — прутьями! Вот его заволокла легкая дымка, вот показался край белого облака, и в камере потемнело. В ушах зашумело, словно накатил вдруг прибой, загудел в снастях пассат, и чайки, чайки, оглушительно крича, бросились за черной кормой корабля. Закружились в неистовой и жадной радости жизни над бело-зеленой бешеной пеной, над синей дорогой, среди бескрайней глади морской.

И мал, и пустынен этот мирок каменной ячейки за стальной дверью! Одиночество. Пустота.

Напряженный, обостренный до предела, до болезненных галлюцинаций слух заключенного ловит далекий посвист локомотива. Бодрящий призыв. Голос милой родины, приглушенный далью привет. Как томительно медленно течет скванное в этих стенах время — и как быстро оно здесь бежит.

Нет, об этом думать нельзя. Совсем. Это непозволительно. Преступно. Чуть потеряешь контроль над своими мыслями, и, словно железным ободом, сдавит голову. Стены начнут сближаться, потолок падать, а в ушах зазвучат незнакомые голоса, крики и смех, словно рев заполненной народом площади, ворвется в неожиданно открывшееся окно. И сразу холод и тошнота подступят к сердцу: страх не страх, отчаяние не отчаяние, а что-то странное и тяжелое, отупение и тоска.

Лязнут замки, и войдет надзиратель, ненавистный, похожий на механическую куклу. Одни и те же движения, в одно и то же время, как заезженная пластинка, как навязчивый однообразный мотив.

Пытка повседневностью без перемен.

Таковыми они хотят видеть всех немцев — тупыми исполнителями, механическими палачами, без эмоций, глухими, слепыми. Но — не думать об этом, не думать, не омрачать благословенных часов просветленности и утренней тишины.

Тельман встает и начинает ходить по камере. Он заставил себя переключиться. Позавчера он узнал, что цензура задержала еще одно его письмо. В переданном ему извещении говорилось: «Отправка письма не разрешена ввиду его политического содержания. Анализ исторических событий на страницах II-VII явно служит

лишь для обоснования недопустимых политических выводов на странице VIII». Да, Альт-Моабит — это не Алекс. Он уже не раз показал свои зубы...

И, словно освежив себя недавним, еще не остывшим гневом, Тельман ступил на развороченную брусчатку гамбургских улиц. Это опять были воспоминания. Но не расплывчатые картины, порожденные сонным тоскующим разумом, а память беспокойного, возмущенного сердца.

Как пламенели кленовые листья в ту осень на гамбургских улицах! В предместье Бармбек, в районах Эймсбюттеля и Шифбека тихо горели они под тусклым дождем, ложились медленно и покорно на мокрые тротуары, слипались у водосточных осклизлых решеток. Когда же холодный ночной туман оседал в черных щелях улиц и жидким антрацитом загоралась грязь под фонарем, влажно шелестели они под ногами запоздалых прохожих. Куда шли эти затерянные в ночи люди? Зачем? Знали ли они, что в эту октябрьскую ночь город совершенно преобразится? Что треснут прорезанные рвами улицы, и вывороченные фонарные столбы наглухо перекроют их, как шлагбаумы? Что лягут на бок трамваи, автобусы, фургоны? Что спиленные деревья обрушатся в этот невысказанный перевернутый мир, где вещи забудут свое назначение, и лабиринт сплетенных ветвей объединит булыжники, плиты тротуара, стулья, продавленные диваны, рояль и облупленную детскую лодку?

Что даже листьям, еще промедлившим отпасть от убитых деревьев, предстоит навсегда застыть в глазах мертвых людей? Что будут гореть, полыхать эти листья три ночи и три дня на гамбургских баррикадах, среди вселенского хаоса вздыбленных мостовых? Не потому ли так запомнился их горьковатый запах, свежий запах дождя и освобожденной от камня земли?

Крохотная рабочая квартира в Хаммерброке. Велосипедная рама в передней. Эмалированный рукомойник. Воспаленный огонек в закопченном стекле. Сладковатое дыхание керосина. Крохотным стеклышком сверкнет в калейдоскопе памяти убогая эта квартирка, угол струганого стола и закопченная лампа. И руки, блуждающие по карте города, засаленной, протертой на сгибах, и черные тени людей по стенам... Три дня и три ночи длились, как одно невыразимое время суток — бессонное, жестокое, страшное. Но разве не тогда, не тогда прожил он лучшие часы свои на земле?..

В Бармбеке рядом с завалом из деревьев, булыжников и полосатых матрацев ему повстречался мальчонка лет семи, который, сопя от усилия, волочил по вывороченной мостовой дырявую корзину с игрушками.

— Пстой-ка, малец,— Тельман слез с велосипеда и присел перед парнишкой.— Куда ты все это тащишь?

— Разве не видишь? На баррикаду! Подсоби-ка мне, дядя.

Тельман посадил мальчика на плечо, обхватил рукой корзину и направился к завалу.

Баррикада встретила их оглушительным хохотом.

— Гляди, ребята! Гранаты несут,— крикнул, выскочив на бруствер, усатый рабочий в кожаной фуражке.— Только ты, Тедди, опоздал! Да... Макс нас уже снабдил. Укомплектованы за счет шупо. Даже слезоточивые бомбочки есть!

Тельман спустил мальчика на землю и, отряхнув запачканный рукав, тоже поднялся на бруствер. Молча пожал руку рабочему и, заглянув в окоп, спросил:

— Как дела, ребята? Все в порядке?

— Ждем гостей! — улыбнулся здоровенный парень в матросском бушлате.— Они было сунулись к нам, но после первых же выстрелов показали зады.

— Будьте готовы, они собирают силы. Есть сведения, что на Бармбек двинут броневики. Так что гранаты поберегите... Пригодятся.

— Не сомневайся, Тедди, все будет как надо!

Мальчишка между тем засовывал в щели свои видавшие виды игрушки. Рваную дыру в соломенном матраце он заткнул гривастым конем об одном колесике.

— Ну что, закончил ремонт? — спросил его Тельман.

— Теперь ладно будет,— мальчишка поплевал на ладонь и вытер ее о штаны.

— Позаботьтесь о товарище,— кивнул на мальчика Тельман.

В этот день узник одиночки корпуса С обрел самый драгоценный дар из тех печальных даров, которые только удается вырвать из немоты и безмолвия. Он обрел власть над временем и пространством. Стены раздались и отступили, потолок треснул, а пол камеры превратился в перекресток вселенских дорог.

Отныне он мог идти куда хотел. Тропинками юности он весело бежал к морю или уходил в буковые, пахнущие прелой листвой леса. Море качало его в матросской люльке, но за иллюминатором грохотали не волны, а скоростные вагоны нью-йоркского хабвея. Протянув руку, он мог потрогать перевернутый трамвайный вагон на гамбургских баррикадах девятнадцатого года или ржавую проволоку заграждений на Соме. Он говорил с матерью, которая давно умерла, учил первым словам крохотную свою дочурку, которая давно уже выросла.

Дороги вели его к истокам, и он вновь мог слышать голос Розы Люксембург на спартаковском митинге и свой собственный зычный голос на собрании Союза красных фронтовиков. Его встречали друзья, которые были сейчас далеко, может быть, за границей. Его встречали те, кто навсегда остался в прошлом, ибо время перестает течь для мертвых.

И еще они, эти дороги, уводили его от немоты каменных стен снова в родной Гамбург, в гавань и поросшие соснами дюны на берегу. Он бродил и по летним берлинским улицам, где не было уже ни черных, ни коричневых мундиров, ни золотых значков со свастикой на лацканах пиджаков. Удивительная власть памяти! Вот он сидит в большом зале с колоннами совсем близко от кумачовой скатерти, на которой стоит круглый графин с водой. Над этим столом, над

бумагами и над повернутыми в одну сторону головами сидящих вокруг мужчин и женщин высится, наклонившись вперед, к людям, к залу, Ленин... Лето 1921 года. Третий конгресс Коминтерна. Москва... И снова Москва, но уже в декабре, вся в снегу. И опять тот же снег и та же — нет, не та же, а другая, другая Москва 1924 года. Злая ночь с 23 на 24 января, когда он стоял в почетном карауле у ленинского гроба. Черные толпы, не толпы — бесконечные вереницы людей. И костры, и мороз, и синий, как спиртовой огонь, пар над черными головами.

Вот улицы Москвы и бесконечные проспекты Ленинграда. Он хорошо их помнит. Они переходят совсем незаметно в берлинские надземные дороги и набережную Гамбурга. Один бесконечный город его памяти, где соседствуют улицы всех городов, где рядом стоят дома, в которых живут немцы, русские, американцы, французы. Здесь никто никогда не умирает, никто не покидает его.

Тельман уходил в этот город не для того, чтобы забыться, даже не для того, чтобы уйти от скучной повседневности тюрьмы. Он черпал там мужество и веру, просил совета и находил единственное решение. Дорогами своего города он подходил к воротам тюрьмы, следил за сменой караула, за тем, как въезжают и выезжают машины, чтобы потом сообщить об этом на волю.

Он делал по утрам упражнения в своей крохотной камере, старался использовать каждую секунду получасовой прогулки. Но тело день ото дня становилось слабее. Он шагал и шагал по камере, проходил километры за километрами, пока за поворотом улицы не показывался лес или камни, розовый и серый гранит шхер. Там он набирался сил, лечился солнцем и ветром, красотой природы, лечился терпким запахом можжевельника и сосен, солью и йодом морской воды.

Так Эрнст Тельман обрел могучую власть над собственной памятью. Это была его первая большая победа над камерой в Альт-Моабите. Пройдут годы заключения, и в последнем письме к Розе из Моабита он коротко скажет о мудрости, которую обрел в страданиях, о бесконечных этих улицах памяти, улицах юношеских лет.

Из письма Э. Тельмана товарищу
по тюремному заключению.
Январь 1944 г.

23 мая 1933 года я был помещен в берлинскую следственную тюрьму, расположенную в Старом Моабите. Там со мной обращались средне, а в последнее время — нормально. Два с половиной года я находился под следствием в предварительном заключении; в течение этого времени подвергался допросам четырьмя следователями ежедневно по 10 часов и более. Мне были предъявлены для ознакомления и представления объяснений наиболее важные и всевозможные иные материалы руководства партии и ее организаций по всей Германии, вмененные мне в вину. Были доставлены и использовались на допросах все мои речи и статьи, материалы о засе-

даниях Секретариата, Политбюро, Центрального Комитета и о других конференциях партии, а также о крупных митингах и собраниях, на которых мне довелось выступать. И наконец, подробному разбирательству были подвергнуты: общая политика партии, ее текущая работа и организационная деятельность, многочисленные документы и выпущенные ею издания, к которым было добавлено немало материалов, подтасованных и сфабрикованных шпиками.

...Я держался на допросах так, как подобает революционеру. В качестве руководителя коммунистического движения я защищал все решения ЦК партии, а также Коммунистического Интернационала и принял на себя полную ответственность за них. Проявляя твердость характера и действуя сообразно с чувством долга, я энергично отверг все предъявленные мне требования назвать имена или выдать партийных деятелей и работников. Несмотря на всевозможные уловки и ложь, следователям на протяжении всех допросов так и не удалось заманить меня в ловушку или вынудить к предательству моих соратников и дела коммунизма. При этом порой доходило до резких сцен и острых дебатов, вследствие чего допросы переносились на следующие дни. После того как следователи потерпели неудачу в своих попытках получить или вырвать у меня признания в интересах обвинения, они прибегли к помощи гестапо»¹.

12

Черный «мерседес» с брезентовым верхом ждал во внутреннем дворе. Сиреновой мутью оседали в каменном колодце ранние сумерки. Ветер завывал мелкую снеговую крупку.

Тельмана посадили на заднее сиденье. Два эсэсовца зажали его с обеих сторон. Машина медленно подрулила к арке. Остановилась. Охранник взял пропуск, мельком глянул внутрь и включил рубильник. Бронированные створки ворот разъехались, и «мерседес» рванул с места.

Тельман сидел глубоко, а зажавшие его эсэсовцы, которым было тесновато, малость подались вперед и мешали смотреть в боковые окошки. Но через ветровое стекло он видел бегущий асфальт автобана, летящие навстречу дома. По-видимому, его опять везли на Принц-Альбрехтштрассе. Последнее время они стали допрашивать по вечерам. Иногда допрос затягивался далеко за полночь.

Въехав под круглую арку, машина остановилась у подъезда. Шофер вынул ключ зажигания и, обойдя машину сзади, раскрыл правую дверцу. Сначала вылез эсэсовец, потом Тельман. Другой охранник выпрыгнул слева и побежал к застекленной, с аккуратными занавесочками двери.

Но она вдруг распахнулась сама, выпуская под сумеречное небо группу заключенных в сопровождении обер-вахмистра.

— Стой! — закричал один из эсэсовцев. — Назад!

Обер-вахмистр на мгновение растерялся, но тут же повернулся и начал заталкивать арестованных обратно в подъезд.

¹ Коммунист, 1984, № 17.

— Всем повернуться лицом к стене. Кто обернется, будет расстрелян,—скомандовал эсэсовец.

Когда Тельман вошел в подъезд, заключенные, подняв руки, уже стояли лицом к стене. По гулкой каменной лестнице со стержимися ступенями его провели на четвертый этаж.

Миновав длинный, скудно освещенный коридор, свернули направо и остановились у двери, которая ничем не отличалась от тех, мимо которых они только что прошли. Конвоиры легонько подтолкнули его в спину, и он оказался в большой комнате с высоким потолком. Все три ее окна была замазаны снизу белой краской.

За столом сидел Гиринг, который уже дважды его допрашивал. Возле него, широко расставив ноги, стояли еще три эсэсовца.

Обычно на допросах присутствовали два следователя. Теперь же на него внимательно смотрели восемь пар глаз. Эсэсовцы медленно подняли кулаки: приветствовали салютом Рот-Фронта. Тельман спокойно оглядел их всех. Кроме Гиринга, он знал двоих, еще со времён политической полиции Зеверинга. Охранители Веймарской республики перешли на службу к ее могильщикам. Что ж, полиция всегда уважала преемственность власти.

Посреди комнаты стояло кожаное кресло. Тельман молча подошел к нему и сел.

— Здорово, Тедди! — это сказал стоящий за Гирингом коротышка. Тельман помнил его еще по Гамбургу. Тогда этот полицейский чиновник расследовал преступление фашиствующих бандитов из тайной организации «Консул». Как-то ночью они совершили нападение на его квартиру на Сименсштрассе, 4. Подлое и бессмысленное... Прикрепили две гранаты к оконному переплету. Роза и Ирма крепко спали, а он, как обычно, был на собрании. Взрыв выбил оконную раму внутрь. Осколки изрешетили стену. Только выступ стены, за которым по счастливой случайности стояла кровать, защитил жену и дочь. В довершение всего бандиты забросили в комнату пакет со взрывчаткой. Его обнаружили позже, когда Тельман с рабочими вбежал в квартиру. Они быстро обезвредили бомбу и вызвали полицию. Тут Тельман и увидел впервые этого кривонногого коротышку, чьи черные, коротко подстриженные волосы и теперь торчат во все стороны, как у ежа.

Маленький вахмистр ловко тогда взялся за дело. Через три часа после взрыва полиция задержала двух подозрительных парней, у которых при обыске были найдены капсулы-детонаторы и кольцо от гранаты. Но арестованных быстренько отпустили на волю. То ли вправду улик оказалось недостаточно, то ли полицию страшили тайные судилища «фемы»¹. Ничего нет удивительного, что коротышка сделал карьеру в СС. Гамбургская полиция, беспощадная к рабочим, проявляла удивительный либерализм к фашистским хулиганам. Ни один из тех, кто участвовал в налете на гамбургский окружок и редакцию «Гамбургер фолксцайтунг», не понес наказания. А ведь в то время гамбургский Полицайпрезидиум возглавлял социал-демократ...

¹ Тайные средневековые судилища, возрожденные немецкими фашистами.

— Не признаешь? — коротышка вразвалку пересек комнату и остановился перед Тельманом.

— Да, Тельман! — Карл Гиринг поднял глаза от разложенных на столе бумаг.— Все старые знакомые, заклятые друзья. Поэтому нечего дурака валять. Выкладывайте карты на стол. Нам лучше договориться полюбовно.

Тельман глянул на большие круглые часы под потолком — было начало шестого — и отвернулся к окну.

Гиринг вздохнул. Да, он понимал, говорить им было не о чем. Нельзя, невысказанно подходить к такому человеку с узкими рамками традиционно полицейского допроса с его грубой прямолинейностью и примитивным коварством. Он сам судейский и вырос в судейской семье, и ему ясно, что с Тельманом нужно взять другой тон. Но какой? Обычный полицейский реквизит не для Тельмана. Он, Гиринг, уже изучил красного вождя. И в Алексее, и в Моабите, и здесь, на Принц-Альбрехтштрассе. Если после трех суток строгого карцера — сырого, темного каменного мешка, где и стоять-то нельзя, он способен делать утреннюю зарядку, то уговорами многого не добьешься. Он на них не реагирует, как, впрочем, и на душе-спасительные письма, написанные почерком близких людей, и на номера «Роте фане», где говорится, что компартия прекращает борьбу против режима. Ого! Недешево обошелся каждый такой специально отпечатанный экземпляр! Но — и он, Карл Гиринг, заранее это знал — деньги вылетели в трубу. Гестапо от Тельмана сведений не нужно. Явки, фамилии, адреса? Все это чушь. Они и без него все знают. А что пока им не известно, то разнохают многочисленные агенты. Тельман слишком крупная фигура, чтобы требовать у него какие-то там адреса. Он нужен весь, как он есть. Целиком. Так как же заполучить его, как надломить эту железобетонную психику, не прибегая к обычной полицейской тактике? Как расколоть и тогда уже полностью подчинить себе? Но вот в чем вся беда — Тельмана не расколешь. Непрерывным перекрестным допросом его не прой-мешь. Опять попытаться взять его измором? Бесполезно. Накачать наркотиками, как Ван дер Люббе? Тоже не годится. На суде это сразу же всем бросится в глаза, уж слишком он крупная фигура. Не давать спать? Трое, а то и четверо суток?! Но он же портовый грузчик! Свалится без сознания на пол, потом отоспится, и все пойдет, как прежде. Есть, конечно, испытанное средство, которое сделает шелковым даже такого битюга... Да, средство есть... Но ведь Тельмана надо выпустить на процесс! Под пристальные взоры мировой общественности. Вот и получается, что всемогущая полиция бессильна перед тупым пролетарием. Начальство отдает приказ. Детали его не интересуют. Это дело его, Гиринга. За это ему платят деньги, за это его, потомственного интеллигента, у которого не было партбилета с дореволюционным стажем, вознесли так высоко. Но если он провалит теперешнее дело, то все полетит к чертям. Вилла в Грюневальде, за которую не выплачено до конца, белый автомобиль марки «ханом-маг» со щитком имперского автоклуба на радиаторе, служебный «майбах» под эсэсовскими руками...

Он прекрасно понимает, что не только за юридические достоинства взял его Рейнгард Гейдрих в свой аппарат. Гейдриху нужны послушные, лично преданные люди. Особенно теперь, когда на его прямого шефа по прусскому гестапо Германа Геринга возлагают всю ответственность за провал лейпцигского процесса. Да, что говорить, Димитров оставил всех с носом. Нельзя было дать ему уйти. Никак нельзя. А он ушел из-под рук. Ускользнул. На процессе он занимался неприкрытой коммунистической пропагандой, держал себя как обвинитель, не как подсудимый, выставил в смешном свете не только Геринга, но и доктора Геббельса. Разве мало? А тут еще русский паспорт и самолет, который прислала за ним Москва... Геринг здорово оплошал. Другому не простили бы. Но «железный Герман» где-то вовремя сказал, что у него нет совести, что, дескать, его совесть — это Адольф Гитлер. Сказано было без расчета на огласку, но тем не менее дошло куда надо... Второго Лейпцига быть не может, ясно каждому. Поэтому Тельмана ему не простят, кожу сдерут, а не простят. Если б кто знал, как он ненавидит Тельмана! Босьяк, самоучка, выскочил, видите ли, в политические вожди! Подумать только, еще совсем недавно эта рожа красовалась на всех плакатах. В президенты захотел! Фюрер бесконечно прав, когда говорил, что четырнадцать лет марксизма развратили Германию, а год большевизма убил бы ее. К счастью, этого не произошло. Недаром он, Карл Гириг, заведует отделом 2а на Принц-Альбрехт-штрассе.

— Встать, грязная свинья! — неожиданно закричал Гириг, стукнув кулаком по столу.— Встать!

Тельман не шевельнулся. Все так же отрешенно продолжал он рассматривать закрашенные половинки стекла.

— Поднимите его.

Коротышка и еще один эсэсовец схватили Тельмана за руки. Но он встал сам, спокойно высвободился и оправил на себе пиджак. Зазвонил телефон.

— Гириг,— сказал Гириг в трубку и тут же встал.— Слушаюсь, группенфюрер! Сейчас буду.— Он пригладил редкие волосы. Вытер платком потное, несколько одутловатое лицо.

Его вызывал к себе сам Гейдрих! Уже третий раз сегодня.

— Продолжайте без меня,— выходя из-за стола, он брезгливо махнул рукой.— Довольно китайских церемоний! Ты отвечаешь за все, Вилли!

— Ладно,— лениво кивнул привалившийся к подоконнику эсэсовец.

Когда дверь за Гиригом закрылась, он вплотную подошел к Тельману и подбоченился. Это был здоровый, полнокровный мужчина, довольно красивый, с чуть вьющимися льяняными волосами настоящего нордического человека.

Он долго, с интересом рассматривал знаменитого красного вождя. Тельман равнодушно скользнул взглядом по розовому гладко-выбритому лицу, по плетеным завиткам погона на правом плече, рыцарскому кресту с мечами на груди и отвернулся.

— Что будем делать, сволочь? — спокойно, даже добродушно спросил штандартенфюрер и неожиданным, почти молниеносным движением профессионального боксера выбросил руку вперед.

Тельман пошатнулся и схватился за лицо. Сквозь стиснутые пальцы медленно просочились темные струйки. Он шевельнул языком. Губы были разбиты. На верхней десне две саднящие ямки.

Кто-то несильно толкнул Тельмана в грудь, и он упал в кресло.

— Дайте ему сплунуть, — сказал штандартенфюрер, массируя костяшки пальцев.

Тельман медленно отвел руки от искаленного рта. Они стали неприятно липкими. Ему, словно это было на приеме у дантиста, поднесли эмалированную миску. Он выплюнул кровавый сгусток вместе с зубами.

И сейчас же откуда-то сбоку на него обрушился новый удар. Пронзительной молнией снизу от подбородка кольнуло прямо в мозг. Кто-то резко схватил его за отвороты пиджака, приподнял и тут же швырнул прямым ударом в ослепленное лицо назад в кресло.

«Берлин, 1 июня 1934 г.¹

Начальник политической полиции
Центрального бюро

Всем управлениям политической полиции

Об уголовном преследовании за государственную измену бывшего руководителя КПГ Эрнста Тельмана.

По делу о государственной измене бывшего руководителя КПГ Т е л ь м а н а срочно необходимо установить:

а) какие лица являлись в январе-феврале 1933 г. политическими руководителями окружных организаций КПГ в стране и где они сейчас пребывают;

б) где распространялась листовка «Наша борьба за революционное свержение фашистской диктатуры и за новую Советскую социалистическую Германию. Тезисы Центрального Комитета КПГ о современном положении и задачах партии», датированная 15 февраля 1933 года.

По поручению Гейдрих»

Из брошюры Г. Димитрова
«Спасем Эрнста Тельмана»
Москва, 1934 г.

«...Надо использовать все возможные пути, чтобы широкие слои германского населения узнали о том, что пролетариат и все честные люди во всем мире питают к Тельману и вместе с ним к угнетенному германскому народу чувство горячей любви и братской солидарности, что они исполнены решительной готовности его спасти.

Ни один из противников фашизма за границей, если он посетит Германию, или если в Германию едет его родственник или знакомый, или если он посылает по почте письма или посылки в Герма-

¹ СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1969.

нию, не должен упускать ни одного случая, чтобы в какой бы то ни было форме бросить в «Третью империю» клич:

«Свободу Эрнсту Тельману!»

...Спасение Тельмана — дело чести международного пролетариата, долг каждого честно мыслящего человека во всем мире».

13

При первом, сравнительно поверхностном чтении обвинительного акта Тельман понял, что прокуратура потерпела поражение. Лживые, шитые на скорую руку обвинения ничего не стоило опровергнуть. После провала в Лейпциге можно было ожидать, что юстиция постарается более тонко организовать новый показательный процесс. Однако этого не произошло. Логика диктатуры, как обычно, шла вразрез с логикой права. С тупой настойчивостью гитлеровская прокуратура шла на новый мировой скандал. И Тельман вот уже в который раз подумал, что процесс может не состояться. Лично для него это был бы наихудший выход. Он долго ждал процесса, а теперь, когда уже твердо знал, в чем его обвиняют, его охватило знакомое чувство нетерпения, как всегда перед схваткой.

Чтобы отвлечься немного и успокоиться, Тельман подошел к окну и, встав на цыпочки, осторожно постучал в стекло. Но рыжий с белыми пятнами паук, который свил тонкую прозрачную паутину между двумя стальными стержнями, не появился. Его призрачная сеть тихо колыхалась под холодной струей воздуха. Она казалась похожей на подвешенный к соснам гамак. Жаль, что когтистый восьмилпый сосед где-то сегодня пропал... Возможно, у него были другие дела. В тюрьме даже паукам недостает чего-то...

Тельман вернулся к столу, раскрошил разрезанную по милости тюремного начальства сигару и сделал самокрутку. Стараясь затягиваться неглубоко, медленно выдохнул струю крутого едучего дыма. Потом по памяти, не заглядывая в акт, выписал на отдельном листке главные пункты обвинения.

Да, они стоили немного. Без всякой помощи адвоката он мог бы сделать из обвинения посмешище. Это был бы хороший подарок для зарубежных представителей и корреспондентов, которые наверняка будут в зале суда. Неужели эти наци в Берлине настолько ослеплены ненавистью, что не видят этого сами? Или они и мысли не допускают, что портовый рабочий из Гамбурга, не кончавший гимназий и университетов, сможет разоблачить их судебнo-юридическую комедию? Поистине кастовое чванство пруссаков не знает границ. Что ж, если так, то тем лучше. Он с удовольствием посмотрит, как будут ерзать в своих креслах облаченные в средневековые мантии генеральный прокурор доктор Вернер и первый помощник доктор Бреннеке вместе с четырьмя следователями... Для гестапо же он прибережет особый сюрприз! В нужный мо-

¹ Димитров Г. Избранные произведения, т. 1. М., 1957.

мент он скажет и о биче из кожи гиппопотама, и о шуте-гипнотизере. Но не это главное. Важно, очень важно будет показать, насколько жалки выставленные гестапо свидетели — четверо отщепенцев, которые смели когда-то называть себя коммунистами. Двоих он знает: они занимали в партии высокие посты...

Свидетели, пожалуй, наиболее уязвимое звено грядущей комедии. На предварительном следствии он назвал больше двухсот имен, но вызвали для дачи показаний человек двадцать, не больше. В основном, наверно, тех, кто без всякого злого умысла мог сообщить нужные обвинению сведения. Из зарубежных товарищей не вызвали никого, хотя собирались судить большую политическую партию, даже весь Коммунистический Интернационал...

В обвинительном заключении были названы всего тридцать два имени. И какие! Шестнадцать человек поставило гестапо, о чем говорится с бесстыдной, прямо-таки изумительной откровенностью. Это все средние и даже высшие чиновники. Палач Гиринг тоже попал в свидетели.

Очевидная слабость прокуратуры видна и в том, что к делу приобщены материалы, не фигурировавшие на предварительном следствии. Он же знает, что опубликованная к выборам 1930 года «Программа национального и социального освобождения немецкого народа» ни на одном допросе ему в вину не ставилась. Интересно, как они будут доказывать, что лозунги «За свободу, социализм, работу и хлеб» и «За свободную социалистическую Германию» — государственная измена. Разве в демагогической программе национал-социализма не содержатся точно такие же слова, взятые на вооружение, чтобы дезориентировать рабочий класс? Странно, что при таком беззастенчивом подходе к делу ему не ставят в вину поджог рейхстага. Ишь как подобрели!.. Не упоминаются в акте и «жуткие документы», о которых столько трубили «Фелькишер беобахтер», «Рейх», «Шварце корпс» и «Ангрифф». Теперь газеты молчат, словно воды в рот набрали, об этих будто бы найденных в ЦК КПГ списках. То ли дело раньше: «Коммунисты готовили тайный заговор. Они собирались поджечь все общественные учреждения и 4000 крестьянских домов. Арестовать сотни заложников и зверски убить немецких женщин и детей» — просто и понятно! Жаль, что это не фигурирует в деле, право, жаль...

Зато все его речи, воззвания и статьи, легально изданные при Веймарском правительстве, приводятся как примеры очевидной измены и подстрекательства. Когда об этом пойдет речь на процессе, они и выпустят своих провокаторов, этих гестаповских экспертов по коммунизму. Сенсация века! Четыре коммунистических функционера выступают на стороне обвинения...

Тельман пролистывает акт, находит страницу с именами свидетелей, внимательно читает фамилии. От связного он уже знает, что в списке свидетелей защиты не будет фигурировать ни секретарь ЦК КПГ Ион Шеер, ни член Политбюро Рудольф Шварц. После нечеловеческих пыток эсэсовцы расстреляли их на лесной

опушке близ Потсдама. Тельман знает, что гестапо пыталось заставить их подтвердить выдвинутые против него и партии обвинения. И он хорошо понимает, что вынесли эти дорогие ему люди, прежде чем приняли смерть.

Эсэсовцы не смогли заставить их признать подлинность сфабрикованных гестапо фальшивок. А следствие все же решилось приложить к акту эти бумажки, пропитанные кровью! Пусть же весь мир увидит эту кровь, почувствует ее запах, услышит строгий голос ее...

Он находит место — 133-я страница,— где его обвиняют в преступных действиях против Веймарской республики. Так и есть, совершенно точно, здесь есть ссылка на документы, найденные в здании ЦК КПГ. Подумать только, даже указана дата, когда были обнаружены эти «вопиющие улики». 15 ноября 1933 года! Это почти через восемь месяцев после захвата здания ЦК нацистами. Или они думают, что у всего мира начисто отшибло память? На что они надеются? Как собираются строить процесс? Он уже однажды указал следователю на это, мягко говоря, подозрительное несоответствие в датах. Точно так же поступили и другие товарищи: Бухман, Замдтнер, Кунц. Но прокуратура прет, подобно быку с налитыми кровью глазами.

Вообще обвинение в преступлении против Веймарской конституции — смехотворное. Кто, как не сами наци, угробили ее? Еще с начала двадцатых годов они скликали своих приверженцев в крестовый поход на Берлин, где засели «ноябрьские преступники». Это для них ноябрьская революция стала проклятием и позором. Теперь же наследники палачей Карла Либкнехта и Розы Люксембург, убийцы министра Ратенау, террористы из шайки «Консул» обвиняют его, Тельмана, в том, что он в 1923 году произносил «бунтарские речи»! Разве это не вызовет в зале смех? За десять лет до того, как могильщики республики взяли власть, он, видите ли, призывал к свержению режима. Какого режима? И кто защищает этот режим? Кто чей наследник? Они провозгласили вместо республики третий рейх, объявив себя продолжателями Карла Великого и Бисмарка. Это официальные тезисы режима. И вот, оказывается, НСДАП выступает как законный юридический наследник Веймарской республики, чью конституцию она аннулировала!..

Он не откажет себе в удовольствии сказать по этому поводу несколько слов! Лучшую возможность разоблачить наглуго фашистскую пропаганду трудно даже придумать. Главный тезис — о стремлении коммунистов к государственному перевороту — он, конечно, отвергнет целиком. Стратегия коммунистической партии искажается и фальсифицируется. Политика коммунистов — это политика широких народных масс. У коммунистов есть четкая программа. Она общеизвестна. Основная задача партии — завоевание большинства в рабочих, трудящихся массах, без него победа пролетарской революции невозможна. Такая революция — действительно конечная цель партии, которая рассматривается как исто-

рическая перспектива. Коммунисты никогда не прибегали для ее достижения к путчам, индивидуальному террору, поджогам, грабежам, налетам и другим преступным, авантюристическим действиям. Такие непозволительные средства и методы, напротив, всегда были характерны для другой партии. Примеров тому — тьма...

Столь же неубедительны и так называемые доказательства «преступных злоумышлений» КПГ против нынешнего режима. КПГ — ленинская партия, партия научного коммунизма... Четко сформулировав мысль, он делает запись:

«В феврале 1933 года в Германии не было ни непосредственной революционной ситуации, ни революционной ситуации вообще, не было также непосредственного развития и углубления революционного кризиса... Поэтому неправильно утверждать, что в конце февраля 1933 года мы намечали переворот в Германии; абсурдно говорить о вооруженном восстании и о подготовке партии к восстанию... Мы не отрицаем революцию, мы считаем ее необходимой, а также и единственной возможностью социального и национального освобождения, мы работаем для этой цели и боремся за нее. Но мы отвергаем заговор — мы исходим из объективных предпосылок (которым мы субъективно содействуем)... Исторический переворот в Германии в результате победоносной пролетарской революции мыслим только при участии миллионных масс рабочих и трудового народа»¹.

Он перечитал написанное и остался доволен. Сказано было точно, энергично и прямо. В его обычной манере. И это правильно, потому что с трибуны фашистского суда он будет говорить не для судей. Его слушатели — это миллионы трудящихся во всем мире, это германский рабочий класс...

И все же сомнительно, что нацистские бонзы пойдут на такой процесс. Они боятся его, они не решаются — это очевидно. Да, весь вопрос в том — пойдут ли. Даже адвокатам — двое из которых члены НСДАП — стало ясно, что обвиняющие инстанции при обосновании своего обвинения окажутся в исключительно тяжелом положении...

Под давлением Международного Комитета защиты² власти дали в газеты материалы о процессе. Как будто бы теперь все пути назад отрезаны... Но надо плохо знать наци, чтобы делать такие заключения. Все человеческие понятия у них извращены, поэтому и действия их часто непредсказуемы...

Статьи о процессе подписаны верховным прокурором доктором Вернером и профессором Гриммом из Эссена. Эти господа ограничились бездоказательными обвинениями в государственном преступлении, не ссылаясь на факты. Ведь считает же доктор Гебельс, что факты — звук пустой... Поэтому не надо удивляться, если в последний момент они все переиграют.

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким. М., 1968.

² Международный комитет защиты Тельмана, в который вошли крупные общественные деятели мира, был создан в 1933 г. при ИККИ.

Однако в статьях о процессе есть и весьма любопытный момент. И доктор Вернер, и профессор Гримм в один голос уверяют, что Тельману не будут чинить никаких препятствий к защите. Этому обещанию трудно поверить, потому что оно связывает руки обвинительной инстанции. Юридическое положение защиты, напротив, значительно облегчается... В большой политике, а порой и в жизни отдельного человека случается, что одна сторона слишком страстно желает ускорить процесс, другая же — напротив — боится его, провидя грядущее свое поражение. Это как раз такой, типичный для истории неправого правосудия случай.

Тельман свертывает еще одну самокрутку и подходит к окну. Дуновение тоненькой прохладной струйки еще ощутимо. Глухо доносится в камеру гул тюремных коридоров, грохот железных лестниц и хриплый собачий лай.

РЕШЕНИЕ¹

по уголовному делу транспортного рабочего Эрнста Тельмана, обвиняемого в заговоре и призыве к государственной измене.

2-й сенат палаты народного суда на своем заседании
1 ноября 1935 г. по предложению верховного прокурора

п о с т а н о в и л :

Обвиняемый Тельман — при сохранении в силе приказа об аресте только ввиду подозреваемой возможности побега — освобождается от дальнейшего отбывания предварительного заключения.

После освобождения обвиняемый обязывается ежедневно являться в соответствующий полицейский участок по месту пребывания.

Брунер

Вайс

д-р Цигер

Господину
Эрнсту Тельману
Берлин-Моабит

Составлено

В Берлине 1 ноября 1935 г.
Делопроизводитель 2-го сената
палаты народного суда
Кислинг, судебный советник

Прусская тайная государственная
полиция. Заместитель начальника
и инспектора

Берлин, 1 ноября 1935 г.
Господину Эрнсту Тельману в
настоящее время Берлин-Моабит

На основании § 1 декрета рейхспрезидента о защите народа и государства от 28 февраля 1933 г. постановляю настоящим, что в

¹ См.: Thälmann. Bilder und Dokumente aus seinem Leben Berlin, 1955, Deutschlands unsterblicher Sohn. Erinnerungen an Ernst Thälmann. (Германии бессмертный сын. М., 1963).

интересах общественной безопасности Вы подлежите содержанию в заключении впредь до особого распоряжения.

Основания:

До Вашего ареста, последовавшего 3.III.1933 г., Вы являлись лицом, ответственным за руководство коммунистической партией Германии.

В интересах поддержания общественной безопасности и порядка Вы подвергнуты превентивному заключению, поскольку в случае освобождения Вы, несомненно, снова стали бы действовать в коммунистическом духе.

Гейдрих

Из хроники утреннего выпуска
«Берлинер Берзенцейтунг»:

«Единодушный восторг! Безудержный энтузиазм масс!

Рабочие Гамбурга радостно приветствуют своего фюрера. Путь торжественного кортежа проходит мимо дома, в котором когда-то жил Тельман, мнивший себя властителем Гамбурга, а ныне — величина, отошедшая в прошлое».

Радиограмма из Мадрида (1937 г.) от бойцов 12-й Интернациональной бригады:

«Батарея имени Тельмана приветствует своего почетного командира.

Дорогой товарищ Тельман!

Пять месяцев назад, когда мы дали нашей бригаде твое имя и двинулись с орудиями на Мадрид, мы все, от рядового бойца до командира, чувствовали, что взяли на себя большие обязательства. Среди нас были представители шестнадцати национальностей, представители всех антифашистских партий, молодые добровольцы и старые солдаты, участники мировой войны. Мы говорили на различных языках, но понимали друг друга, когда речь шла о главной задаче — быть достойным твоего имени.

С тех пор мы вели бои в университетском городке на окраине Мадрида, участвовали в победоносном бою под Лас-Росас, поддерживали наступление у Мирабуено, помогали отбивать атаку на реке Хараме и сражались под Бриузгой.

Впереди — новые бои. Народ Испании переходит в контратаку. Мы знаем, что боремся за свободу страны, которая особенно упорно и самоотверженно вела и ведет борьбу за твое освобождение.

И мы знаем, что каждый выстрел наших орудий расшатывает стены гигантской тюрьмы, в которую превратил наше немецкое отечество гитлеровский фашизм. В день твоего рождения мы клянемся тебе, товарищ Тельман, удвоить наши силы и плечом к плечу с молодой и храброй армией испанского народного фронта двигаться вперед к новым победам. Сегодня, в день твоего рождения, батарея избрала тебя своим почетным командиром.

Мы всем сердцем с тобой, товарищ Тельман. Орудия нацелены. Можешь положиться на нас. Рот-Фронт, товарищ Тельман!»

Возле аптеки Эдвин перешел на другую сторону и свернул за угол. В крохотном скверике увидел Розу и Герберта. Медленно прошел мимо. В следующем переулке, где был колбасный магазин, они догнали его.

— Здравствуй, Эдвин,— сказала Роза.

— Привет, Мария.

— В среду я была у Старика.

— Как тебе удалось?

— Добилась.

— Как он там?

— Жалуется на рези в животе.

— Надо посоветоваться с врачом.

— Я уже была. Он назначил лекарство, но его не разрешили передать.

— Хорошо. Я попробую через надзирателя Эмиля. Лекарство у тебя с собой?

— Конечно,— она раскрыла потертую лаковую сумочку и достала пробирку с таблетками.— Он просил сказать вашим, что одобряет избрание Пика Председателем партии. Считает решение очень правильным.

— Он знает, что мы готовим новую попытку?

— Он понимает, насколько это все трудно.

— Теперь особенно.

— Да, он все знает. И считает, что следует выждать. Просит не идти на бессмысленный риск.

— А каково общее положение?

— Некоторые обстоятельства наводят на размышления.

— Что-нибудь угрожающее?

— Не знаю, но на свиданиях каждый раз присутствует новый надзиратель. По-моему, это становится системой. В среду тоже был другой. Его фамилия Каснер или Кестнер. Мне он очень не понравился. Он задавал Старика чудовищно провокационные вопросы. В моем присутствии! «Предлагаю вам созвать здесь, в тюрьме, собрание,— сказал он,— и выступить по вопросу о национал-социализме. Вы скажете, что отказались от своего мировоззрения, что марксизм — лжеучение, и призовете собравшихся осознать это и отречься от коммунизма».

— Дурак,— сказал Эдвин.

— Нет,— покачала головой Роза.— Не дурак. Они знают, как Старик реагирует на такие вещи, и сознательно изводят его.

— Конечно,— сказал Герберт, шедший чуть позади,— они меньше всего надеются, что он их послушает. Они просто травят его. Мария права.

— Старик прямо уничтожил его взглядом.— Роза быстро огляделась, но они были одни.— «Я никогда не пойду на это,— ответил он,— что бы вы со мной ни сделали». Это, как ты понимаешь, он сказал уже для меня. Значит, его положение ухудшилось.

— Скорее всего,— сказал Эдвин.— Как он выглядит?
— Похудел. С прошлого раза — похудел.
— Последний раз Эмиль видел его месяц назад,— сказал Эдвин.— Его как раз вели мыться. Он выглядел хорошо. Он ведь много занимается гимнастикой, и это поддерживает в нем бодрость. Надзиратель восхищен, что Старик так твердо держится и ни на что не поддается. «Я,— сказал он,— на его месте, безусловно, не выдержал бы».

Из письма Эрнста Тельмана жене¹.

«...Хочу сообщить тебе действительное положение вещей, как оно мне теперь окончательно стало известно:

1. Свидания с тобой, которые бывали каждые 14 дней, теперь будут допускаться только раз в три недели.

2. Свидания с адвокатами, которые до сих пор не ограничивались, возможно, будут ограничены.

3. Вся почта — письма и открытки,— которую я еще не уничтожил и которая с начала заключения всегда находилась в камере в моем распоряжении, была у меня внезапно отобрана, за исключением последних писем и открыток от Ганса, оставленных мне лишь для ответа. Кроме того, я должен сдавать теперь все новые письма и открытки, как только отвечу на них. Письма передаются на хранение обер-директору. Получу ли я их после освобождения, еще не известно, да и сомнительно.

4. В последние шесть месяцев я мог каждые 14 дней получать от тебя пакеты с продовольствием, впредь эти передачи отменяются.

Уверен, что ты поймешь все без комментариев. У меня хотели отнять даже письма, связанные с обвинительным заключением. Однако после моего решительного протеста их оставили».

15

Тельман окончательно убедился, что в соседних камерах никого нет. Несколько дней он безуспешно простукивал стены, пол и потолок. Очевидно, гестаповцы оставили эти камеры свободными.

С того дня, как его неожиданно, в сопровождении усиленной охраны, перевезли в Ганновер, все связи с волей оборвались. Они и без того слабели день ото дня.

Последние месяцы в Моабите надзиратели менялись чуть ли не ежедневно. Передать что-либо в таких условиях было невозможно. Но тогда он мог хоть перестукиваться! Пусть в более сложной обстановке, но связь с Розой и Эдвином все же продолжала существовать.

Однажды сосед сверху передал ему, что надзиратель Эмиль Мориц заподозрен в организации неудавшегося побега и арестован. Потом Тельман узнал, что Эмиля пытали, но он никого не выдал. Чрезвычайный суд приговорил Эмиля Морица к пятна-

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким. М., 1968.

дцати годам, но уже на другой день его нашли в камере мертвым. С тех пор к Тельману допускали только надзирателей из СС. С одним из них он как-то разговорился. Знал, что перед ним негодяй и провокатор, но все же вступил в разговор. Ведь и в каменной клетке порой можно нащупать щель, терпеливо увеличить ее и расшатать потом несколько кирпичей. К тому же нацисты продажны, хатки на деньги. Не все, конечно. Некоторые. Да и поговорить хотелось, поспорить. За четыре года одиночки можно и онеметь...

Эсэсовец, как положено, начал с того, что стал ругать коммунистов.

— Старая песня...— сказал Тельман.— Я одного не могу понять: почему вы так боитесь коммунистов? А если в Германии стало лучше, то почему вы боитесь рабочих? То, что вы называете коммунистическим подстрекательством, не что иное, как недовольство масс, положение которых не стало лучше.

— Мы ликвидировали безработицу. Это раз,— эсэсовец загнул палец.

— Вы закабалили немецкого рабочего, и вы стоите по колено в крови.

— Мы возродили немецкую нацию. Мы свершили великую революцию! Я знаю, вы, коммунисты, молитесь на Москву и плюете на свое отечество. Гадите в собственном гнезде. Ваша родина — Коминтерн... А знаете ли вы, что на самом деле происходит в этой вашей Москве? Я принес вам кое-какие газеты,— он расстегнул портфель.— Почитайте-ка на досуге. Помяните мое слово, ваша красная Россия скоро развалится.

— Советский Союз существует уже двадцать лет. Это чудо двадцатого века. Я много раз бывал в этой замечательной стране и своими глазами видел, как она мужала и крепла год от года... Посмотрим, сколько времени просуществует ваш тысячелетний рейх. А за газеты — спасибо.

Это был единственный разговор за целый месяц!

Здесьние надзиратели ограничивались обычно односложными приказами: «Встать!», «На выход!», «Лицом к стене!» Писем не было. Возможно, Роза и не знала, где он теперь находится. Он сам не сразу узнал, что его привезли в одиночку страшного флигеля «Д» (для особо опасных государственных преступников, осужденных на длительные сроки заключения) ганноверской тюрьмы.

На прогулку его выводили вооруженные карабинами охранники. Если случайно во дворе в это время находился кто-нибудь из заключенных, вахмистр командовал: «Всем повернуться лицом к стене!» — и для большей убедительности щелкал затвором.

Тельман не мог, конечно, знать, что сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, осуществлявший высшую полицейскую власть в Саксонии, ежедневно справляется о нем у главного директора тюрьмы. В молодости на Гиммлера большое впечатление произвел роман о безымянном узнике Бастилии «Железная маска». Теперь запавшая в голову соблазнительная мысль пригодилась. «Никто не

должен знать, что Тельман находится у вас,—инструктировал рейхсфюрер директора тюрьмы.— Этот заключенный будет у вас безыменным».— «Следует называть по номеру?»— осведомился директор.— «Да,— ответил Гиммлер.— Тюремная администрация должна избегать лишних разговоров об этом лице. В крайнем случае, о нем можно упоминать как о некоем человеке».— «Значит — Манн?»— предложил директор.— «Да, Манн¹, — согласился рейхсфюрер.— Заключенный по фамилии Манн. Что же касается его жены, то свидания будут даваться каждый раз по специальному разрешению».

Ганноверский полицейпрезидент тоже получил необычные инструкции. Они воспрещали, в частности, Розе Тельман приезжать в Ганновер под своим именем. По прибытии в город ей надлежало немедленно сдать в гестапо свой паспорт, взамен которого выдавался другой — на ее девичье имя Розы Кох, действительный лишь в городской черте Ганновера. С этим паспортом ей дозволялось находиться на почте, вокзале и в других общественных местах, за исключением зрелищных, а также ночевать в гостинице и посещать тюрьму.

Но и об этом Тельман еще не мог знать, потому что свиданий пока не было.

Резь в желудке, которая началась еще в Моабите, усилилась. Временами она становилась совершенно непереносимой, он бросался на койку и грыз пальцы, чтобы не закричать. Когда один такой особенно острый приступ длился несколько часов, Тельман, дождавшись прихода надзирателя, попросил вызвать врача. Врач пришел и даже прописал ему какие-то успокоительные таблетки, которые, однако, не помогли. С тех пор все жалобы Тельмана оставались без ответа. Он опять-таки не мог знать, что директору было указано на либеральное отношение к «заключенному Манну», для надзора над которым берлинское гестапо выделило специальную команду.

16

Роза нервничала. Из-за слежки она была вынуждена уже дважды отложить встречу с Эдвином. Она знала, с каким риском связан был каждый час его пребывания в Гамбурге, и от этого нервничала еще больше. Но ее обложили так плотно, что немислимо было выйти из дому незамеченной. Придется дать знать Эдвиному, что они смогут встретиться только в Берлине. Там ей все же проще избавиться от хвоста. И неизвестно почему. Берлинское гестапо отнюдь не уступает гамбургскому, скорее, даже наоборот. Но как бы там ни было, последние дни она чувствует за собой неусыпную слежку. И ни разу не удалось ей установить, кто за ней наблюдает. Каждый раз она «узнавала» в толпе сразу нескольких агентов. И это было страшно, потому что идти за ней мог только один.

¹ Манн — по-немецки «человек», «мужчина».

Но именно этого, единственного, она и не могла распознать. Очевидно, слезкой руководил теперь настоящий мастер, идеально отладивший свою невидимую и страшную сеть, обойти которую невозможно. Оставалось только вырваться из нее — выехать в Берлин. Следить за ней будут и там, но вряд ли ей придется столкнуться со столь же продуманной и изощренной системой. Не станет же берлинское гестапо держать в резерве на случай сравнительно редких берлинских ее поездок столь же отлаженную машину наблюдения. Конечно, в Берлине ей легче будет избавиться от хвоста, чем здесь, да и Эдвин чувствует себя там более уверенно.

Она пытается заняться мелкой домашней работой: поднять петли на чулках, заштопать шерстяные перчатки, пришить крючки к юбке дочери. Но ничего не выходит. Все валится из рук.

Может, в магазин сходить? Все-таки какое-то отвлечение.

— Ирма! — зовет она. — Ты где?

Ирма, как всегда, выскочила из подъезда первой и тут же увидела на противоположной стороне улицы две неподвижные фигуры в черных резиновых плащах.

— Мама, смотри, — тихо сказала она.

«Это что-то новое, — подумала Роза. — Они даже не скрываются».

— Не обращай внимания, девочка, — сказала она, взяв дочь, словно та все еще была маленькой, за руку.

Но сама внутренне насторожилась. У большой зеркальной витрины, где с крючьев свисали красно-желтые мясные туши, она остановилась. Те двое шли за ними.

— Добрый день, — сказал один из них. — Мы как раз собирались нанести вам визит. Потрудитесь, пожалуйста, возвратиться домой.

— А кто вы, собственно, такие? — спросила Роза, хотя прекрасно знала, с кем имеет дело.

— Не привлекайте к себе внимания, — гестаповец, казалось, не расслышал вопроса. — Идите домой.

— Но на каком основании?..

— Идите, идите, — безучастно закивал он. — И не надо поднимать шума. Это может вам только повредить.

Роза пожала плечами и, еще крепче стиснув руку дочери, пошла обратно. Гестаповцы следовали за ними на некотором отдалении. Но как только женщины вошли в подъезд, они заспешили. По лестнице поднялись уже бегом.

Роза открыла замок и хотела войти в квартиру, но рыжий гестаповец удержал ее за локоть и кивнул напарнику. Тот молча отеснил Розу и вошел первым.

— Что вам нужно от нас? — Роза поставила сумку и зонт, но плаща не сняла.

— Пройдите в комнату.

Роза и Ирма направились в столовую, где их уже ждал, приклоня к подоконнику, другой гестаповец.

— Вы должны вручить мне все письма, которые получили от мужа из тюрьмы.

— Добровольно я ничего вам не дам,— отчеканила Роза и села на диван. Ирма опустила рядом с ней.

— Хорошо,— сказал первый гестаповец.— Приступим. Пройдите в ту комнату,— кивнул он напарнику.— Дайте мне ключ от шкафа,— он требовательно протянул руку,— чтобы не пришлось ломать.

Ирма медленно поднялась, подошла к маминому рабочему столику и достала ключ.

— Зачем вы хотите забрать у нас письма отца? — тихо спросила она.— Сначала его забрали, а теперь — письма. В них наша последняя радость. Мы их перечитываем каждый день. Ну, для чего они вам?

— Могу вам ответить со всей определенностью, фрейлейн,— он отпер шкаф и выдвинул ящик.— Я прочел копии этих писем и скажу вам, что они должны быть конфискованы. Мы просто обязаны предотвратить их опубликование. Если бы эти письма стали вдруг достоянием общественности, они бы произвели просто ошеломляющее впечатление.

— Отчего же? — Роза насмешливо подняла брови, и губы ее сделались вдруг злыми и тонкими.— Даже допуская, что письма могли бы быть преданы огласке, я не понимаю, чем они могли так вас напугать? Они же прошли гестаповскую цензуру и контроль органов юстиции. Все, что считалось в них мало-мальски предосудительным, было залито тушью. Почему же вы теперь спохватились? Чем вас пугают письма моего мужа?

— Меня они не пугают.— Гестаповец работал быстро и аккуратно, едва касаясь пальцами вещей, словно профессиональный карманник. Он опустошил шкаф за какие-нибудь три минуты, оставив все в безукоризненно первозданном виде. Забрал только бумаги: записи, письма, даже открытки.

— Выходит, что нас лишают теперь переписки.— Роза еще глубже закусила губы.

— Отчего же? — гестаповец перешел к ее столику.— Все письма вашего мужа, адресованные вам и фрейлейн, будут поступать теперь в полицию. Об их получении вас уведомят, и вы, конечно, сможете их прочесть. Письма же останутся у нас. Мы будем аккуратно собирать их и сохранять.

...Когда обыск был закончен и гестаповцы ушли, Роза бросилась на диван и, уткнувшись лицом в вышитую подушку, разрыдалась.

Ирма присела перед ней на корточки, обняла, прижалась щекой к вздрагивающему ее плечу. Но Роза уже не могла остановиться. Сказалось все: и невылитая горечь этих страшных лет, и тревога последних дней, когда она всюду чувствовала на себе чужие враждебные глаза, утраты, унижения и постоянная нервная напряженность. И писем ей было безумно жаль, как будто вместе с ними отобрали у нее еще одну частицу надежды.

11 августа 1943 года, после шестилетнего заключения в ганноверской тюрьме, Тельмана перевели в Баутцен, в следственную тюрьму по уголовным делам.

Путь в Саксонию был долг и утомителен. По дорогам тянулись унылые колонны беженцев. Дымились каменные холмы, в опаленных воронках ветер шевелил какое-то тряпье и чудом уцелевшие куски обоев. С кошелками и термосами в руках люди покорно брели на временные пункты, где можно было получить хлеб и эрзац-кофе.

Тельман успел заметить обложенный мешками с песком пустой окопчик и перевернутую зенитную установку. Расчет, очевидно, перевели в другое место, а может быть, просто похоронили. Он вспомнил, как в последний год своего пребывания в Ганновере установил связь с зенитчиками, дежурившими на крыше тюрьмы.

Пригодился все же трудный моряцкий опыт. Ничто не пропадает даром. Ничто. В эти страшные годы он и не вспоминал о морской сигнализации, а вот она-то и пригодилась... Море вспоминалось часто: порт, душный кубрик. Раскачивающаяся в проволочном колпаке тусклая лампочка под железным потолком, матросская люлька и скользкая палуба, с которой сбегает обрушившаяся на борт волна. Меньше всего думал он о морских сигналах. Но стоило увидеть того молодого парня в вылинявшей на солнце пилотке, что сигналил кому-то на соседнюю крышу, как все сразу и вспомнилось.

Долго не удавалось ему привлечь внимание зенитчиков к своему крохотному зарешеченному оконцу, долго попусту размахивал в сумраке глубокой оконной ниши искусными, все помнящими руками. И вот, наконец, его заметили.

«Кто ты?» — «Свой». — «Кто ты?» — «Рабочий. Матрос. Солдат». — «За что ты здесь?» — «Я — Тельман». — «Я знаю тебя». — «И я тебя знаю». — «Откуда?»

«Откуда? Это сложный вопрос, парень, очень сложный вопрос. Две недели я слежу за тобой. Я десять лет просидел в одиночке. Десять лет! Но десять дней я смотрю, как ты смеешься и куришь, играешь на губной гармошке, сигналишь приятелям и ешь бутерброды у железного ящика с песком. Я даже видел, как ты гадал на ромашке, пуская по ветру белые ее лепестки. Я знаю твоих приятелей. С закрытыми глазами вижу, как читаешь ты письмо, лежа на боку, подперев подбородок рукой, а волосы твои, светлые льняные пряди, шевелятся под ветром. Но вот поднимается на крышу лысый одутловатый фельдфебель — как хорошо, что он так редко приходит сюда, — ты прячешь листок в задний карман комбинезона, где темнеет пятно от машинного масла, нехотя встаешь. И я понимаю, что пришел твой недруг, с которым надо держать ухо востро. И перестая сигналить тебе, потому что твой враг — это и мой враг. Понимаешь? А ты спрашиваешь, откуда я знаю тебя! Знаю...»

«Знаю!» — «Чем я могу тебе помочь?» — «Говори со мной. Рассказывай мне». — «Ладно. Буду...»

Так они и подружились. И он уже не чувствовал себя бесконечно одиноким.

Как-то зенитчики просигналили, что в тюрьму пришла Ирма, которую они хорошо уже знали в лицо. И когда надзиратель, впустив ее в камеру, запер дверь, Тельман обнял дочь и засмеялся:

— А я знал, что ты придешь!

— Откуда, папа? — тоже громко спросила она.

— Я все вижу насквозь, и эти паршивые стены для меня не преграда, — и он весело подмигнул ей.

Ирма тут же достала маленькую грифельную доску, которая вот уже сколько раз помогала им обманывать установленные в камере микрофоны. А Тельман, не переставая говорить о том, как он рад наконец ее снова увидеть, быстро — они уже оба привыкли писать со скоростью классной стенографистки — начертал:

«Я установил связь с зенитной батареей, которая несет дежурство на крыше тюрьмы».

— Я так соскучилась, папа! — она мгновенно ставит вопросительный знак на доске.

— Как здоровье матери? — спрашивает он, а грифелем пишет: «Сигнальные знаки. Я счастлив, что договорился с ними и вновь связан с жизнью».

— Мама здорова, — Ирма быстро переворачивает доску: «Генрих все еще в тюрьме. Они требуют, чтобы он подписал один документ».

— А ты как? Как ты, моя девочка? — на этот раз вопросительный знак рисует он.

Она взяла у него доску: «Друзья думают повторить».

— Как ты-то себя чувствуешь, папа? Как твой желудок?

Он отрицательно покачал головой. «Не нужно идти на бесцельный риск».

— Плохо, девочка, я сильно ослабел. Но тоже, как видишь, держусь.

«У нас много новых друзей. Все они думают о тебе».

— Ты работаешь все там же, Ирма?

— Да, папа. В мастерской у свекра. — Она изобразила два вопросительных знака. Она ждет инструкций.

«Я передаю тебе важный материал, это двадцать тетрадей, полностью исписанных мною. Спрячь их надежно. Поезжай отсюда в Гамбург и помни, что записи эти важные и наши товарищи должны их получить».

— Помнишь, как однажды мы видели с тобой выводок диких уток в камышах?

— Конечно, папа!

«От зенитчиков я узнал, что караул сменяется после трех. Постарайся выйти из тюрьмы в это время, когда полицейские устали и спешат домой. Они не будут придираться».

— Как вы питаетесь?

— Не беспокойся о нас. Мы получаем карточки.

«Как хорошо, что ты и здесь сумел не остаться в одиночестве. Я горжусь тобой, папа! Зенитчики — молодцы».

«Эти солдаты борются вместе с нами против гитлеровской системы — они мужественные люди...»

Увидит ли он еще когда-нибудь свою Ирму, Розу? Живы ли они? Он обречен все начинать сначала. Новая тюрьма, новые люди, конечно, более строгий режим. Его положение с каждым разом ухудшается. Выпустят ли они его на свет божий? Скорее всего, нет! Добровольно наверняка не выпустят. Как это ни больно, как ни мучительно, но не надо себя обманывать. Они сделают все, чтобы поставить ему мат. Советская Армия все ближе, но ему не дожить до освобождения. Скоро настанет долгожданное утро, но не для него, нет, не для него. Его уже не будет тогда. Нацисты не остановятся ни перед чем. Не дадут они ему дожидаться освобождения.

Но он давно уже готовит себя. Тот день, свою последнюю минуту он встретит спокойно и просто. Как еще одно испытание на крестном своем пути. До боли жаль, что именно так должна закончиться эта его страда во имя самых высоких идеалов двадцатого века. Он знает свой конец, чувствует неизбежную, давящую близость его. За спиной десять страшных, непередаваемых лет «образцового» исправительного заведения Ганновера с его рационам из баланды и бруквы, Моабита с его ледяными каменными мешками, легкапо, где он выплевывал зубы и кровавую пену с клочками легких. Но время смазывает остроту воспоминаний, врачует раны памяти. Не столько боль и не столько муки вспоминаются, сколько друзья, такие верные перед лицом смерти.

Что случилось с теми зенитчиками на тюремной крыше? Сидят ли они все еще у нацеленных в небо счетверенных пулеметов, или горячее кислое дыхание близкого взрыва смело их, как и тех безымянных, которые еще вчера сидели в ячейке у этого переезда? И он думает о том светловолосом восемнадцатилетнем парне на крыше. И старается не думать о дочери и жене.

Он вспоминает ночь в Ганновере, когда бомбы падали рядом с тюрьмой. Черный лоскут зарешеченного неба дымился в луче прожектора, его пересекали пунктирные струи трассирующих очередей, мутными грибами возрастали на нем снарядные разрывы. На какой-то миг был виден даже крохотный серебристый самолет, трепещущий на смертельном перекрестке прожекторов, как наколотое на булавку насекомое.

Летающие крепости шли волна за волной. Прожекторы слепили, подавившись, смолкали зенитные пушки и глохли пулеметы. Зато грохот разрывов становился все ближе и ближе. Содрогались стены, звенели и лопались выбитые стекла.

В камере стало жарко, как у паровых котлов. Электричество отключили. Водопровод бездействовал. Заключенные колотили кулаками в железные двери, трясли раскалившиеся, как на углях, решетки. Женщины истошно вопили и звали далеких детей...

Каким несчастным, каким оскорбительно бессильным чувствовал он себя в ту страшную, гудящую сотнями авиационных моторов ночь. Сколько машин, взрывчатки, металла нужно, чтобы убить такое слабое и незащищенное существо, как человек, смести с лица земли безвинных женщин и детей? Война — варварство, люди должны ненавидеть войну. И эта война закончится гибелью фашизма. Повсеместной очистительной гибелью его.

Из письма Тельмана товарищу по заключению в Баутцене¹.

«...Потом была сделана остановка в Ошатце в Саксонии (между Лейпцигом и Дрезденом) в трактире, переполненном военными. Остановка длилась долго. Меня сразу же узнали бывшие там летчики — унтер-офицеры и рядовые. Они без усталости разглядывали меня, входили, выходили. Ответственный чиновник гестапо Хеллер, который до сих пор вел себя спокойно, стал сильно нервничать.

В половине шестого мы поехали дальше. Люди стояли на улице. Они улыбались и шепотом приветствовали меня на прощание. Простая женщина с ребенком на руках на прощанье помахала мне рукой. У меня на глазах были слезы: так неожиданна была для меня эта безмолвная радость!»

18

Бескрайни пространства Мазурских болот. Гнилые воды в холодных чавкающих мхах. Черные, поросшие голубоватым лишайником стволы сосен, мертвые мачты елового сухостоя, кочковатые пространства, где шелестят на ветру осоки и искривленные березы пресмыкаются по земле. Это грозное творение великого оледенения, оставившего песчаные валы, укрепленные гранитными валунами морены. На поросшем вереском суходоле во дни торжеств и суровых битв, когда почти вся Европа и нордический север лежали у ног победителя, и был создан новый жертвенник Вотана из стали и железобетона.

Команда Тодта проложила бетонированные дороги, рельсовые пути, построила аэродромы, доты, блиндированные подземелья. Десятки тысяч иностранных рабов по окончании строительства были ликвидированы и зарыты в гигантской пещере. Арийские инженеры, давшие подписку о неразглашении государственной тайны, тоже один за другим при невыясненных обстоятельствах отправились в мир теней.

Ставку фюрера охраняли специальные эскадрильи «мессершмиттов», танковые соединения СС и два кольца противовоздушной обороны. По всем шоссе дорогам, покрытым ввиду близкой осени желто-зелеными маскировочными пятнами, курсировали моторизованные пикеты лейбштандарта «Адольф Гитлер».

«Вольфшанце», «Волчье логово» — еще не так давно это название казалось забавным. В нем чувствовалась широта древнего воителя Арминия Германца и опасная удаль Зигфрида.

¹ Цит. по кн.: Германии бессмертный сын. М., 1963.

Но теперь, во второй половине августа 1944 года, даже наиболее преданные приближенные фюрера стали усматривать в названии ставки смысл провидческий и роковой.

Это смертельно раненный зверь забился в заболоченную чащобу, чтобы переждать облаву,лизать кровавые раны. Он еще сам не сознает, не хочет себе признаться, что кольцо сжимается и неминуем тот последний выстрел, который добьет его.

Фюрер знает, о чем думают его генералы. Не те, которых он после заговора 20 июля 1944 года велел повесить, точно мясные туши, на острых крюках. Эти уже больше не будут плести заговоры. Но остались другие, которые живут бок о бок с бункером, едят со своим фюрером за одним столом. О чем думают они? Какие преступные планы вынашивают? Никому из них он не верит, как, впрочем, не верил и раньше никогда и никому. Именно здесь, в его «Волчьем логове», заговорщики попытались нанести свой предательский удар. Чего же стоят после этого все меры предосторожности и куда годится охрана, которая не смогла обнаружить в портфеле бомбу?

...Гиммлер, прибывший личным поездом «Генрих», стоял со своим адъютантом группенфюрером Вольфом возле путей и острым носком сапога сбивал последние одуванчики.

Фюрер, кажется, не торопится принять его. Что ж, тем лучше, вернее, тем хуже для фюрера. Очевидно, болезнь прогрессирует, и он все больше подпадает под влияние Бормана.

— Свяжитесь-ка, дорогой Вольф, с рейхслейтером Борманом и попросите его поторопить фюрера,— глядя, как обычно, в сторону, улыбнулся Гиммлер.— Скажите, что мне придется самому пройти в блок. Дело не терпит.— Он снял пенсне, подышал на стекла и тщательно протер их белоснежным платком. Затем вынул из кармана список вопросов, с которыми намеревался обратиться к фюреру.

Под номером первым стоял Париж. Гиммлер собирался изложить разработанный специалистами детальный план минирования города. Список из двенадцати вопросов замыкала ненавистная рейхсфюреру фамилия — Тельман.

Отправив на эшафот саботажников из «Красной капеллы», Геринг рапортовал фюреру, что с коммунистическим подпольем покончено. Сегодня рейхсфюрер Гиммлер убедительно покажет, что так называемый «второй человек в государстве», мягко говоря, заблуждается. Данные, которыми располагает он, Гиммлер, свидетельствуют, скорее, об обратном. Коммунисты в последнее время даже активизировали свои действия. В Берлине, в частности, объявился некий Антон Зефков — коммунистический функционер, в прошлом рабочий и красный матрос. Пребывание в концлагере, кажется, не пошло ему на пользу, и он опять принялся за старое. Есть сведения, что он установил связь с дрезденским подпольем и ищет пути к Тельману. Гестапо известно, что заговорщики в последний раз встретились на конспиративной квартире 20 июля. Фюрер должен обратить внимание на такое совпа-

дение дат. Лишь многочисленные аресты в Берлине, Тюрингии и Саксонии, которые произвело гестапо после покушения, сорвали попытку коммунистов освободить Тельмана.

В тамбуре оказался Вольф.

— Фюрер ожидает вас у себя, рейхсфюрер. Он пожелал поговорить с вами сугубо конфиденциально.

— Благодарю, Вольф,— Гиммлер, поправив фуражку, зашагал к главному блоку.

Свой список из двенадцати пунктов он бережно сложил по сгибам и спрятал в карман.

19

Прежде чем закрыть крышку, Роза на всякий случай еще раз перебрала лежащие в чемодане свертки. Все как будто на месте: сардины, зельц, кусок мекленбургского сыра, яблоки и, конечно, теплый еще пакет с пирогами, которые они с Ирмой напекли утром. Значит, она ничего не забыла. Спасибо товарищам. Без них она, конечно, ни за что не достала бы такие вкусные вещи. Даже на черном рынке. А на продовольственные талоны и подавно. Недаром в очередях шутят, что дни, по которым отпускают маргарин, надо отмечать в календаре красным: они еще более редки, чем праздники. Да и какие могут быть теперь праздники? Идет тотальная война. Коричневая колымага на полной скорости несется в пропасть. Неужели вправду скоро настанет день, когда эти кошмарные годы станут вспоминаться, как дурной сон? Как нсчной, растаявший с рассветом кошмар... Доживет ли Эрнст до того дня? Дадут ли ему дожить? Красная Армия наступает, и близится долгожданное освобождение. Близится с каждым днем, каждым часом. Но разве эти осатаневшие от крови и лютого страха бандиты дадут ему выйти на свободу? Только чудо может спасти Эрнста. Товарищи делают все, что в их силах, но она, честно говоря, уже не верит в успех. Слишком мало у дрезденской группы времени на подготовку, да и убежать из Баутцена еще труднее, чем из Моабита... И силы у Эрнста теперь не те, и гестапо свирепствует так, что подумать страшно. Всюду шпики, провокаторы, всеобщее подслушивание, подглядывание, доноительство. Все-таки как чудовищно растлили они за эти одиннадцать лет души людей. Но прекрасны и необыкновенны среди всеобщего предательства и страха лица верных товарищей. Верных до последнего шага, последнего вздоха, верных до эшафота.

Какие головы идут под топор! На кого они набрасывают петлю! Честь и совесть опозоренной, проклятой всем миром страны. Кровавый пир идет по всей Германии. Безумный пир за пять минут до конца.

Роза словно приросла к полу. Тревога за мужа, как черное солнце, ослепила ее. Было в этой внезапно навалившейся тяжести что-то новое, несравнимое и с тоской о муже, столь привычной, и беспокойством за него, которое не покидало ее и во сне. Не о себе она страдала и даже не об Ирме, хотя ее муж Генрих Вестер вот уже два года сидит в гестаповской тюрьме. И меньше

всего могла думать она о том, что дверь ее дома, которая сейчас закроется за ней, закроется надолго. Что много месяцев не увидит она свою Ирму, с которой лишь случай, радостный и печальный, сведет ее в камере «Мрак и туман» концлагеря Равенсбрюк.

— Ты не опоздаешь, мама? — окликает ее из комнаты Ирма.

— Нет-нет... Сейчас выхожу, — она часто моргает, вытирает глаза и долго сморкается в надушенный кружевной платочек.

— Мама! — Ирма бросается к ней.

Они крепко прижимаются друг к другу, замирают так, но вот уже медленно падают руки.

20

Лагерный врач хаупштурмфюрер Шидлауски пребывал в состоянии крайнего раздражения. День определенно не складывался, хотя поначалу все шло по заранее намеченному плану. Он встал ровно в 6.30, сделал гимнастику при открытом окне, принял холодный душ и докрасна растерся махровым полотенцем. Это сразу же вызвало прилив бодрости.

В 7.15 он был уже в бараке номер 46, где под его наблюдением проводились многообещающие эксперименты с аконитин-нитратовыми пулями. В случае удачи открывались головокружительные перспективы. Ведь даже легкая рана, по сути, царапина, становилась теперь смертельной. Вермахт получит несомненное превосходство над армией противника, все раненые солдаты которой погибнут еще до отправки в госпиталь.

О том, что сегодня уже 17 августа 1944 года и вермахт терпит поражение за поражением на всех фронтах, хаупштурмфюрер запаса старался не вспоминать. Главное — честно и аккуратно выполнять свой долг.

В самый разгар работы комендант вызвал Шидлауски к себе.

— Получена радиограмма из Главного управления безопасности. — Комендант казался весьма озабоченным. — Велено ждать важного заключенного. Ваше присутствие тоже необходимо.

— Может, ничего серьезного? Шумиха по поводу какого-нибудь пустякового транспорта.

— Приказано подготовить печи и ждать. — Комендант подошел к себе телефон. — Позвоню на телефонную станцию. Пусть передадут по команде в крематорий.

По концлагерю прокатилась волна напряжения и страха. Командофюреры бегали от комендатуры к блокам и от блоков к крематорию. На вышках усилили охрану. Топки спешно загружали коксом, со склада запросили новую бочку нефти. Не понимая причины всей этой суеты, взвинченные до предела капо лютовали, как никогда.

В эсэсовских казармах прошел слух, что ожидается какая-то высокая инспекция из Берлина. После того как был снят с должности и отдан под суд обвиненный в злостных уголовных преступлениях прежний комендант Кох, таких инспекций боялись пуще

огня. По поводу предполагаемой ревизии высказывались самые разные предположения. Но точно никто ничего не знал. Комендант лагеря к внутреннему телефону не подходил, а его заместитель на все вопросы отвечал уклончиво. Обсудив всевозможные варианты, эсэсовцы остановились на том, что в лагерь прибывает главный гигиенист при имперском медике СС и полиции. На то были основания: во-первых, главный гигиенист еще в мае прислал указание перевести все циркулярные газокамеры с газа «Циклон-Б» на «Арегинал», во-вторых, комендант вызывал врача Шидлауски.

Весь день и весь вечер прошли в напряженном ожидании. Окровавленный месяц скользил по дымчатым волнам облаков. Мертвенным светом горели фонари на загнутых внутрь бетонных столбах. И в этом иссеро-белом огне зловеще скалились фарфоровые костяшки изоляторов и отсвечивала влажным змеиным блеском чуть гудящая под током проволока.

Но тишины не было под белой пылью Млечного Пути. Спящий лагерь всхлипывал, как в кошмаре, хрипел сотнями умирающих глоток в бараках, карцере, «научных» боксах и ревире.

Ближе к полуночи один за другим вошли в крематорий восемь человек в эсэсовской униформе. Назовем их поименно: штабсшарфюрер унтершарфюрер СС Отто, лагершарфюрер оберштурмшарфюрер СС Густ, рапортшарфюрер унтершарфюрер СС Гофшulte, командошарфюрер обершарфюрер СС Варнштедт, адъютант коменданта Шмидт, лагерный врач хауптштурмшарфюрер СС Шидлауски, обершарфюрер СС Бергер.

Замыкал это безмолвное шествие полуночных призраков хозяин печей унтершарфюрер Штоппе.

Но не надолго исчезли они во тьме преисподней. То и дело выскакивали во двор, нервно вышагивали, поминутно оглядываясь на ворота, где висела надпись из кованого железа: «Каждому — свое». В канцелярии крематория не смолкали телефонные звонки.

Но вот у ограды утромбно взвыл автомобильный гудок, и в канцелярии сразу стало тихо. Словно все вдруг испугались чего-то и притаились. А немного погодя показались во дворе оба начальника адских котлов — командошарфюреры Варнштедт и Штоппе. Бегом побежали они к воротам. И слышно было, как залязгали, как заскрипели стальные петли. И тут же гравий тяжело зашуршал под протекторами машины. Она въехала во двор крематория и остановилась под фонарем. Хлопнули дверцы с обеих сторон. Из машины вышли трое — все в штатском. Один из них, плотный, крепко сбитый, с тяжелой лысой головой, оказался в середине. Он сунул руки в карманы пиджака и глубоко вдохнул бухенвальдский воздух, который даже ночью вонял горелым человеческим жиром.

И когда он медленно двинулся к крематорию между двух своих конвоиров, которые такими маленькими казались рядом с ним, все эсэсовцы уже стояли у входа. Сами, без всякого приказа, вытянулись они шпалерами возле дверей, которые обычно раскрывались только для мертвых.

— Вам туда,— тихо сказал один из конвоиров.

Большой человек ничего не ответил и, даже не взглянув на притихших, настороженных эсэсовцев, вошел под каменный свод.

Второй конвоир схватился за задний карман, мелькнул вспыхнувший светлой полоской пистолет, и один за другим три оглушительных выстрела хлестнули в ночи. Где-то вдали завывали сторожевые собаки.

Эсэсовцы повернулись и вошли в крематорий. За ними последовали и оба штатских. Медленно закрылась дверь. На дворе осталась только большая легковая машина, глухо урчащая невыключенным двигателем.

И тут раздался четвертый выстрел, приглушенный толщей каменных стен.

Спустя некоторое время дверь отворилась, и во двор вышли оба нижних чина — унтерфюреры Гофшульте и Отто.

— Знаешь, кто это был? — спросил, доставая сигареты, Гофшульте.

— Вождь коммунистов Тельман,— ответил Отто и дал ему огня.

На следующее утро, 18 августа 1944 года, заключенный Згода нашел в вычищенной из печи золе прогоревшие и оплавленные карманные часы. Зола была темная, с синеватым и желтым отливом, а не белая, как обычно, словно плесень из погреба. Значит, человека сожгли вместе с одеждой. Значит, так торопились, что некогда было даже раздеть.

Только пара мужских ботинок не пошла в печь. Утром черные эти ботинки еще стояли рядом с той темной кучкой золы.

Потом их унес унтерфюрер Гофшульте...

Радио рейха. 14 сентября 1944 года
20 часов 45 минут. Важное сообщение.

«Во время англо-американского воздушного налета на окрестности Веймара 28 августа было сброшено много бомб и на концентрационный лагерь Бухенвальд. Среди убитых заключенных оказались, между прочим, бывшие депутаты рейхстага Тельман и Брейтшейд».

Заявление министерства пропаганды:

«В связи с воздушным налетом союзной авиации на концентрационный лагерь Бухенвальд под Веймаром германское радио, в противовес утверждениям противника, категорически заявляет, что союзные авиачасти 24 августа сбросили на лагерь около тысячи фугасных и большое количество зажигательных бомб, устроив настоящую кровавую баню для заключенных».

21

Обратим внимание на разницу в датах. Нацисты и здесь остались себе верны. Но уже ничто не могло спасти «тысячелетний рейх» от праведного возмездия: ни ложь, ни террор.

Победоносная Советская Армия неудержимо приближалась к границам Германии. Сама история спешила вынести свой приговор.

В мемориальном музее ГДР — бывшем лагере смерти Бухенвальд — возвышается бюст Эрнста Тельмана. Рядом на стене крематория — памятная доска. Увитые лентами венки, горы цветов, нескончаемый поток людей изо дня в день, из года в год.

Подвиг пламенного борца, первым вступившего в схватку с фашизмом, бессмертен.

25 апреля 1945 года, сломав ожесточенное сопротивление врага, советские войска овладели предместьями Баутцена. Завязались кровопролитные уличные бои. Особенно яростно гитлеровцы обороняли тюрьму. Может быть, именно поэтому распространился слух, что здесь все еще находится вождь германских коммунистов.

— Там Тельман! — крикнул младший сержант Александр Маслов и поднял в атаку солдат. Под пулеметным огнем он ворвался на тюремный плац и бросился к двери, ведущей к камерам, но не добежал... Как хотелось ему, двадцатилетнему крестьянскому парню из Калининской деревеньки, принести свободу тому, чье имя стало легендой.

До полной победы оставалось менее двух недель...

Основные даты жизни и деятельности Эрнста Тельмана

1886 — в семье Иоганна и Марии Магдалены Тельман 16 апреля родился сын Эрнст¹.

1903 — вступил в социал-демократическую партию.

1904 — член профсоюза транспортных рабочих.

1906 — участвует в стачках и митингах в Гамбурге. Призван в армию и направлен в 9-й артиллерийский полк.

1907 — уволен в запас за «неблагонадежность».

1908 — организует в Гамбурге антимилиитаристский кружок. Член правления местной организации профсоюзов.

1912 — выступает на XIII съезде союза транспортников в Берлине.

1914 — ведет борьбу против соглашательской политики на IX съезде в Кельне.

1915 — 13 января женится на Розе Кох. 14 января призван в армию и отправлен на Западный фронт, где продолжает вести антивоенную пропаганду.

1917 — отпуск в Гамбурге, который целиком использован для политической работы. Порвал с социал-демократической партией. После победы Октябрьской социалистической революции выступил в защиту Советского государства.

1918 — призвал рабочих Гамбурга к массовой стачке.

1919 — избран председателем гамбургской организации «Независимой социал-демократической партии».

¹ Полное имя — Эрнст-Иоганн-Франц.

- 1920 — вступил в Коммунистическую партию Германии и добился вступления в КПГ 95 процентов членов «Независимой социал-демократической партии».
- 1921 — избран в ЦК КПГ. На III конгрессе Коминтерна встретился с Лениным.
- 1922 — участвует в работе IV конгресса Коминтерна в Москве и Петрограде.
- 1923 — возглавил героическое восстание рабочих Гамбурга.
- 1924 — избран кандидатом в члены исполкома Коминтерна.
В ночь с 23 на 24 января стоял в почетном карауле у гроба В. И. Ленина.
- 1925 — избран председателем ЦК КПГ и возглавил Союз красных фронтовиков. КПГ выставила его кандидатуру на выборах в президенты Веймарской республики.
- 1928 — член исполкома Коминтерна.
- 1930 — по инициативе Тельмана КПГ выпустила «Программу социального и национального освобождения немецкого народа».
- 1932 — КПГ вновь выставляет его кандидатуру на президентских выборах в качестве «Красного кандидата немецкого рабочего класса». По инициативе Тельмана КПГ проводит широкую «антифашистскую линию».
- 1933 — 3 марта арестован агентами гестапо на конспиративной квартире.
- 1933—1937 — Тельман находится в тюрьме Берлин-Моабит.
- 1937—1943 — заключен в тюрьму Ганновера.
- 1943—1944 — под усиленной охраной содержится в каторжной тюрьме Баутцен.
- 18 августа 1944 г. тайно расстрелян в концлагере Бухенвальд.

Автор-составитель альбома
Еремей Иудович Парнов

ЭРНСТ ТЕЛЬМАН

Фотоальбом

В альбоме использованы фотографии и документы из книги «Ernst Thälmann», Dietz Verlag, Berlin, 1955

Редактор И. Е. Ермакова
Художественный редактор И. В. Балашов
Технический редактор Т. Ю. Плахтий
Корректор Т. А. Лебедева

Сдано в набор 23.08.85 г. Подписано в печать 3.03.86 г.
A02239. Формат 60×90^{1/16}. Бумага мел. офсетная. Гарнитура
Журн. рубленая. Печать офсет. Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 8,26.
Усл. кр.-отт. 15,13. Тираж 20 000 экз. Заказ 658. Цена 60 к.
Изд. инд. ИЗО-639.

Ордена «Знак Почета» Издательство «Советская
Россия» Государственного комитета РСФСР по
делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР.
170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

60 к.

Эрнст Тельман

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ